

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО САДА

КОНЕЦ ПУТИ

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

Владыка Ледяного Сада

Ярослав Гжендович
**Владыка Ледяного
Сада. Конец пути**

«АСТ»

2012

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Гжендович Я.

Владыка Ледяного Сада. Конец пути / Я. Гжендович — «АСТ»,
2012 — (Владыка Ледяного Сада)

ISBN 978-5-17-109322-8

История Войны Богов подходит к концу. Великие армии готовы пересечь море и встать под стенами Ледяного Сада – крепости, под которой решится судьба всего мира. Магия и воинская доблесть, древние заклинания и невероятные технологии, народы, сорванные с родных земель желаниями покинувших свой дом чужаков, и чужаки, желающие избавить этот мир от тех, кто возомнил себя богами. Разведчик, ученый и князь, утративший трон – против магии гор и песков. Но Мидгард скрывает много тайн и кошмаров, и никто из противников еще не знает, на что способен этот мир.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-109322-8

© Гжендович Я., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	55
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ярослав Гжендович
Владыка ледяного сада
Конец пути

Jarosław J. Grzędowicz
PAN LODOWEGO OGRODU. TOM 4

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Серия «Шедевры фэнтези»

© 2012 by Jarosław J. Grzędowicz
© Сергей Легеза, 2018, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Змеи и вороны

*Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.
Там она видела —
шли через потоки
поправише клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг глодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ль вам этого?*

Völuspá – Прорицание вёльвы

В пещере воцарился оглушительный хаос. Каждый хотел знать, что теперь делать, знать немедленно, и каждый сию же секунду хотел услышать это от Драккайна. Как раз в таких случаях он отчетливо вспоминал, отчего ненавидит командовать.

– Тихо! Все к стене! – рявкнул, заглушив их на миг. – К выходу не приближаться!

Вероятно, этот приказ не был превосходным, но, по крайней мере, он был хоть каким-то. В полумраке пещеры Вуко видел, как его спутники вжимаются в покрытые бесформенными, лоснящимися натеками стены. Удачно пущенная снаружи стрела ударила в потолок, высекая искры, и полетела вглубь пещеры, стуча о сталактиты.

Он пытался как-то оценить ситуацию, прекрасно понимая, что на всё про всё у него лишь несколько секунд. Попытался взглянуть на происходящее сверху, как на проклятушую настольную игру. Как на шахматную партию.

Впереди была группа всадников и крабы. В первый миг Драккайну показалось, что их много, минимум пять десятков, но теперь, не пойми откуда, появилась убежденность, что их двадцать пять, и лишь восемь тяжеловооруженных, как по местным меркам, а остальные – быстрая, универсальная легкая кавалерия, луки и копья, и что рядом стоит с десятком крабов. Знал это, словно рассматривал фотографию. Как во время обучения методам разведки, когда его посылали с каким-то абстрактным заданием в город – требовали, скажем, украсть шапочку шеф-повара трехзвездочного ресторана, обчистить конкретную кассу в супермаркете или сделать так, чтобы некая персона остановила охрану, – а потом вдруг приходилось вспоминать, сколько в зале сидело блондинок, назвать регистрационные номера машин, стоящих перед входом, и всякое такое.

Итого – перед входом в пещеру стоял эскадрон Змеев; позади его людей, сгрудившихся в пещере, регенерировал двенадцатиметровый кошмар Пассионарии, хотя в долине уже почти не было магии, а сама чародейка начинала приоткрывать в своем саркофаге налитые кровью жуткие глаза, хотя получила порцию воды онемения, могущую усыпить и атакующего носорога. Филар, парень, который казался ему не менее важным, чем сама Калло, – тем, кто каким-то

образом держит в руках спутанные нити судеб всего мира, – как раз попал в руки врага, уволоченный на аркане, истекая кровью, словно свинья. Был мертв или умирал, но, что ни думай себе, находился в руках крейзанутых на всю голову психопатов с зигагообразными татуировками. У них в тылу снова начинали роптать и бормотать полупрозрачные, туманные призраки, похожие на эмбрионов. Братья Древа, оставленные им прикрывать отступление, погибли либо – в лучшем случае – оказались изрядно прорежены.

Бывали у него дни и получше, видывал он и лучше разыгранные шахматные партии.

Прошла первая секунда.

Змей перестал шипеть и бормотать в своей вонючей пещере, воцарилась тишина, а потом раздался мощный удар, будто во вход стукнулся большой резиновый грузовик. Земля ощутимо вздрогнула, с потолка лениво посыпалась пыль, потом камешки. Позади, в темном отверстии, с гроыханием перекатились каменные обломки.

– Слышите меня?! – орал кто-то снаружи. С явным гортанным акцентом горца. – Вы, в дыре! У нас ваш пацан! Отдайте нам Деющую, или я выпущу ему кишки!

Драккайнен взглянул прямо в темные глаза побледневшей Сильфаны, вжавшейся в известковые натеки напротив него. В полумраке пещеры глаза ее напоминали капельки сургуча – две темные щели, ведущие во мрак и ужас. Грюнальди, скорчившийся рядом, что-то бормотал, теребя потными пальцами рукоять меча.

Вторая секунда.

Безглазый змей опять ударил головой в проем коридора, встряхивая гору и грохоча камнями.

Драккайнен подполз боком к выходу и прижался к краю отверстия.

– Я хочу быть уверен, что он жив! – крикнул, сколько было сил в легких, аж эхо пошло по пещере, а Грюнальди раздраженно скривился.

– Так ступай сюда и проверь! – ответили ему. – Или смотри, как его кишки будут виться в снегу! Давай Деющую, или я его прикончу.

– Пассионария... Ты принадлежишь мне, Пассионария... – зашипел змей.

Третья секунда.

Вуко стер пыль с поверхности саркофага над лицом Калло, там, где емкость из магического льда была прозрачной, словно сервисное окошко. Пассионария вертелась среди мясистых отростков внутри капсулы, дергала головой, будто хотела выплюнуть пульсирующее щупальце, похожее на слизня, что лезло ей в рот. Веки ее дрожали, глаза ритмично дергались из стороны в сторону, то и дело тарасились прямо перед собой, с жутковато суженными зеницами, а через секунду закатывались, пряча радужку. Наша Скорбная Госпожа отъезжала во тьму нарколепсии, но изо всех сил пыталась проснуться. Или, по крайней мере, удержаться в полулетаргии, в которой провела столько времени. Быть может, вода онемения только начинала действовать.

Быть может.

Он сжал ладони на ручках по сторонам овального саркофага и толкнул его, словно сани в бобслее.

– Толкайте сзади, *perkele saatani vittu!* – прохрипел с усилием, сам удивляясь, что он все еще настолько остроумен.

– Что ты хочешь сделать? Отдать ее Змеям? – он даже не понял, кто это спросил.

– Выполнять, *haaista paska!* Без разговоров! Вот это – наружу!

– Пассионария... – Змей ударил в проем коридора, тот обрушился, открывая большую дыру внутрь пещеры. Сразу же потянуло густым, мускусным запахом и нездоровым теплом. Безглазая, бледно-синяя морда отдернулась в темноту на изогнутой, словно молния, шее, готовясь к броску, точно разъяренная кобра.

Емкость с Пассионарией сдвинулась к выходу из пещеры и высунулась наружу, словно гора готовилась снести ледяное яйцо. Будь это шахматы, Драккайнену пришлось бы признать,

что ему поставили мат. Но он вовсе не должен был двигаться вперед или в стороны по заранее заданным полям. Мог сам решить, будут это шахматы или покер. Потому что это была война, а не дружеский матч.

– А теперь всем – под стены! – приказал резко. – Как можно дальше от середины коридора! Пропустите его!

– Кого?

– Деющая заперта в сундуке! – заорал, чувствуя, что оглох на одно ухо от собственных воплей. – Мы ее отдаем!

– Ульф, что ты делаешь?!

Змей издал оглушительное шипение, будто паровая турбина, стравливающая избыток давления, и метнулся в коридор. Драккайнелу показалось, словно он спрятался в боковой нише метро. Размытая овальная туша, покрытая чешуйками, пронеслась мимо него сквозь пещеру, гоня волну воздуха, смешанного с раздавленными в мелкий щебень камнями, остатками известковых натеков, сталактитами и пылью.

Длилось это невыносимо долгую, наполненную отвратительным грохотом и воплями секунду. Вуко лежал, вжавшись в пол, и в этом жутком шуме не слышал, как орет сам.

Тварь, мчащаяся по коридору, начала уменьшаться, и вот рядом промелькнул хвост не толще мужской руки.

Разведчик, кашляя и сплевывая пещерную пыль, перекатился на середину коридора, теперь гладкую, выметенную до голой скалы, покрытую скользкой, кровавой слизью, при виде которой на ум приходил свежеразделанный угорь. Поскользнулся, пытаясь встать, потом нырнул щучкой к выходу, что сделался теперь широким и почти идеально круглым. Можно было бы проложить рельсы и открыть железную дорогу от Долины Скорбной Госпожи на Побережье Парусов.

Он выглянул наружу – как раз вовремя, чтобы заметить, как гладкий ледяной саркофаг несетя торпедой по искрящемуся снегу прямо на отряд всадников, оставляя за собой неглубокую колею.

Змеи, словно зачарованные, глядели на приближающийся снаряд и на гигантскую тварь, бледную, будто солитер, что двигалась к ним змееобразными движениями, порой совершенно исчезая в снежном облаке. Собственно, поначалу они и смотрели-то исключительно на саркофаг, поскольку тот съезжал ровнехонько им под ноги. Мужчина в неравномерно черном доспехе, что выглядел, будто его собирали из найденных на свалке пластин, стоял рядом с конем, держа за капюшон анорака неподвижного Филара и сжимая во второй руке довольно мерзкий с виду кинжал. Он отпустил куртку, позволив парню мешком свалиться на снег, а потом поднял ногу и остановил тормозящий на пологом склоне саркофаг.

Протер крышку и заглянул внутрь, а потом выпрямился, поднимая руку с кинжалом ко лбу, чтобы прикрыть глаза от солнца, – и только тогда заметил безглазого змея.

– Из пещеры и врассыпную, – рявкнул Драккайнел. – Проверить, нет ли живых. Если нет, то забрать оружие, особенно арбалеты. Бегом! Раненых в лес, туда, где остались кони. Отходим! Исполнять!

Сам же присел за одинокую скалу и завозился с колчаном.

Змей едва справлялся со склоном – и не удивительно. Собственно, он не был животным или настоящим чудовищем, а просто безумной фрейдистской проекцией, опирающейся на фантазии на тему змеи. Однако он имел массу, скорость и проблемы с координацией. Несколько раз кувыркнулся, сплетая тушу клубком, словно небрежно брошенный пожарный рукав. У подножья склона ему удалось замедлиться, взбивая фонтаны снега, из которых после поднялась его голова, будто у разъяренной кобры.

Снизу это должно было выглядеть жутковато, однако Змеи не впали в панику. Конечно, лошади их завизжали и встали на дыбы, но сами всадники лишь тарасились в остолбенелом

молчании. Змей не атаковал, только двигал головой, будто оценивая ситуацию, вел мордой за саркофагом с Пассионарией, который, позабытый, съехал чуть дальше по склону между всадниками. Один из тяжеловооруженных, что стояли рядом с командиром, слез с коня, благоговейно отдал кому-то большой лабрис, снял шлем, похожий на башку тиранозавра, а потом сбросил в снег косматую шубу, поднял ладони и принялся петь.

– Понимаю, – сказал Драккайнен, поводя озябшей на морозе рукой, чтобы сдернуть крышку колчана. – Увы, ошибка. Вы перепутали змеев, парни.

Оглянулся через плечо, удостоверившись, что его люди бредут, пригнувшись, в снегу, волоча за воротники и пояса трех неподвижных Братьев Древа, емкости с магией и куль с завернутым в плащ бывшим фавном, что у Хвоща и Кокорыша стрелы уже на взведенных арбалетах, и что эти двое прикрывают отход. До леса, где команда оставила сани и упряжки, оставалось десятка полтора метров. Он взглянул на центральную часть представления как раз вовремя, чтобы увидеть, как Змеи снимают шлемы и опускаются на колени в снег, а чудовище Пассионарии раскачивает головой в ритме движения их рук. Драккайнен глянул вверх, тщетно пытаясь запустить утраченные умения и выбрать угол выстрела, потом провел оперением стрелы по губам, распрямляя загнувшиеся перья.

А потом много всего случилось одновременно. Змей начал мерцать и растворяться, будто был голограммой, запущенной из поврежденного файла.

Чудище, выныривая из сплетений своей туши, распрямилось, насколько было возможно, и голова его теперь высилась над остолбеневшими Змеями на высоте третьего этажа. Вдруг он преломился, жуткий вопль: «Пассионария!», подобный грохоту лавины, заглушил скандирования Людей-Змеев; змей же рухнул в толпу, поднимая тучу снега, – в том месте словно заплясала метель.

Драккайнен вскочил на ноги, не обращая внимания, что выдает свою позицию.

Внизу царил ад в чистейшем своем воплощении. Хаос снежной пляски, люди, кони, броня и кольца жуткой туши. Какофония воплей, шипения, лязга доспехов, визга лошадей и жуткого завывания крабов.

Вуко натянул тетиву, но не мог понять, куда стрелять. Змеи кинулись наутек, из сутолоки в разные стороны ринулись несколько запаниковавших лошадей с пустыми седлами, в воздух взлетели, кувыркаясь, несколько человек; он увидел катящийся саркофаг и змея, что полз следом зигзагами. На снегу осталось много крови и тел, брошенные шлемы и раскуроченная броня крабов. Он осторожно двинулся вниз по склону со стрелой на тетиве, пытаясь высмотреть лежащего где-то там Филара.

Змей продолжал мерцать, то появляясь, то исчезая; иной раз он казался клубом снежной пыли, а иной – распадался пучком молний, но оставался опасен. Похоже, Змеи оставили набожное восхищение и решили нападать. Тварь вдруг перекатилась, давя людей, и мотнула башкой, отбросив еще двух орущих воинов и свалив тяжеловооруженного на лошади. Последний бросок сопровождал грохот, достойный железнодорожной катастрофы. Бронированный воин и его конь проскользили по снегу несколько метров и буквально воткнулись в скалу. Подброшенный в воздух человек полетел в сторону Драккайнена, кувыркаясь, как лыжник на склоне, и замер в неестественной позе тряпичной куклы, что характерна для упавших с большой высоты или жертв мощного взрыва: она означает, что в теле не осталось ни одной целой кости. А где-то в эпицентре этого безумия оставался Филар.

Вот только его не было видно. Слишком много там всего происходило, да и было слишком далеко. Слишком много раздавленных тел, метущихся в панике силуэтов среди клубов снега, слишком много крови.

И слишком много змея.

Туша, диаметром с цистерну и длиной с небольшой мост, судорожно свивалась, как выброшенный на берег угорь. Казалось, что он везде и что постоянно меняет положение тела.

Хаотический, изогнутый, ошетилившийся стрелами и древками копий, будто обезумевший Моби Дик.

Драккайнен сделал еще пару шагов, пригибаясь, словно под обстрелом. Он придерживал стрелу на луке; с пальцами на тетиве он нерешительно остановился. Сперва намеревался прокрасться туда, прямо в центр бардака, убить всякого, кто попадет, найти Филара и выволочь его за анорак вверх, в сторону своих.

Теоретически, идея не самая худшая, раз уж не понять толком, что там происходит. Все равно что прыгать в торнадо, чтобы найти корову папочки.

А что делать с саркофагом Пассионарии? Отобрать у змея и унести под мышкой?

Он снял стрелу и сунул ее в колчан, одним движением пряча лук в сагайдак. А потом бегом кинулся в сторону леса.

По глубокому снегу бежать было ужасно. Ноги проваливались по колени, подошвы скользили, дыхание вырывалось клубами, словно из парохода, а тем временем жизнь Филара, сына Копейщика, вытекала, как вино из дырявого меха. Если еще не вытекла.

Несмотря на магию – истинную или мнимую, – несмотря на месяцы тренировок, бионическую поддержку, пусть нынче и в образе крылатой феечки, некоторые вещи сделать невозможно.

Например, невозможно бежать по снегу в гору и одновременно орать во все горло.

Грюнальди и Спалле ждали на краю леса, нервничая, не в силах решить, что делать. Рядом на корточках сидели двое ассасинов – Боярышник и Вьюн – со взведенными арбалетами, глядя на пандемониум внизу и, похоже, прикрывая спину Вуко.

– Это даже не было настолько глупым, как могло показаться сначала, – обратился Грюнальди к Вуко. – Деющая притянула за собой змея прямо к этим. Смотреть приятно. Но что теперь? Если они ее заберут, можно начать рубить себе во льду могилки.

Запыхавшийся Драккайнен просопел не пойми что, жестами показывая, чтобы отступили под деревья. Скользнул под украшенную шапками снега ветку и, конечно же, сбил одну такую себе в капюшон и за воротник.

На утоптанной полянке стояли сани и привязанные кони. Анемон, Кизил и Явор лежали без сознания, неподвижно, на раскинутых на снегу плащах. Лавр сидел над ними с какими-то шкатулочками в окровавленных ладонях, и не понятно было – пытался лечить или проводил последние обряды. Выглядело все скверно.

Яйцевидные емкости с магией стояли в безопасности на одних санях, хорошенько притороченные ремнями к бортам.

– Анемон уже в Саду, – заявил Лавр. – Кизил получил два удара в бок и стрелу в грудь, но неглубоко. Явор – клинком в голову. Шлем помог, но он потерял изрядно крови. Я наложил пряжу насекомых, как приказывал мастер Фьольсфинн, а потом перевязал. Дал им и воду онемения. Когда человек спит, рана заживает быстрее. Эти двое выживут, если захочет Древо.

Драккайнен слушал, переступая в нервном танце, пытаясь избавиться от снега за воротником рубахи и анорака.

– Как их достали?

– Тех пришло много, и у них был Деющий. Вел их к пещере, словно собака к зайцу. Братья не могли позволить Змеям войти за вами, а потому появились из-под снега и принялись убивать врагов. Потом пали от Деющего на большом коне.

– Отчего вы не помогли?

– Сани и кони были важнее. Охраняющие не должны были никого впустить в пещеру, а наша забота – обоз. Змеи не смогли его найти. Внизу остался только Деющий; стоял в стороне и ждал, пока поднимется побольше Змеев, а наши братья истекут кровью. Мы собирались его подстрелить, но тут из пещеры вышел молодой Филар, а главный метнул в него топорик, потом поймал на аркан и поволок за конем. Мы выстрелили из арбалетов и должны были попасть,

но он Деющий, стрелы не причинили ему никакого вреда, лишь запутались в его плаще, хотя могут проходить сквозь железо.

– Понял, – сказал Вуко. – Сейчас нет времени. Боярышник, Скальник, Лавр и Вьюн, вы остаетесь в лагере. Боярышник – на страже. Станешь следить, что там будет.

Ассасин вскочил и побежал без лишних расспросов, будто только этого и ждал.

– Остальные – за мной, – продолжал Вуко, стараясь говорить быстро и отчетливо. – Варф-нир, Спалле, Пастушник, бегом к саням около пещеры, проверьте, можно ли их использовать, и ждите нас. Остальные – по коням! Мы должны отбить молодого и волшебницу. Вьюн, Лавр и Скальник, ждите и наблюдайте, что будет происходить. Если погибнем, берете раненых, емкости с магией и возвращаетесь на побережье, к кораблю. Берете, что нужно, – и ноги в руки!

Драккайнен осмотрелся, нашел на санях баклагу и жадно и досыта пил. Отер губы, проверил меч и, будто о чем-то вспомнив, содрал с себя блестящие тонкие листы парадного доспеха.

Остальные тоже содрали с себя украшенные лентами рубахи, бахрому и тряпичные цветы: свет увидели грязно-белые аноракки с черными, несимметричными пятнами камуфляжа. Скрежетали мечи, всовываемые в ножны, проверялись луки, подтягивались ремешки брони и шлемов.

Ядран издал глубокий взрыкивающий звук, словно верблюд, – это соответствовало пофыркиванию нормального коня, и у него это означало симпатию. Драккайнен снял шлем и приложил лоб к резонатору, скрытому в костях черепа большой головы.

– Холодно, – заворчал у него в голове. – Вуко вернулся. Не оставляй. Ядран защитит. Ядран заберет. Дом. Теплая конюшня.

– Пока еще нет, братишка, – пробормотал Вуко. – Еще нужно сражаться.

– Много странного, – заметил Ядран. – Нездорового. Плохие люди. Опасно. Странно.

– Знаю, лошадка.

Он надел шлем и вскочил в седло, а потом, когда вынырнули из-под заснеженных веток на открытое пространство, лег на шею коня.

– Что происходит? – спросил Вуко, обращаясь к чуть неровному сугробу.

Боярышник, закопавшийся в рыхлый снег, повернулся к нему, отстегнул полоску меха и кольчуги, закрывавшую нижнюю часть лица.

– Рассыпались. Большая часть лежит. Тварь обернулась вокруг яйца с Деющей, те несколько Змеев, которые уцелели, выстроились, но боятся подходить. Филара не видно. Слишком много тел. Некоторые разбежались, могут оказаться где-то поблизости.

Вуко поднял ладонь к козырьку шлема и осмотрелся.

Из леса за его спиной выезжали белые фигуры на лошадях, покрытых серо-белыми чепраками. Еще три шли рысью в сторону пещеры к стоящим там саням, укрытым маскирующей тканью.

Внизу змей, свернувшийся в клубок размером с небольшой бассейн, поднимал голову, грозно поводя ею из стороны в сторону, а перед ним довольно много Змеев собрались в клин и закрылись щитами. За строем стояли двое в тяжелой броне, сбоку раскачивались несколько крабов. Солнце спряталось в низких тучах – желтоватых и зловещих, – выплывших вдруг из-за отрогов. Начал падать снег.

– Ладно, – сказал Драккайнен. – В строй. Съезжаем. Косо по склону, и едва спуск станет пологим – ударяем, разогнавшись в карьер. Шеренгой. Главное – Филар и Деющая. Змеи менее важны, тем более что осталось их немного. Атака по-гуннски, *hit-and-run*¹, как я вам показывал. Поняли?

– Ты всегда это спрашиваешь, – с неудовольствием заметил Грюнальди, дергая плечом. – Словно мы вдруг поглупели.

¹ Бей-и-беги (англ.).

– Потому что, как доходит до дела, всякий начинает творить, что ему в башку стрельнет, а мы должны действовать вместе. Как отряд. Боже, не верю, что я это говорю.

Они двинулись. Осторожно, гуськом, траверсом по склону. Кони скользили в снегу и порывивали от неудовольствия.

Среди Змеев внизу что-то происходило. Один из тяжеловооруженных встал в снегу перед строем, голый до пояса и без шлема, обнажив лысый лоб, спадающий на спину пучок косичек и грудь, покрытую змееобразной татуировкой. Стоял под густым снегом с раскинутыми в стороны руками и, кажется, пел.

Змей же тем временем вился и крутился вокруг саркофага с Пассионарией, словно желал его высидеть, но одновременно он выставил из свернутого клубком тела метров шесть туловища, грозно раскачивая головой.

Люди-Змеи сомкнули строй и двинулись вперед. Драккайнен даже причмокнул разочарованно. Задумка была идиотской. В тесном строю люди были для змея одной большой целью. Как если бы кому-то на руку село с десятков комаров в одном месте. Возлагать надежды на деревянные щиты и на еж трехметровых копий – слишком оптимистично.

Снег падал все гуще, воздух казался жестким от кружащих снежинок.

Змею, похоже, было нехорошо. Он мерцал, рассыпался вихрем подвижных искр, словно в помехах, исчезал и становился подобен самой метели, длинным вихревым хвостом окруживаясь вокруг саркофага с Деющей.

– Покажи мне магию, Цифраль, – сказал Вуко. – Хочу понять, что делает голый.

Издали, сквозь густеющий снег, он видел неподвижную вуаль бриллиантово сверкающих искр; однако нечто вроде переливчатого тумана, что густился вокруг твари, выступало двумя неплотными рукавами и плыло в сторону ладони стоящего Змея. А склон перед Вуко еще сотню метров был слишком крут, чтобы начинать атаку. Они и так ехали, почти лежа на конских спинах.

– *Perkele paskiainen* заряжает аккумуляторы, – процедил Вуко. Сунул руку в пришитые под аноракком карманы и нащупал две емкости из стабильного льда с песнями богов. Немного. Для хирургического применения. Кристаллы, рождающие высасывающие магию коконы, он использовал все до последнего. Хотел быть уверен, что вычистит долину под ноль. Они лежали теперь рядом на санях, превращенные в метровые, овальные емкости, отяжелевшие от всемогущей пыли.

– *Jebal to pas*, – проворчал он и раздавил один флакончик о нагрудник, а потом растер содержимое в ладонях. – Луки, – крикнул за плечо. – Через десять шагов – в карьер! Цифраль, включи что-то, что усилит мое восприятие. Ясновидение, ноктовизию, прекогницию, радар, хоть что-то.

Драккайнен сжал бедрами бока Ядрана и пошел рысью, потянувшись за луком и стрелой. Когда накладывал ту на тетиву, почувствовал, как поползли по пальцам мурашки. Рысь перешла в короткий галоп. Быстро глянул влево, чтобы проверить, держат ли они линию, но увидел только Грюнальди и Сильфану, остальные исчезли в снежной пыли и превратились в едва видимые фигуры, белые на белом.

Впереди змей ударил башкой вперед, а сбитые в закрытую щитами группку Змеи попытались обойти его, что выглядело довольно смешно. Полуголый чувак на склоне что-то яро говорил хорошо поставленным голосом, откинув голову и вытянув руки, словно он желал обнять выходящего змея – а тот теперь мерцал, словно в стробоскопическом свете, то исчезая, то появляясь, а то и распадаясь снежным облаком. Это была не просто иллюзия, потому что когда он на миг исчезал, то стрелы и копья выпадали из него, а саркофаг с Пассионарией втискивался в снег, словно овальный камень.

На все это Драккайнен глядел сквозь завесу метели, мелких серых полос, затянувших весь мир. Он приподнялся в седле, сжав бока коня коленями и вцепившись взглядом в огромного полуголого мага на склоне.

Змей на миг материализовался и ударил вперед, разбивая щиты, подбрасывая орущих людей и обломки копий. А за миг до того, как наконечники вошли в Змеев, рассыпался и строй людей разведчика.

Драккайнен натянул над головой лук и выстрелил: не целясь и не раздумывая, пытаясь пробудить в себе дух дзен, не видя ничего, кроме жутковатого лица с черными щелями глаз и губами, окруженными змееобразными татуировками. Выстрелил прямо в метель. В белый шум мороза.

И попал точно в сгорбленного мужика с копьем в обеих руках, который как раз выбежал на линию выстрела. Он уже пролетал мимо на разогнанном коне, но увидел, словно на стоп-кадре: Змея, как тот выпадает прямо из снежной тучи под стрелу, как замирает, а черное оперение вырастает у него из-под мышки, как воин валится вперед, а потом катится в фонтане белой пыли.

Вуко рыкнул яростно, несясь галопом в клубящемся снегу, в котором мелькали разбегающиеся во все стороны фигуры. Кто-то выбежал прямо на них, Ядран только фыркнул, свалив Змея нагрудником, словно танк, и тот бесчувственным полетел в метель. Вокруг – вопли, позади – резкие, осиные жужжания стрел.

Драккайнен с командой пролетел на другую сторону утоптанного, обрызганного кровью поля боя, усеянного черными телами, и развернулся.

Метель замерла: на миг, буквально на десяток секунд, несущаяся стена снега поредела, открыв вид на схватку и на шеренгу всадников, разделяющихся, согласно плану, на две группы, словно в танце – правый, левый, правый, левый; на лежащие тела, кровь, хаос. И на Змея-мага, который стоял, как и прежде, и тварь Пассионарии, что начала вытягиваться вверх, мерцающая и дрожа.

Неподалеку топтались трое крабов, словно ошеломленные курицы, конвульсивно размахивая клинками.

– Что за бардак, – рявкнул Драккайнен. – Что тут вообще происходит?

Змей вдруг упал: плашмя, словно дерево, на крабов, давя их, как яйца, разбрасывая куски панциря в брызгах зеленоватой слизи, смешанной с кровью. Драккайнен, который прекрасно знал, что это такое, скривился и непроизвольно отвернулся.

Но услышал мощный голос с инфразвуковыми обертонами, подобный грому ханю землетрясения, в нем слышалось: «Пассионария...», но уже тихо и едва различимо.

А потом змей снова вскинул голову.

И исчез.

В долю секунды превратился в вихрь: тот снова свалился им на голову, затопив мир белым шумом. Они же разгонялись во вторую атаку. По склону, который исчез. Растворился в белом и сером, в подвижной мозаике хаоса. Драккайнен спрятал лук и вынул меч. Не слишком верил в фокусы с дзен, чтобы стрелять вслепую. Из метели вынырнул мужик в шлеме, напившем глубоководную рыбу. Вуко рубанул его с седла в то место, где плечо соединилось с шеей. Клинок завяз в кости, доспехе и кольчуге, рывок чуть не выбил разведчику сустав. Он отчаянно высвободил меч – за сталью тянулись брызги крови – и проехал немного в снежной буре меж едва видимых фигур, что появлялись и исчезали, будто духи, но так и не сумел никого достать.

Сперва увидел светящуюся полосу, что выросла из снежной пустоты и перерубила его напополам. Совершенно как тогда, когда он, освободившись из дерева, ослабленный и больной, одиноко сражался на перевале. Давным-давно. Теперь у него еще и видения. На долю секунды. Проблеск подсознания, но он различил обросший крючковатыми остриями клинок, втыкаю-

щийся ему под плиту нагрудника, визг встающего на дыбы коня, круговорот неба, кувыркающегося, словно на трапеции, сильный рывок, напрягающий все внутренности, и тяжелое падение. Короткий, будто вспышка, проблеск. Не раздумывая, он свесился на противоположный бок Ядрана, вцепившись в гриву, а мерзкий протазан или глевия и правда выросла из метели вместе с руками, ухватившими оружие, – и промелькнула над седлом. Серпообразный клинок не выпотрошил Драккайнена, скользнул вдоль бока, но потом он почувствовал рывок, и правда пославший его на землю.

Сложнее всего было смягчить падение назад. Он сделал, что смог, стараясь ничего не сломать; удалось перекатиться через плечо, ударить ладонью в снег, но соприкосновение с землей все равно выбило воздух из груди. Серп не воткнулся в тело, но зацепился за полу анорака. Хватило и этого.

Было видно, что нападал спец. Драккайнен еще не восстановил дыхание, не нашлось даже времени, чтобы проверить, целы ли ребра и зубы, – он вообще успел только неуверенно покопаться, словно был перевернутой на спину черепахой, а Змей, сжимая древко, уже подскокил сбоку, одним движением освободил запутавшийся крюк на клинке и наступил разведчику на грудь. Протазан дернулся вверх, нападающий скрутился в талии, а оружие пошло в противоположную сторону, словно маятник, и сейчас уткнет в грудь разведчику узкий клинок.

Вуко снова увидел вспышку, понял, что арахнидовый ламинат выдержит и что поэтому клинок скользнет прямо в горло.

Ему не пришла в голову ни одна разумная последняя мысль, он не увидел никакого слайд-шоу своей жизни, не вспомнил никаких умных фраз. Ничего не было, кроме обжигающей вспышки адреналиновой паники.

Просто не сумел.

Темный диск мелькнул у него над головой, перечеркнул белый хаос, окружавший их со всех сторон, и смел нападавшего. Словно того протаранило миниатюрное НЛО.

Вуко перекатился в сторону и начал вставать, когда кто-то ухватил его за воротник и рывком вздернул на ноги.

– Щит отдашь потом, – крикнул Грюнальди с седла и исчез в белом шуме.

Похожий искристый, вертлявый хаос нарастал у Драккайнена в голове. Сквозь треск электростатики, поглотивший все остальные звуки, до него вдруг добралась рвущая боль в спине и в надорванных жилах, прострелив до почек. И еще он нигде не мог найти меч.

Воин-Змей начал ворочаться, отчаянно хрипеть, сталкивая с себя щит Грюнальди. Драккайнен качнулся в его сторону и пнул в подбородок, сам вновь повалившись в снег. Перевернулся на живот, все еще давясь в конвульсивных пародиях на вздохи, не дававшие ему ни капли кислорода. Среди белизны замаячила некая темная форма, режущая снег решительной линией, напоминаяшей огромное тире. Он поднял глевию и, подпираясь ею, словно посохом странника, встал ровно.

Перевел дыхание – вместе с воздухом вернулся и свет. Белый шум остался, но появился еще и вопль, и топот лошадей, и хаос бегающих вокруг людей.

Кто-то выскочил на него сбоку, размахивая мечом и жутко крича. Вуко крутанул глевией, подрубив нападавшему ноги, ткнул шипом на древке в солнечное сплетение. Крик нырнул к небесам обезумевшим визгом – и вдруг затих. Другой Змей с красно-черным лицом, превратившимся в маску злобного демона, рубанул сверху, клинок лязгнул о твердое, выглаженное древко. Вуко пнул противника в голень, отскочил и косо рубанул, распарывая грудь от плеча до бедра, а потом смел с дороги ударом второго конца древка, при этом упав от усилия на колено.

А потом побрел вперед, словно слепец, держа неудобное оружие наготове, в поисках лежащих.

Те попадались то и дело, присыпанные покрасневшим снегом, превращенные в продолговатые сугробы, но все – облаченные в косматые шубы, в черную ткань, похожую на бархат, в

пластинчатые доспехи из вороненого, набитого заклепками железа. Он же искал белый материал, что теряется на снеге, с черными, размытыми полосами камуфляжа, блеск мелких звеньев кольчуги, голову, покрытую рыжей щетиной.

И засохшей кровью.

И находил лишь трупы Людей-Змеев и раздавленных крабов. И снег, секущий лицо, слепящий глаза, лезущий в рот. Вуко слышал топот лошадей – повсюду – и крики своих людей. Это было хорошо, потому что в снегопаде казалось, что их десятки и что они везде. Он пытался крикнуть в ответ, но только слабо захрипел.

Из снежного торнадо выросло световое копьё, пробивая Драккайнена навывлет. Он отступил с его пути, уклонился и рубанул клинком поверху, попав в Змея, выскочившего из пурги и желавшего, похоже, надеть его на копьё хитрым низким ударом. Змей согнулся и упал вперед, свернувшись, как червяк. Драккайнен пару раз дернул, но противник лежал на копьё, надевшись на проклятые серповидные отростки для стягивания всадников с лошади, и оружие безнадежно завязло.

Он ругнулся и выпустил древко и сразу же присел, когда предупредительная вспышка света перерубила его шею, словно неоновая лопасть вертолета. Топор мелькнул у него над головой, потянув за собой нападавшего: тот, ударив в пустоту, потерял равновесие. Вуко уперся одной рукой в снег и, полулежа, воткнул врагу ногу в пах, а потом перекувыркнулся, чтобы ухватить полетевший на землю топор.

Схватил оружие под обухом и ближе к концу тяжелой рукояти, но его противник уже тяжело встал на ноги и убрел в метель. Драккайнен сплюнул в снег и двинулся дальше, блуждая меж крутящимися снежинками, в белом шуме. Он не был уверен, не повредил ли внутренние органы – может, просто прокусил язык или щеку во время падения – Вуко сплюнул кровью.

Остановился на миг, прислушиваясь к крикам, топоту и лязгу железа, пытаясь обрисовать себе общую картинку и перестать блуждать вслепую в снежном вихре. И тут раздался рык.

В первый миг он решил, что вернулся проклятый змей, но звук был совершенно иным, напоминал сирену или трубу. Более жестяной и жутковатый, чем мрачный рев раковин Ледяного Сада.

Он трусцой направился в сторону звука, и тогда ветер, словно по команде, исчез. Перестало метелить, снежинки затанцевали в воздухе и стали редеть. Миг назад он видел, самое большее, на пару метров, а теперь вдруг появились сугробы под ногами, черные ветки кустов, лежащие тела, увидел он и своих всадников, маячащих в снегу: они носились вокруг на неуверенно пританцовывающих лошадях.

И уцелевших Змеев, со всех сторон бегущих туда, откуда звучала труба.

К четверем всадникам на невысоком холме со стороны реки. Один дул в рог, остальные неподвижно ждали, а кованые драконьи морды их забрал равнодушно глядели вперед. Слабнувший ветер шевелил черными флажками на тонких древках, что торчали из-за их спин. Между двумя лошадьми виделась люлька из кожи: там лежал саркофаг Пассионарии, а через спину еще одного коня перекинуто было худощавое тело в белом, маскирующем одеянии с размытыми камуфляжными полосами. Дистанция была метров двести, не меньше.

Уже на бегу Драккайнен заметил, что у Филара связаны руки. В каком-то смысле это показалось ему внушающим надежду, поскольку труп не стали бы связывать и не стали бы увозить с собой. Перед лошадьми в снегу на коленях стоял проклятуший маг, открыв голую грудь: все время он выводил некий напев, с одной рукой, вытянутой в их сторону, и с другой – устремленной растопыренными пальцами в небо, словно антенной.

«Притягивает какую-то волну из воздуха? Заряжается, готовясь к молнии?» – пронеслось в голове Вуко, когда он с разбегу перескакивал тела в ржавых пятнах пропитавшегося кровью снега. Сунул топориче за пояс, одновременно потянувшись за луком.

Его люди проигнорировали мага, зато не раздумывая понеслись галопом за бегущими Змеями. Снова раздались вопли, в снег упали очередные Змеи. Он еще успел заметить, что Ядран бежит с остальными – под пустым седлом, все время нервно крутя головой и осматривая землю.

– Отбить Филара и Деющую! – крикнул Драккайнен, натягивая лук.

Стрела его вырвалась из пальцев и разлетелась в воздухе облаком щепок, словно столкнувшись с литой бронированной плитой. Одновременно и самого разведчика словно ударил невидимый кулак.

Впечатление было таким, будто пуля попала в бронежилет. Его подбросило в воздух, он отчетливо почувствовал, как слои его ламинатной, многослойной брони распределяют энергию и на долю мгновения превращаются в жесткую плиту.

Он грянул спиной в снег и даже проехался слегка по инерции, взбивая фонтан белого пуха. Понятия не имел, было ли то, чем он получил, побочным эффектом заклинания, уничтожившего стрелу, поспешной атакой или пианино, брошенным из катапульты.

– Цифраль... – простонал Вуко, тяжело приподнимаясь. – Покажи мне магию. И давай, что только найдешь.

– Есть только на тебе! – крикнула та с ноткой истерики. – Тут ничего нету! У него собственные запасы!

– Покажи, *da piczki materi!*

Змей стоял, как и раньше, в позе, которую Вуко посчитал магической боевой стойкой, – на присогнутых ногах, указывая правой рукой на Драккайнена, с левой рукой над головой, пальцами в небо.

«Интересно, оно что-то дает, или сплошная комедия?» – успел подумать Вуко.

Воздух вокруг мага на холме слегка вибрировал, словно над асфальтом в жаркий день. Он окружал мага нечетким кругом, мыльным пузырем; на поверхности его двигались призрачные полосы, чуть похожие на бледные разряды, и они стекались в вытянутую ладонь, собираясь вокруг нее в размытое гало.

– Он и правда заряжается, как гребаный конденсатор, – проворчал Драккайнен. – Я получил остатками, оттого еще жив.

Провел ладонями по собственному нагруднику, пытаясь собрать брызги звездной пыли, переливающейся, словно бриллиантовая крошка.

– Давай всё в руки, Цифраль. Проверь, не осталось ли чего, где был миражный змей.

Двинулся вперед, наклонившись, зигзагами, словно впереди было пулеметное гнездо, а не полуголый человек с вытянутой рукой. Чувствовал, как по пальцам бегут мурашки. Пытался что-то придумать, но в голове была пустота.

Тот чуть развернул туловище, сдвигая ладонь в сторону его людей.

Драккайнен отчаянно выдернул из-за пояса топор, размазал по лезвию переливчатый отблеск, размахнулся на бегу и швырнул тяжеленный кусок железа.

– *Kuolla, vittumainen!* – заорал, чтобы отвлечь внимание мага.

С другой стороны от склона раздался плавный хрустящий звук, крик. Драккайнен повернулся, когда топор был еще в воздухе, и увидел мчащиеся по крутому склону сани, как раз когда те выскочили в снежной туче на мульду. Его люди цеплялись за борта, но он сумел заметить и натянутые арбалеты с блеском наконечников стрел.

Кони растянулись в атаке, Люди Огня и Братья Древа привстали в седлах с мечами в руках, орали.

Топор, крутясь, как сорвавшийся вертолетный винт, начал падать прямо на стоящих на холме Змеев, преодолев сто с копейками метров за рекордное время и продолжая ускоряться.

Маг быстро, с растущей растерянностью осматривался, свет вокруг его рук принялся рассеиваться и пульсировать.

Продолжалось это долю мгновения, потом чародей Змеев широко махнул рукой, словно собираясь отвесить кому-то пощечину тыльной стороной ладони, – и вдруг исчез в снежном взрыве.

Вместе с холмом, Филаром, Пассионарией в колыбели между лошадьми. Все мгновенно скрылось за стеной распыленного белого пуха, что внезапно ринулся в сторону атакующих, словно волна цунами, и повалил их на землю, давя внутренности жутким инфразвуковым громом лавины.

– Господи... В третий раз... – застонал Драккайнен, безуспешно пытаясь встать на ноги и плюясь снегом. Перекатился на четвереньки и осмотрел поле боя.

Снова посыпало. И снова все вокруг начала затягивать белая завеса.

– Ко мне! Огонь и Дерево! Бегом! – рыкнул он во всю глотку.

Стена метели выплюнула Ядрана, который гнал с вытаращенными глазами и оскаленными драконьими зубами, фыркая паром – выглядел, словно адский скакун. Вуко развернулся к нему, ухватился за лук и впрыгнул в седло. Двинулся рысью, заметил на скаку раскинувшийся крестом труп в вороненом доспехе и торчащий из сугроба меч. Свесившись, подхватил рукоять, а потом поднялся на вершину холма, покрытого взбитым снегом и остатками тумана. Ехал по памяти, почти вслепую, но вершина была пустой. Следы копыт и ног превращались под легким пухом в едва видимые ямки. Змеи исчезли. Вместе с Филаром и Пассионарией Калло. Осталась лишь метель и туман. Он развернулся и погнал назад, туда, где полагал найти своих.

– Ко мне! – заорал снова.

Из снежных вихрей начали появляться всадники. Грюнальди, потом Кокорыш, конь без всадника – и все. Больше никого.

– Где Сильфана? – прохрипел Вуко не своим голосом. – Грюнальди, к саням, проверь, кто жив. Кокорыш, стой здесь и время от времени ори. Сейчас снова потеряемся. Когда Грюнальди вернется, бегом на гору к остальным. Пусть собирают лагерь и везут все сюда, но – бегом.

Сани, что минуту назад мчались по склону в абсурдной атаке, теперь лежали на боку и выглядели скверно, а вокруг виднелись белые неподвижные фигуры, заслоненные клубами белой пыли.

– *Perkele!* – рявкнул он, собрав в одно слово все эмоции, клубившиеся в голове, и галопом двинулся сквозь снег. Ему казалось, что у него в пальцах все распадается. Соскочил в круглое пятно крови, впитавшейся в снег, среди нескольких скрюченных тел. Прикрыл глаза и глубоко вдохнул носом, пытаясь сконцентрироваться.

– Цифраль... Помоги мне их найти. Ищи Сильфану и Дягиля.

Феечка мелькнула перед ним, какая-то пастельная и угасшая, с обеспокоенным личиком, и выглядела она совершенно так же растерянно, как и он сам.

А потом он двинулся от одного трупа к другому, ведя Ядрана на короткой узде.

Смотрел в чужие, бледные, пергаментные лица, в похожие на колодцы черные глаза, оскаленные, окровавленные зубы. Переворачивал их лицами вверх, втыкая найденное оружие в снег – кроме первого, присвоенного меча. Кто-то из Змеев слабо ворочался, один вдруг ухватил разведчика за запястье. Вуко ткнул его сверху под ключицу, совершенно машинально, и только через несколько шагов понял, что сделал. Добил раненого, причем даже не хладнокровно, а вообще не задумавшись.

– Сильфана! – крикнул. – Дягиль!

Ничего. Ничего, кроме воя ветра и карканья. И снега, секущего лицо.

Ему казалось, что он ходит по кругу и раз за разом попадает в одни и те же места, когда Ядран вдруг остановился, издал драконье воркованье и потянул Вуко в сторону.

Дягиль лежал на боку среди тел трех Змеев, в большом пятне крови, с двумя короткими мечами в руках – с теми, которые обычно носил за спиной. Снег падал прямо на широко откры-

тые глаза, а на маске, заслоняющей рот и нос, расцвело пятно крови, уже коричневеющей на морозе.

Драккайнен присел рядом и сунул руку под капюшон, пытаясь нащупать место на шее, почти на затылке, где у местных проходила сонная артерия, но сомнений быть не могло. Дягиль уже бежал сквозь Сад, среди ледяных цветов, навстречу спроектированному Фьольсфинном раю.

– Вуко... – Цифраль зависла у разведчика перед лицом, он взглянул на ее свесившиеся ручки – и сердце его сбилось ритм. – Вуко... Я ее нашла.

У него свело щеки, а голос феечки, отзывающийся в голове, потонул в волне белого шума. Все в один момент сделалось черно-белым.

– Где?.. – прохрипел он.

– Ступай за мной. Кажется, жива, но не знаю...

– Веди, – рявкнул он. И пошел за истекающей бледным светом феечкой, между трупами, среди движущегося савана метели.

Она полусидела на снегу, завалившись набок, с лицом белым как бумага. Шлем спал у нее с головы, длинные темные волосы, выбившись из-под ремня, стекали волной на ржавые пятна вокруг. Сжимала ладонью бок и чуть раскачивалась с сомкнутыми веками, из-под которых ручейком текли слезы.

Он добрался до Сильфаны и, как смог, осторожно отнял ее руку от бока. Все было пропитано кровью, свежей, продолжающей течь, но напоминало рубленную рану, а не след от колото того удара.

– Ульф... Прости... – простонала она. – Мне так жаль... Все вытекает... И так холодно...

– Тихо, малышка... – пробормотал он. – Все будет хорошо...

Он расстегивал ее разрубленный анорак, задирает кольчугу и слои шерсти – пальцами неловкими, словно колышки. Рана тянулась вдоль ребер, самое нижнее могло быть сломанным, но до пневмоторакса не дошло. Она вздрогнула, когда Вуко обмыл бок горстью снега, размазывая по коже кровь, тут же снова выступившую в ране.

Отчаянно ругаясь по-фински, по-польски и по-хорватски, он выудил из-за пазухи последний флакончик, а из бокового кармана штанов – пучок корпии, зашитой в свежий, чистый мешочек, порцию насекомной паутины и бинт. Разодрал его зубами и положил на снег, а потом сбил шейку флакона о край шлемного козырька и вылил на рану все, что там было. Девушка вскрикнула и напряглась. Вуко зашипел успокаивающе, стараясь зашипнуть края раны, и обложил ее псевдопаутиной, волокнистой, похожей на неплотную вату, и наложил повязку. А потом он сидел над Сильфаной, держа ладони на повязке, изо всех сил пытаясь представить себе кровеносную систему, делящиеся клетки и застывающую кровь. Сидел с закрытыми глазами, раскачивался, словно шаман, и монотонно бормотал:

– *Parantua... Perkele parantua... pysähtyä veri... poistua perkele haava...*

Он слышал, как его зовут, но не прерывался. Сидел долго, глядя, как грудь Сильфаны, покрытая гусиной кожей, поднимается в слабом дыхании, и ждал, пока повязка перестанет подтекать, повторяя и повторяя свои слова монотонным, деревянным голосом.

И только потом их позвал.

* * *

Мы потеряли двоих людей – Анемона и Дягиля; Явор, Кизил и Сильфана – в тяжелом состоянии. Кизил и девушка выглядят стабильными, Явор – скверно: бабка надвое сказала, выживет или нет. Бывший фавн – без сознания. Одни сани повреждены. Из их экипажа при падении рассадил голову Варфнир – крови, как от подрезанной свиньи, серьезная шишка и

его тошнит, а Лавр вывихнул ногу. Оба настаивают, что чувствуют себя нормально. Филар и Калло похищены.

Так все примерно выглядит. Остальной ударной группе, со мной во главе, тоже изрядно досталось. У меня – девять человек и двое саней.

Я сижу на поваленном стволе, умываю руки и лицо снегом, вокруг суета. Раненых грузят на сани, убитых тоже, завернув в их меховые спальные мешки. Я должен организовать эвакуацию и решить, кто едет со мной в группе преследования. Мы делим амуницию.

На снегу мехом книзу разложена шкура, а на ней – запасы стрел, связанные в пучки, вязанки сушеного мяса, обомшелые головки особого сыра, стальные сюррикены, веревки, разнообразные приспособления для убийства.

Грюнальди находит свой щит и приносит мой меч. Взамен даю ему баклагу с пивом. Участники штурма настолько вымотаны, что едва стоят на ногах.

Варфнир то и дело блюет на снег и сидит склоненный, упершись в собственные колени, словно таким-то образом может ухватить на несколько секунд отдыха больше. Лавр пытается скакать на одной ноге, с мешком в руках, а мне хочется свернуться клубком в ближайшем сугробе. Собственно, как раз тут начинается проигрыш. Когда в изможденном мозгу загораются аварийные лампочки и неминуемо появляется сообщение: «Все, больше не могу».

Собственно, для этого-то у меня и был имплант. Не только для усиления мышц или изменения восприятия. Когда появлялось: «Не справлюсь», я мог щелкнуть воображаемым рычажком и перейти в турборежим. Отключить боль, усталость и нежелание шевелиться и некоторое время относиться к организму как к трактору. Потом я, конечно, чувствовал бы себя больным, но чтобы выйти из такого состояния, его сперва нужно пережить.

Я сую в рот три полоски сушеного мяса зараз, посасываю, жду, когда они размякнут настолько, что их можно будет жевать. Пригодилось бы и что-нибудь сладкое. По крайней мере, я уже понял, отчего плюю кровью. Поврежденная щека припухла изнутри. Твердый мясной леденец то и дело тычет в меня болью, мобилизующей, будто рывки удил.

Вершина холма словно выметена. До голой скалы, камня и вымороженной травы, спрессованной, словно войлок. То есть почти выметена: с исчезновения Змеев сыплет снег, хотя уже немного слабее. Большие редкие снежинки напоминают клочья рваных перьев.

Я уже пытался телепортироваться и потому знаю, что для этого требуется. Не хочу верить, что колдун Змеев сделал это одним взмахом, одновременно глядя на атакующих всадников и летящий топор. Только вот в этом мире слово «невозможно» следует упаковать в коробку и отложить куда-нибудь, где оно не станет мешать.

Если он это сделал, у нас серьезные проблемы. Если один татуированный безумец может в любой момент перебросить куда-то группку людей или сделать так, чтобы те появились, где ему нужно, шансов у нас нет. И все. Телепортирует десант прямо в центр Ледяного Сада или в теплицу Фьольсфинна.

Я приседаю и гляжу на засыпанный снегом склон за холмом, в направлении реки. Поверхность там неровная, ряд небольших возвышенностей застилает вид, но мне кажется, я вижу цепочку ямок, будто бы следы, выдавленные в глубоком, плотном снегу. Естественно, с тем же успехом это может оказаться и тропинка, которую они оставили, направляясь в нашу сторону.

Схожу чуть вниз, приседаю, пытаюсь взглянуть под углом, но это мало помогает. Небо затянуто монолитным слоем туч, что выглядят как грязная мешковина. Теней нет. Я мог поискать термические следы. Или воспользоваться нюхом и найти след. Когда-то. Теперь мои способности визуализируются в образе голой, трепещущей крылышками высокомерной феечки.

И чувствую я лишь резкий запах влажного металла, шерсти и собственного пота.

На полпути к реке что-то нахожу. Подозрительное бурое пятнышко, виднеющееся в снегу. Снежинки тут стаяли, залитые чем-то ржавым, просвечивающим снизу. Аккуратно раз-

гребаю снег пальцами и вижу вытаявшую ямку, наполненную темно-красным. Капля свежей крови, которая упала в снег и была засыпана свежим пухом.

Надежда.

Я возвращаюсь к своим, уже приняв решение.

– С ранеными едут Лавр, Варфнир, Пастушник и Хвощ. Помните: от устья едете на север, пока не увидите, что лед становится тоньше. Если начнет смеркаться или будет темно, разжигаете костер на железном щите, сыпете в огонь порошок из этого мешочка. По чуть-чуть. Огонь делается синим и начнет стрелять искрами. Немного подождите, пока не разгорится, потом повторите. Увидите на море моргающий свет – это будет означать, что Осот вас заметил и плывет. Не гасите костер. Скажете ему, чтобы ждал еще три дня, а потом, если мы не вернемся, возвращайтесь в Сад. Любой ценой спасите раненых.

Девушка бледна, словно лед: кажется, что под кожей просвечивает синева. Я касаюсь ее губами в легком поцелуе и ни за что не желаю расклеиваться. Сильно зажмуриваюсь и медленно выдыхаю воздух ртом. Сглатываю слюну, двигаю челюстью, пока не отпускает перехваченное горло.

Сани уезжают, хрустя полозьями, к руслу замерзшей реки. Если все пойдет хорошо, к ночи она будет на корабле. Самое позднее – завтра утром. На море, в безопасности, в ледяном корпусе, в тепле горящих в печи брикетов, в зеленом свете мерцающих рыбо-драконов, залятых в стенах.

На прощание мы пожимаем друг другу запястья и закривки.

Мы затягиваем пояса. Поправляем мешки и ножны, отягощенные железом. Пропотевшие аноракки делаются жесткими и ледяными. В путь.

– Цифраль, ко мне, – ворчу я под нос. – Работаем дальше.

* * *

Она появилась моментально. Вуко вздохнул.

Выехали гуськом, в тишине. Дыхание поднималось паром.

– Куда? – спросил Грюнальди.

– Пока на восток. Вниз, через реку и в сторону того перевала. А потом поглядим.

– Снова станешь говорить сам с собой?

– Не болтать!

Они съехали склоном на берег реки. В одном месте – полоса вытоптаных и сломанных сухих прошлогодних камышей, но ни впереди, ни на заснеженной плоскости льда на реке они не заметили следов.

– Туда, – сказал Вуко. – Теперь я их не потеряю.

– Но ведь следов нет.

– Именно. Посмотри внимательней. Дальше на снегу везде есть неровности, следы птиц, сугробы и следы от ветра. А там, куда они пошли, только полоса ровного снега, гладкого, словно скатерка. Он бросил заклинание, что затирает следы, – оно и затерло. Все. Приятно видеть, что кто-то тоже совершает ошибки.

По другой стороне реки полоса выглаженного снега тянулась дном неглубокой долины прямо к лесу.

– Или хотят оторваться как можно быстрее, или притаились и поджидают нас, – проворчал Драккайнен. – Внимание, в лесу могут устроить засаду. Рысью, цепью!

Но Змеи не ждали их под сенью леса. Едва видимая полоса выглаженного заклинанием снега вела дном долины прямо между деревьями. Вуко разделил отряд, чтобы зайти с двух сторон, если бы враг и вправду сидел где-то меж сугробов и заснеженных ветвей, но ничего такого не случилось. Зато появился нормальный след. Продолговатые ямки с неровным краем,

где копыта разогнавшихся лошадей выбрасывали снег, куски дерна и клочья мха, иной раз – капля густой крови на белизне. Те спешили.

Вуко ехал впереди, каждые пару десятков шагов соскакивая в глубокие сугробы, припадая к земле, словно пес, оглаживая отпечатки, высматривая сломанные веточки, сброшенные с деревьев шапки снега, следы конского навоза или новые проплавленные кровавые отпечатки, а потом молча показывал направление и снова гнал первым.

Кони парили, обернутый ремнями металл сбруи не звенел, снег приглушал топот. Они погрузились в лес. Всадники, окутанные бело-серыми маскировочными одеждами, и скакуны в белых пополах ехали между деревьями, словно отряд призраков.

Примерно через час лес поредел. Вуко вскинул над головой кулак, а потом прижал его к плечу и отмахнул ладонью в сторону. Они без слов сошли на землю, снимая со спин щиты и вынимая мечи.

– Тут они сошли с лошадей, – прошипел Драккайнен, выпуская облачка пара из-под маски. – Оставили одного охранника, а сами отправились в ту сторону. Кажется, там поляна. Слышите?

Грюнальди потянул носом.

– Дым. Смола и словно бы пригоревшее мясо.

– А еще человеческое дерьмо и свежая кровь. Много крови, – мрачно добавил Вуко. Застегнул полоску меха, свисавшую сбоку от капюшона, закрывая нос и рот. – Страхуйте меня. Если это ловушка, оставайтесь в укрытии. Стреляйте или атакуйте и меняйте позицию. Не выходите на открытое пространство. Пока – все вокруг поляны.

Раздался приглушенный треск двух взводимых арбалетов, остальные молча потянулись за луками, а потом исчезли в заснеженных ветвях.

Драккайнен вынул меч, подождал, пока все встанут на позиции, потом с другой стороны поляны раздалось посвистывание зимней птахи, и он осторожно вышел между кустов и двинулся вперед.

Прямо в сторону двух обложенных дерном кострищ, из которых сочился густой дым. Вокруг кострищ снег был вытоптан и выбит до голой земли, везде в беспорядке лежали палки, куски шкур и ветки, – похоже, остатки большого куреня. У превратившегося в угольки костра лежал почерневший чугунный котел, из него натекло что-то коричневое и, кажется, съедобное, но теперь оно напоминало лужу грязи. Недалеко от разрушенного лагеря стояли грубые сани, до половины груженные кусками древесного угля, а за тлеющими насыпями он видел некое смолисто-черное гнездовье.

Вуко сделал еще два шага, и черное гнездовье вдруг взорвалось оглушительным хоровым карканьем и тучей взлетающих воронов, открыв два порубленных трупа. Вонь бойни и внутренностей ударила Драккайнена, перебив чад тлеющих в насыпях угольев – он даже подавился и отвернулся на миг, прижимая ко рту меховую маску. Вороны метались над его головой, как черное торнадо.

Он подошел ближе, но ни один из лежавших не напоминал Филара или Змея. Он окинул взглядом жутковатые белые лица с оскаленными зубами и вытаращенными помутневшими глазами, скрюченные когти пальцев, выкрученные во все стороны конечности, широкие следы ударов, словно открытые в криках рты, и почувствовал страшную усталость. Эти двое выглядели так, словно получили из мортиры или попали под поезд. Вокруг разливалось пятно рыжей, кровавой грязи.

Он обошел поляну, то и дело перевертывая клинком тот или другой найденный предмет, порой приседал на пару мгновений. Потом выпрямился и свистом призвал своих.

– Было тут восемь человек, в том числе две женщины и двое детей, – пояснил Вуко, когда отряд собрался, все еще со стрелами на тетивах и взведенными арбалетами в руках. – Охотились и выжигали уголь. Похоже, у них заканчивались припасы. Стояли здесь лагерем

дней десять. Змеи пришли оттуда, – показал кончиком меча. – Вот так просто и сразу атаковали. Закидали курень факелами или драконьим маслом, а потом зацепили его «кошкой» и обрушили на головы людей, которые были внутри. Те двое сражались до самого конца, а когда погибли, то упирались в спину друг друга. Не знаю, со сколькими – или с чем – они сражались, но не видно, чтобы кого-то смогли убить. А потом Змеи ушли, забрав с собой остальных. Ничего не понимаю. Они спешат. Куда-то направляются. Затирают следы. А потом, не раздумывая, бросаются на первых же людей, которых встречают. Сдурели они или как?

Спалле сплюнул сквозь зубы.

– Это твари, – пояснил Грюнальди. – Всегда так было. Сражаются не за трофеи, не за честь. Как бешеные волки. А нынче, с их змеиным королем, сбрендили окончательно.

Драккайнен покачал головой, потом махнул рукой на восток.

– Туда повели уцелевших. Связали их одной веревкой и поволокли за собой. Зачем? До Земли Змеев – немалый кусок дороги. Через эти горы – пара недель марша. Зачем им пленники? Будут их задерживать. Некоторые ранены, их нужно кормить и обогревать, иначе умрут. Да и какой толк от нескольких рабов? Где логика? Они же не сошли с ума. Тут явно что-то не то. Может, ван Дикен и затуманил им головы, но они ведь не кретины.

– Сейчас зима, – заметил Боярышник. – Ты говорил, что они начали пожирать людей. Может, пленники – провиант для Змеев?

– Тогда бы их разделали, – мрачно заметил разведчик. – С мясом меньше хлопот, оно не сдерживает марш, а на морозе не испортится. По лошадям. Мы выдвигаемся. Теперь у нас есть шанс сократить дистанцию. Пока мы собирались, у них было часа полтора. Теперь можем наверстать время.

Грюнальди сунул два пальца в рот и свистнул Вьюну, что вышел из леса, ведя под уздцы коней.

За поляной след и правда был заметней, зато и лес сделался гуще, стало полно низко свешивающихся выкрученных веток, согнувшихся под тяжестью снега, скал и колючих кустов, цепляющихся за одежду.

Они без слов вскочили в седла и теперь шли вперед без передыху. Время от времени Драккайнен останавливал отряд, сбрасывал капюшон и прислушивался, пытаясь поймать инородный звук. Скрип и побрякивание упряжи, фыркание лошадей, ляг снаряжения, крики похищенных – хоть что-то. Но стояла тишина. Только время от времени в ветвях хвойных деревьев раздавался вой ветра, птичьи крики, плеск ручья среди обледеневших камней или мокрый шорох снежных шапок, падающих с деревьев. Ничего больше.

Через час лес поредел, они вышли на пологий луг на склоне. Безукоризненную белизну снега уродовала только вытоптанная метра в полтора тропа, идущая траверсом вниз, к следующей границе леса и скал. На вытоптанном снегу было больше брызг и капель крови, порой отчетливо отпечатывался след упавшего человека, порой – только ямки от ладоней и коленей. Однако Змеев и их пленников не видно.

– Долго так их гнать они не смогут, – сказал задыхающийся Спалле. – Если пленники зачем-то Змеям нужны, тем придется дать им отдых.

– Они играют со змеями, пекут людей, поклоняются вконец сбрендившему Деющему... Ты видел, чтобы какой-то Змей сделал что-то, как человек рассудительный? – спросил Грюнальди.

– Скоро мы их увидим, – заявил Драккайнен. – Или они нас. Если бы не этот лес, это наверняка бы уже случилось. Не станем ехать центром луга, по тропе. Держимся линии леса и следим, чтобы иметь укрытие, пусть бы и пару кустов. Пока удастся не выходить на открытое пространство.

Внизу склона след вел вдоль ручья, среди густого леса и стройных, словно мачты, стволов. Едва они въехали между деревьями, Драккайнен вскинул кулак и замер в седле, прислу-

шиваясь, а потом сделал несколько жестов. Указал пальцами на свои глаза, поднял руку, махнул ладонью.

Скальник подъехал к Грюнальди и встал стремя в стремя, наклонился к мореплавателю.

– Что оно значило? – выдохнул почти неслышным шепотом.

– Кто-то здесь есть. Смотрит на нас, – прошептал Последнее Слово в ответ.

– Я тоже это чувствую.

Дальше они двинулись осторожно, со щитами в руках, обнажив оружие. Только Вьон, едущий последним, перекинул ногу через седло и уселся боком с арбалетом, внимательно поглядывая на дорогу за нами.

След вел лесной дорогой, летом наверняка вполне пристойной, а теперь засыпанной снегом и обледеневшими камнями, дьявольски скользкими. Они ехали неторопливой рысью, вперед и вперед. В ветвях мелькнуло полосатое серо-желтое создание, похожее на белку, с длинным, нервным хвостом, стряхивая переливающуюся, словно муслин, снежную пыль. Драккайнен провел существо взглядом и решил, что либо поблизости нет засады, либо она слишком хорошо скрыта. Настолько хорошо, чтобы не пугать белок. И все же настойчивое впечатление, что за ними следят, не давало ему покоя.

– Цифраль, давай вперед, – пробормотал он. – Высматривай замаскированных, прячущихся Змеев и любые признаки засады.

За поворотом они уткнулись в мост. Добротный, деревянный, сколоченный из толстых бревен, даже с поручнями. Поток перерезал путь справа налево, по обеим сторонам склон вставал круто, весь в скалах и скользких плитках рыжего сланца. Перед ними открывался широкий вид на мрачные каменные столпы и лесистые долины. Следы вели точнехонько трактом, видимые до следующего поворота, но все равно не выглядели притягательными.

Вуко остановил Ядрана и развел руки в стороны. Едущие за ним Боярышник и Спалле тут же повернули и въехали в ручей по обе стороны от потока. Кони спотыкались на камнях, разбивая копытами лед и брызгая ледяной водой.

Драккайнен соскочил с седла и медленно двинулся по мосту, проверяя взглядом каждую скалу, осторожно ставя ноги на обледенелых балках.

Цифраль появилась из ниоткуда, волоча за собой хвост мерцания, как анимированная комета, ее глазки от ужаса стали круглыми.

– Беги, Вуко! – крикнула она. – Впереди, за скалами!

Драккайнен вдруг увидел, как его прошивают три туманных, ярко-желтых призрачных луча, и успел заслониться щитом. Ламинат глухо стукнул. Услышав топот копыт, Вуко развернулся и на ходу вскочил в седло Ядрана.

Очередная стрела воткнулась в поручень моста со стальным звуком, словно гвоздь, и еще одна прожужжала над головой, словно шершень.

– Еще и сзади! – крикнул Вьон, прижимая арбалет к плечу.

– Вслепую не стрелять! – рыкнул Драккайнен. – Бриллиант!

Кони сбились в группку, создав шестиугольник, потом развернулись задами друг к другу, всадники вскинули щиты. Новые стрелы воткнулись в дерево.

– И что теперь? Не знаем откуда, не знаем сколько.

– Высматривайте их, мы должны пробиться. Под прикрытием дыма. Готовить свечи. Грюнальди, высекай огонь. Цифраль, где Змеи? Сколько?

– Это не Змеи. Их где-то десять. За поворотом ждут кони. И пехота. Человек сорок. У них копыта и топоры.

– Проверь дорогу позади них. Бегом!

– Было честью знать вас, – сказал Грюнальди.

Феечка исчезла. Стрелы втыкались в снег и грязь вокруг них с ядовитым, резким бряканьем, создавая круг. Короткое оперение из пестрых перьев лесных птиц. И длинные древка

в полтора локтя. Змеи пользовались оперением из черных вороньих перьев или крашенных в черно-красное, а стрелы у них были короткие, толщиной почти в палец.

– Зажигаем свечи?

– Ждать! Дорога впереди перекрыта!

Они сжались в седлах за щитами, а Вуко зло закусил губу, судорожно прикидывая варианты. Пока нападавшие не пытались их выбить. Стреляли скорее предупреждающе, под ноги или в щиты.

– Мы не Змеи! – заорал он так, что собственный голос загудел у него под шлемом, словно внутри колокола. – Мы за ними гонимся! До вас нам дела нет!

– Кто вы такие?! – крикнули откуда-то сверху. – Чего здесь ищете?

– Мы с Побережья Парусов! Гонимся за Змеями, которые похитили наших. Хотим их поубивать, забрать своих и вернуться к себе. Нам не за что сражаться!

– Бросайте оружие, тогда поговорим!

– Каждый раз одно и то же, – вздохнул Вуко раздраженно. – Нужно же торговаться, кретин.

Сплюнул в снег и приготовился к следующему рыку.

– Мы уберем оружие! Вам нечего бояться, нас только шестеро! – крикнул и обронил своим через плечо. – Мечи в ножны! Стрелы с тетивы, возможно, мы останемся живы.

Сам поднял правую руку, с луком, придерживая пальцами стрелу. Расслабил ладонь, позволяя стреле упасть на землю, медленно спрятал лук в сагайдак у седла. Просунул вторую руку под ремень щита и перебросил тот за спину.

Остальные неохотно опускали защиту, однако и укрывшиеся лучники перестали стрелять. Кони нервно мурлыкали, трясли головами, ручей журчал, а вокруг них торчал круг стрел, словно клумба странных цветов. Наверху каркали вбóроны.

Вуко развел руки в стороны и толкнул коня коленями. Ядран двинулся вперед, ломая копытами ограду цветных перьев и стуча холодными подковами о лед дороги.

Перед мостом Драккайнена уже ждало трое всадников в черной наборной броне, украшенной сложными узорами из меди, в глубоких шлемах с широкими наносниками. Тот, что был впереди, медленно снял шлем, отдал его сидящему справа, а потом соскочил в снег и медленно пошел по мосту.

У него были старательно расчесанные волосы и светлая борода, заплетенная в две косички, продернутые в серебряные кольца, а на спине был синий плащ, подбитый белым мехом. Выглядел он достойно и официально, даже сапоги с меховыми отворотами казались дорогими и элегантными. Драккайнен в своем маскирующем анораке и закопченном полупанцире чувствовал себя вымотанным и похожим на грязную зебру.

– Не нужно было выбрасывать те блестяшки, – проворчал Вуко, сходя с коня. – По крайней мере, нужно было оставить корону.

Встретились на середине моста. Представительный мужик сплел руки на груди, но предусмотрительно: правая рука на левом предплечье, в результате его ладонь оказалась над рукоятью меча в ножнах. Стоял так, будто бы спокойно и равнодушно, но в случае чего легко мог перейти к атаке.

Драккайнен отбросил капюшон и слегка поклонился, одним движением головы, полагая, что не стоит перегибать с вежливостью.

– Те три стрелы ударили в мой щит, – сказал он тоном приятельской беседы. – Будь у меня реакция похуже, я бы сейчас лежал здесь.

– Я потерял немало людей, – напряженно ответил элегантный. – А вы чужаки. Те носят черное, вы – белое, и то, и другое странно. У вас даже щиты белые, без гербов. Откуда бы нам знать? Хотя у тебя что-то просвечивает... Суслик?

– Должен был быть волк, – пояснил Вуко с легким раздражением. – Но не получился, и я его закрасил. Я – Ульф Ночной Странник. Чужеземец, но живу среди Людей Огня, вверх по Драгорине. Позвольте нам пройти. Те Змеи недалеко, и мы очень спешим. У них наши люди и кое-что, что нам принадлежит. Они довольно опасны, с ними Деющий.

– Ты разговариваешь с Кунгсбьярном Плачущим Льдом, стирсманом Людей Воронов. Это моя земля и мои люди, – обронил тот высокомерно. – Змеи, прошедшие этим путем, – мое дело. Они мои, как олени в лесах и рыбы в ручьях, и золото у корней гор. Ты говорил, что у них кое-что твое. Что именно?

– Тебе оно не слишком пригодится, – заметил Драккайнен. – Ценность его скорее сентиментальна. Это гроб.

Кунгсбьярн Плачущий Льдом, стирсман Людей Воронов, на миг растерялся.

– Что?

– Гроб, – повторил Драккайнен терпеливо. – Полный. То есть с содержимым. Это... того... моя тетушка. Любимая тетушка.

Элегантный оглянулся немного растерянно, когда Вуко вспомнил, что на Побережье Парусов принято трупосожжение. Решил не погружаться глубже.

– У Змеев нет ничего, что могло бы тебя обогатить. Если же ты решишь нас перестрелять, мы станем пробиваться. В конце концов погибнем, но мы – умелые люди. Подставишь своих совершенно зря, а Змеи продолжат странствовать твоими землями.

– Они украли у тебя гроб? – осторожно спросил Кунгсбьярн.

Драккайнен вздохнул, мысленно ругая себя за тот «гроб».

– Не мой, теткин. То есть получается, что и тетку украли. Отпусти нас, человеке! Что тебе за дело? Хочешь плату за проезд? Мы заплатим. Пройдем туда и назад и исчезнем, словно нас и не было. Заплатим тебе даже за то, что поохотимся на кроликов, только дай мне добраться до тех Змеев. Вверх по дороге, к западу отсюда, они напали на смолокуров и перебили их, а часть прихватили с собой. Скольких ты еще хочешь потерять? В худшем случае мы со Змеями поубиваем друг друга.

– Вас шестеро, – заметил Плачущий Льдом. – И вы хотите встать против Змеев, которых ведет Деющий?

– Когда они шли в ту сторону, было их куда больше, – скромно заметил Драккайнен. – Это – недобитки. Вот только они каждую минуту от нас уходят. И во всякую минуту могут перебить твоих смолокуров. Там женщины и дети!

– Они уже мертвы, – сказал Кунгсбьярн загадочно. – Даже я не сумею вырвать жертв Шепчущим-к-Тени.

– Это всего лишь Змеи, – пожал плечами Драккайнен. – Проткни их мечом – умрут точно так же, как и другие люди. Даже Деющие. Мы уже вырвали у них не одну жертву. Вот только пока мы болтаем, они уходят все дальше.

– Я говорил не о Змеях. Слушай, Странствующий Ночью. Мы – Люди Вороны. Другие обычно хвастаются, что не ведают тревог. Но они – глупцы, которые быстро узнают, как сильно ошибаются. Мы не боимся никого из людей и никого из чужеземцев. Ни амистрандингов, ни меднокожих из Кебирстранда, ни Людей Огня, ни Змеев. Мы не боимся штормов и морских чудовищ. Не боимся горных нифлингов, призраков холодного тумана и даже богов. Но мы боимся Прожорливой Горы, ее урочища и безумных монахов, Шепчущих-к-Тени, которые там обитают. Я знаю, куда отправились твои Змеи, и могу показать короткий путь. Но даже если не удержи я тебя, ты не успел бы перехватить их до Каменных Клыков. А дальше – урочище. Там начинается сила Шепчущих-к-Тени. Никто из ушедших на перевал не выживет. Прожорливая Гора не выпускает никого.

– Покажешь нам короткий путь? – спросил Драккайнен. – И расскажи мне больше о тех монахах. Что именно хотят от них Змеи? И отчего Шепчущие их не поубивают?

– Этого я не ведаю. Но если Змеи снова похитили людей, это значит, что они ведут с собой жертву для Прожорливой Горы.

– Эти монахи похищают людей? И ты это позволяешь?

– Монахи не могут покидать Прожорливую Гору. Вне ее они теряют силу. Если бы они вышли, мы бы наверняка их перебили. Но там, в своей долине, которая выбита в скале, они неуязвимы. Сама Гора их охраняет. Однако они умеют сбивать людей с толку так, чтобы те сами пришли на перевал Каменных Клыков и накормили собой Гору. Охотников, странников, сбившихся с пути. Но сами они никогда из долины не выходят. Не скажу, что ты отважен, Ночной Странник, потому что тот, кто не знает, против чего встает, не обладает мужеством – он просто глуп. Я говорю тебе: возвращайся на свое Побережье и забудь о тех, кого у вас похитили. Или идите в Землю Змеев и там отмерьте месть. Но не идите за Каменные Клыки, поскольку с тем же успехом можете броситься на мечи.

– Спасибо за совет, – ответил Драккайнен. – А я тебе говорю: нам придется идти. Эти Змеи не имеют права вернуться домой. Если они вернутся, весной они займут все Побережье Парусов, и не останется никого, кто бы их остановил. Просто покажи нам, прошу тебя, короткую дорогу – и дело с концом.

Глава 2

Прожорливая гора

*Червь ползет, шепча в тенях,
жрет он тело, жрет он прах.
Скалы жадны, голодны,
мутят разум без вины.
В пасти ям, в туннеля глотке
слышны крики тех, в серёдке.
А Гора на крик исходит:
из ее недр не выходят.
Червь слепой и червь незрячий,
червь голодный тело прячет.
Он ползет, ползет, скребя,
чтоб пожрать, пожрать тебя.*

«Слово о мире», Ледяной Сад

Возвращение к свету означает боль.

Когда я выполз из пещеры, успел увидеть всадников на высоких лошадях, в странно кованных доспехах, с забралами на шлемах, будто морды ящериц, в черненом железе и с древками флажков за спинами; те трепетали, как пламя. Увидел мигом.

Были они как из моего сна в Долине Скорбной Госпожи.

А потом я развернулся к дыре между скал, зиявшей, словно разверстая в снегу пасть, та, что летом позволила мне выйти на свободу прямо к большому чужеземцу со странным лицом, который должен был стать частью моего предназначения, к тому, кто звался Ночным Странником. Развернулся, чтобы выкрикнуть предупреждение.

А потом свет померк.

Я чувствовал, как это приближается, слышал, как вращается железо, как режет со свистом воздух, а потом на меня пал удар – и все исчезло.

Но память вернулась позже. А когда я очнулся, перевешенный, будто подстреленный олень, через спину идущего легким галопом коня, в тот миг я знал и помнил только боль. Понятия не имел, где нахожусь и даже кто я такой. Был лишь болью. Начиналась та от моего опухшего на виске черепа, стекала густыми, словно воск от горящей свечи, каплями из раны над бровью, гнездилась в животе, в груди, в точке, где каждый шаг коня отдавался мощными толчками хребта животного.

Удары копыт о землю я ощущал точно пинки, конь словно несся по мне галопом. Давила мне лука седла, голова распадалась на куски, и мало до чего было мне дело, без разницы было, что со мной произошло и куда меня везут.

Я даже не знаю, как долго это продолжалось. Видел лишь мелькающую перед глазами заснеженную землю и конские копыта.

В какой-то миг я сумел чуть передвинуться и добился, что живот мой теперь болел чуть в другом месте, чем раньше, но эта боль несла и облегчение.

Через какое-то время мы въехали в лес и замедлились. Я заметил также, что между нами все еще бегут несколько пеших, пыша паром и звякая плитами нагрудной брони, а это означало, что езда наша вовсе не была столь уж безумной, как мне казалось.

А потом тот, кто вез меня, остановился и рывком за шиворот послал меня на землю.

Я свалился как мешок. Я просто лежал в снегу, окруженный болью и ничем больше. Не было сил даже перевернуться на бок, я просто лежал, как упал, как брошенный мусор.

Но тогда-то, после долгого перерыва, я начал размышлять. Немного. Лицо мое было в снегу, и я начал есть этот снег, но потом вспомнил, что говорил Ульф: не делать такого ни при каких обстоятельствах, потому что он слишком холоден и свернет мне кишки. Потому я лишь набрал его в рот, терпеливо подождал, пока растает, – и только после этого проглотил. Сделал так несколько раз, а потом меня стошнило.

Голова и ребра продолжали болеть, но я уже мог двигаться. Сунул больную голову в ледяной пух и ждал, пока пульсирующая боль, вспыхивающая под черепом при каждом движении, сделается чуть тише. Руки у меня были связаны сзади, но ноги – свободны. Странствующий Ночью учил нас биться со связанными руками и даже показывал, как плавать – в бассейнах в бане Ледяного Сада.

Знание и память об этом возвращались ко мне – медленно, как вода, наполняющая пустой сосуд. Я еще лежал лицом в снегу, но уже перестал быть брошенной тряпкой. Добычей. Тем, что нужно просто перевозить, как подстреленного козла. Я был членом дружины Странствующего Ночью. Где-то там, позади, остались мои люди. Змеи убегали, спешили, а следовательно, Люди Огня и Братя Древа все еще живы. По крайней мере, часть из них.

«Все уходят и все возвращаются, – сказал Ульф. – Мертвые тоже. Никто не будет брошен. Никто не останется позади».

Они были там, позади, и шли за мной. Наверное.

Пока же я лежал, страдая от боли, – только это мне и оставалось. Пересчитал зубы. Губы и щеки кровоточили, но зубы остались целы. Мой пояс с мечом и ножом забрали, нашли и плоскую перевязь с метательными «звездочками», что шла через грудь. Содрали с головы шлем, который наверняка спас мне жизнь. Но на мне осталась меховая одежда и обувь. Белая куртка и штаны делали нас невидимыми в снегу, но с испода были черными, чтобы мы могли прятаться в сумерках. Под курткой на мне все еще была кольчуга мелкого плетения.

«Мы никогда не отступаем, – говорил Ночной Странник. – До конца. Пока ты жив – ты сражаешься. Пока можешь думать – сражаешься. Сознание – это оружие. Остальное лишь инструмент. Не имеет значения. Его можно раздобыть, сделать или заменить».

На шее я все еще чувствовал цепочку с маленьким кастетным ножом, что остался у меня от Бруса. Они не слишком тщательно меня обыскали. Я был без сознания, а у них не было времени. Когда речь о таких, как мы, можешь быть уверен, что у нас не осталось оружия, только если мы голые, и то не всегда. С внутренней стороны пояса штанов, как у каждого в дружине, были вшиты ножны, а там – крохотный нож, выкованный из кусочка стали. Длинной с большой палец руки, острый, как бритва, с кольцом у торца рукояти, куда можно всунуть палец. Нож висит там, куда связанный человек может дотянуться. Вдоль нижнего края куртки была спрятана цепь в три локтя, с мелкими звеньями, с грузами на обоих концах. Еще один клинок, размером с лист дерева, был укрыт под каблуком правого сапога.

Оружия у меня было достаточно. Нужны лишь сила и воля, чтобы его использовать.

А еще удобный случай, чтобы сунуть руку под куртку, нащупать пояс на штанах, а потом осторожно найти кольцо на рукояти и зацепиться за него пальцем.

А потом еще минута, чтобы разрезать ремни на моем запястье.

Пока же я лежал лицом в снегу, слушал хруст шагов Змеев, хриплый шепот, лязг железа и звон упряжи. Боль в голове стала потише. Мне все еще казалось, что череп – расколотый на куски кувшин, но боль уже не ослепляла и не убивала всякую мысль.

Я осторожно перевалился набок и медленно приподнял облепленное снежными комками лицо.

Они были высокими, как и все люди в Смарсельстранде, как они называли свою страну, но Змеи отличались от остальных. Казались худощавее и смуглее, а каждую открытую часть их тел покрывали зигзагообразные татуировки, подобные полосам на спинах здешних ядовитых змей. Носили они длинные волосы, сплетенные в тонкие косички, зачесанные назад, нама-

занные чем-то черным и лоснящимся. Говорили на том же языке, что и остальные обитатели Побережья Парусов, но слова выговаривали чуть по-другому, а потому в первые минуты я их не понимал.

Я быстро осмотрелся, пытаюсь увидеть и запомнить как можно больше, а потом снова положил голову на снег, чтобы не обращать на себя внимания, но так, чтобы наблюдать из-под сомкнутых век.

У них осталось трое тяжеловооруженных всадников в доспехах и шестеро или семеро пеших. Тот, который вез меня, вел себя как предводитель – и был это тот самый, который метнул в меня топорик. Когда он снял шлем с забралом в виде морды ящерицы, я заметил, что движения у него странно-сонные, выражение лица – отсутствующее, словно он надыхался дымом хархаша. Казалось, будто он движется под музыку, которую никто, кроме него самого, не слышит, а еще казалось, что он не чувствует мороза. В тот день, может, было не так холодно, как обыкновенно в эту пору года на побережье, но этот Змей ходил в куртке нараспашку, светил голой грудью, покрытой татуировками. Не носил прикрепленных за спиной крыльев из флажков, как остальные, вместо этого была на нем странная пелерина из тонкой материи, прикрепленная на плечах и бедрах; она раздувалась, будто парус, при каждом движении и порыве ветра, открывая узор из сплетенных змей. Что странно, в ней торчало несколько стрел, словно они так и не смогли пробить материю – тонкую, точно ярмакандский морской муслин.

Постой сделали на краю леса. Между стволами деревьев и заснеженными кустами виднелась поляна, на которой стояли палатки, горели костры и крутились люди. Двое пеших Змеев опустили на колени, а потом поползли по снегу к краю леса, следя за поселением. Остальные присели и застыли так, опершись спинами о деревья, попивая из баклаги, которую пустили по кругу.

Я думал, что это короткий постой и что сейчас они отправятся дальше, обойдя поляну, но скоро понял, что Змеи готовятся к нападению. Видел, как после хриплого, оброненного полусшепотом приказа пешие неохотно встают со снега, затягивают ремни доспехов и надевают шлемы, а потом берут в руки странные копья с длинными, широкими наконечниками, щетинящимися серповидными выступами – удобными для того, чтобы стягивать всадников с лошадей. Два всадника снова сели верхом, один приготовил якорек на веревке, второй раздал пешим несколько глиняных шаров на коротких цепях.

Я смотрел на все это и чувствовал, как колотится сердце. Все еще лежал в снегу, словно мертвый, и любой ценой старался быть незаметным, но понял, что это – мой шанс. Не слишком ясно было, зачем они хотят напасть на людей на поляне, но, что бы ни произошло, я должен это использовать. Пока же я ждал.

Если они решат меня связать, я все равно освобожусь. Если оставят меня под охраной, я подожду, пока стражник глянет, что там у соратников, разрежу путы, при первой возможности убью его и сбегу в лес. Как можно быстрее, в противоположную сторону, туда, откуда будут идти люди Ульфы.

Я сунул руку под пояс и нащупал нож. На месте. Достаточно его вынуть и крутануть в пальцах, а потом рассечь узлы. Я делал это много раз в Ледяном Саду и знал, что все займет пару минут.

Командир ходил между ними, отдавая шепотом приказы, а потом выпрямился, раскинул руки в стороны и медленно крутанул головой так, что аж кости хрустнули. Натянул свой ящерицеподобный шлем и вскочил в седло.

Те, кто держал шары, прикрепленные к кускам цепи, надкололи их о деревья, а потом крутанули ими в воздухе. То, что находилось под глиняной скорлупой, сперва задымилось, потом выстрелило пламенем. Я слышал, как метательные снаряды, вертясь на цепях, издают мрачный звук и превращаются в руках Змеев в огненные круги.

Я лежал спокойно, чувствуя, как и во мне разгорается огонь, как колотится в горле сердце, словно я проглотил живую рыбу. Двое копейщиков остались в лесу и присели под деревьями, прячась между кустами. Я смотрел, как они провожают взглядом своих, и сильнее стискивал нож в пальцах. А потом мой осторожный взгляд упал на сверток рядом с копейщиками, и я понял, что сторожат они не только меня. И тогда, словно удар молнии, обрушился страх. Чувство было таким, будто по мне поползли тысячи огненных муравьев.

На снегу, в спутанной сети, лежал ледяной саркофаг, где находилась Наша Скорбная Госпожа, усыпленная водой онемения. Я не мог понять, как это произошло, как не мог и поверить в то, что увидел. Она была у них. А это значило, что Ульф Ночной Странник, человек, который упал со звездой и был ключом к моему предназначению, наверняка мертв. Я не мог поверить, что он дал бы забрать ее. Я помнил, что нас ждет, попади Деющая в руки безумного короля Змеев.

А в следующий миг я с ужасом понял, что не могу бежать. Не могу оставить им Скорбную Госпожу. Я должен забрать ее с собой, а волоча тяжелый саркофаг, далеко бы я не ушел. Я еще прикинул, не сбежать ли, чтобы потом попытаться выкрасть Деющую или же убить ее, чтобы она не попала в страну Змеев. Вот только я и понятия не имел, как это сделать. Ледяной ящик изготовил мастер Фьольсфинн, сильный Деющий; он постарался, чтобы тот невозможно было уничтожить, а открыть его из всех нас умел только Ульф. И у меня были очень слабые шансы убить стражников. Маленький нож, подходящий для чистки фруктов, против двух мечей и копий? Им можно было убить внезапно, но не в прямом бою против готового противника, а уж тем более – против двух. Я хорошо знал, сколько сил у жителей Севера. Я уже видел мужей, которые продолжали сражаться, когда их насквозь пробил меч.

Я лежал в страхе в снегу, все еще со связанными руками, колеблясь между тем немногим, что я мог сделать, и, как оно обычно бывает в таких случаях, в конце концов не сделал ничего. На поляне меж тем раздалась вопли испуганных людей, донесся рев пламени, басовое завывание рога, грохот и треск, а потом – одинокие испуганные крики. Это продолжалось недолго, но я не слишком-то надеялся, что занятые своими делами и ничего не ожидавшие люди, работавшие в лесу, сумеют дать отпор быстрой атаке Змеев. Но я все еще не мог понять, зачем они так поступали.

Когда шум на поляне усилился, я чуть приподнял тело, пытаюсь взглянуть между кустами, но на шею мою сразу же плоско опустился наконечник копья, снова втыкая мое лицо в снег.

– На землю, падаль! – прошипел копейщик. И я остался лежать. Скоро холодное острие с моей шеи исчезло, но я не стал двигаться, понимая, что стража настороже.

Через какое-то время меня подняли на ноги парой пинков под ребра. Я снова был в неволе. Снова был тем, с кем общаются пинками, тычками и ударами. Но на этот раз я был уверен, что долго это не продлится. Я не намеревался снова сносить такое – пообещал себе это уже давно.

Змеи кружили по вытоптанной поляне, и, насколько я мог понять, было их столько же, сколько и раньше. Курень уже превратился в пылающие руины, везде валялись клочья одежд, разбросанные инструменты и вещи. В большом пятне крови на снегу подрагивали два ужасно изрубленных, изувеченных тела, а остальных людей собрали в центре поляны и заставили встать на колени. Стражник ударами древка погнал меня в ту сторону, а потом пинком подбил мне ноги.

Я стоял там вместе с остальными и должен был смотреть на стоящие неподалеку сани, на которые Змеи кинули выбранную среди пленников молодую девушку. Ее руки привязали к бортам, а ноги за щиколотки к полозьям, после чего разрезали ей платье до пояса и по очереди насиловали ее, смеясь и перекрикиваясь. Через некоторое время девушка перестала кричать и только мотала головой из стороны в сторону, закусывая до крови губы и дергая ремни, охватывающие ее запястья.

Я глядел на эту сцену помертвевшим взглядом и думал о ноже, что скрывается в ножнах на моем поясе. Уже не чувствовал страха – лишь холодный гнев и равнодушие. Было так, как говорил мне Брус. Я насмотрелся на жестокость и в конце концов привык к ней, но часть меня умерла, превратившись в камень. Я чувствовал тяжесть в груди, камень, холодный и шершавый, словно галька из ручья, но ничего более я не ощущал.

Их командир сбросил плащ и куртку, после чего, полуголый, потянулся к сумам, вынул нечто, что я сперва принял за два куска толстой, цветной веревки, но это были змеи. Здешние ядовитые змеи, в черно-красных узорах, толщиной с мое запястье – они спокойно свисали с его ладоней. Я подумал, что они мертвы, но, когда он обернул их себе вокруг шеи, как платок, одна из змей высунула язык, а вторая слабо качнула головой. Змеи тут зимой спят, а, значит, эти были просто отупевшими от мороза и сонными.

– Сердце! – вдруг хрипло крикнул чародей.

Один из его людей вынул широкий, искривленный, будто серп, нож и подбежал к двум защитникам лагеря, что уже лежали неподвижно. Наклонился над ними, я услышал хруст и треск разрубаемых ребер, после чего Змей вернулся, держа на вытянутой руке вырезанное из груди сердце, словно лоснящийся кровавый плод, с торчащими отрезанными сосудами, похожими на отломанные ветви. Сердце несколько раз вздрогнуло в руке Змея, когда он подавал его Деющему. Тот осторожно взял сердце, стиснул его в ладони. Ручейки крови потекли у него между пальцами, а потом – с запястья, тонкой струйкой падая на снег. Чародей принялся что-то бормотать, водя ладонью над снегом и рисуя спутанную багровую линию, свивающуюся спиралями и узлами.

Я подумал, что если мои люди еще живы, то любая минута простоя увеличивает наши шансы. Пусть насилуют девушку, мажутся в крови, нападают на несчастных охотников или углежогов. За ними идут по следу пятнадцать всадников, чтобы перебить их как бешеных псов. Уже едут сюда. Но хотя я пытался не думать об этом, одновременно видел ледяной ящик со Скорбной Госпожой и знал, что произошло нечто плохое. Ладно, пусть их не пятнадцать. Но если выжил хотя бы один, то он уже сюда направляется. И тогда нас будет уже двое.

– Да заблудятся они, идя следами Змея, да сгинут они на змеиных тропах, да оглушит их змеиное шипение, да ослепят знаки на змеиных хвостах, да восплачут они и сгинут, – бормотал Деющий. – Ибо есть в мире лишь Змеи и корм для Змеев, да будет благословен великий мастер Аакен.

Один из его людей направил коня трусцой в сторону саней, пинком сбил того, что как раз пристраивался к девушке, а потом вынул меч и несколько раз ударил сверху. Я услышал внезапный, сдавленный крик и содрогнулся. Но Змей только перерубил ремни, ранив при этом ее в ногу, а потом схватил девушку за волосы и поволок, чтобы бросить между нами, стоящими на коленях в снегу. Девушка свернулась клубком, вжимая руки между бедер и давясь сдерживаемыми рыданиями.

Деющий пал на колени, снял обоих гадов с шеи, одного за другим, осторожно распутывая их и похлопывая каждого по плоской голове, а потом – уложил на багровых зигзагах, выющихся в снегу. Я никогда не видел вблизи, как кто-то деет, но то, что делал этот вот, казалось мне довольно странным.

Его люди сели вокруг, подняв к затаянному тучами небу ладони и издавая странный звук – словно трещотка стучала. Я никогда ранее не слышал, чтобы нечто подобное вырывалось из человеческого горла. Обе змеи стали виться по узорам на снегу, и мне казалось, что они ползут в точности по начерченным линиям. Деющий наклонился, протягивая вперед руки, покрытые толстыми шрамами, а потом сперва одна, а затем и вторая змея свернулись в клубок и вдруг прыгнули на руки, втыкая в них ядовитые зубы. Жрец откинул голову, издав не то шипение, не то крик. Змеи некоторое время сжимали челюсти, вися у него на руках, а потом отпали, бессильные, словно пиявки. Остальные подскочили к Деющему, кто-то набросил ему шубу на

спину, кто-то собрал змей, снова сделавшихся ослепшими и вялыми, впихнул их в кожаный мешок. Колдуну помогли встать; руша узоры на снегу, он вырвался из их рук и зашипел снова, и тогда я увидел, что у него черный, раздвоенный язык и жуткие желтые глаза с узкими черными щелями, мертвые, будто отполированные камешки, ровно такие же, как у его змей.

После этого мы быстро двинулись в путь. Пешие окружили нас, стоящих на коленях в снегу, а потом, тыча древками копий и пиная, заставили встать и выстроиться шеренгой. Мы рысцой двинулись вперед, ведомые тремя всадниками и окруженные копьеносцами.

Пленникам не связывали рук – Змеи просто взяли длинную веревку, на которой завязали через промежутки петли и набросили нам на шею. Двое, что ехали на лошадях, повесили между собой сеть со Скорбной Госпожой, и так-то мы и брели по доходящему до коленей снегу, а потом по камням между деревьями и вдоль какого-то ручья.

Весь обоз двигался отнюдь не тихо. То и дело кто-то падал, потянув за собой остальных, дергая всех за шеи, и пленники всхлипывали, отчаянно дышали или давились проклятиями. Кони фыркали и порывивали, пехотинцы стучали оружием и доспехами.

И все же, когда мы, двигаясь тропой, миновали притаившихся людей, те не обратили на нас никакого внимания. Первым был муж, стоявший с луком между скалой и стволом дерева. Если бы он притаился получше, его вообще бы не заметили, но он опирался о дерево и смотрел стеклянным взглядом в тракт, прислушиваясь, словно никто не ступал по камням, словно не доносился до него стук копыт, стоны и ругань.

За ним, среди скал и деревьев, сидели остальные – и тоже не пытались оставаться невидимыми. Грызли что-то, держали в руках луки с наложенными стрелами, но не натягивали их, а сложили на коленях, почесывались и даже зевали, словно продолжали чего-то ждать, хотя перед их глазами проходило полтора десятка человек. Кто-то из пленников стал в отчаянии кричать им, и я услышал, как смеются Змеи. Кто-то шлепнул пленника по голове и вовсе не казался обеспокоенным. Вокруг нас странно подрагивал воздух, будто раскалившись от жары, как над песками пустыни, и мы двигались, словно были духами, невидимыми для глаз живых. Мы перешли через мост над потоком, что тек на дне скалистого ущелья, а чуть дальше повстречали еще людей в засаде. И точно так же, как и предыдущие, они не остановили на нас взгляда. Пленники, заметив это, принялись плакать и ругаться. Было ясно, что сидящие тут воины мгновенно разбили бы отряд Змеев в пух и прах, но они лишь таращились стеклянным взглядом и ждали, пока трактом не поедет кто-то видимый.

Когда мы миновали засаду, пленники утратили надежду и пали духом. Всхлипывали и ступали совершенно безвольно. Я уже видывал людей в таком состоянии и знал, что непросто из него выйти. Даже если бы некто сейчас напал на Змеев, принялся бы их убивать и перерезал бы веревку, пленники стояли бы и таращились, словно овцы.

Потом мы шли еще много часов, и все время в гору. Спотыкались на обледенелых камнях, запинались о корни. Мне к тому же приходилось хуже, чем остальным, ведь руки мои все еще были связаны сзади. Остальные все время сжимали веревку, пытались ослабить петли, сдавившие шею, а у меня немели спутанные руки, я не чувствовал пальцы – более того, если я спотыкался или если падал кто-то рядом, таща меня вниз, я просто повисал на веревке.

Я все время думал о ноже и сражался с собой, чтобы не достать его и не перерезать веревку, поскольку тогда не ждало меня ничего, кроме быстрой смерти.

Вместо этого я пытался смотреть, все подмечая, как учил меня Ночной Странник. Высматривал возможность, строил планы. Но для придавленного и ободранного жесткой веревкой раненого, с онемевшими ладонями, такое было непросто.

Змеи шли быстро, молча, без остановок. Я был уверен, что не станут они гнать так на десятки стайе, по ту сторону гор, к своему безумному королю, а, значит, направлялись они к какому-то месту по дороге и явно спешили. Горы начали становиться отвесными, скалистыми и мрачными. Через несколько часов мы взобрались так высоко, что там уже ничего не росло,

даже кривые колючие деревца, а были лишь снег и скалы. И серое холодное небо с темными вершинами, царапавшими его, словно когти.

Это была самая мрачная местность, какую мне приходилось видеть. Слишком высоко, чтобы поднимался сюда человек, никаких растений, никаких следов животных, кроме отпечатков лап орлов и воронов высоко над нами. Только снег, скалы, горные вершины вокруг и серое небо над головами. Было это столь же бесплодное и жуткое место, как пустоши подле Нахильгиль, вот только горы здесь выглядели совершенно иначе. Высокие, с острыми вершинами, серые и грозные, как недавно откованные клинки.

На небольшом пяточке плоскогорья Змеи дали нам передохнуть. Когда мы остановились, вся цепочка несчастных пленников просто свалилась без сил в снег.

Всадники сошли с лошадей: дальше становилось слишком отвесно. Пешие тяжело присели вокруг нас, пыша паром из-под шуб и брони, словно перегретые кони. У меня все еще не было подходящего случая для бегства, и я все еще не понимал, что делать с Нашей Скорбной Госпожой, пребывающей в ледяном саркофаге. Потому я сидел с подвернутыми ногами, старался дышать глубоко, сжимал кулаки, чтобы в них прибыла кровь, и ждал.

А потом мы снова шли вверх по обледенелой пустоши, среди скал и камней с зелеными и желтыми пятнами лишайника, под доносящимся сверху вороньим граем. Через некоторое время стало понятно, куда мы направляемся. У вершины горы показался узкий проход в скале, сквозь который просвечивало бледное небо. Когда мы подходили ближе, я заметил, что он напоминает раскрытую пасть чудовища: обломки скал с обеих сторон выглядели точь-в-точь как ощеренные клыки. Пленники, кажется, узнали место, столь испугавшее меня своим видом, поскольку очнулись от своего глухого отупения.

Сперва я услышал шепоты:

– О, боги! Это Каменные Клыки!.. Хинд, спаси нас...

А потом их хныканье и шепотки вдруг поднялись, словно воды по весне: несчастные пленники принялись кричать, вопить и ругаться, с каждым шагом все отчаянней дергаясь на веревке. Я не знал, что их так напугало, однако мне показалось, что вот-вот – и кому-то удастся освободить голову или растянуть петлю, и все бросятся наутек, и тогда мне представится возможность убежать. Я нащупал нож, но больше не успел ничего предпринять. Командир ухватился за веревку, привязал ее к седлу своего коня и хлопнул животинку по крупу, выкрикнув некий приказ. Конь пошел быстрым, мерным шагом вверх по склону, потянув за собой пленников, петли затянулись, и мы отчаянной рысцой побежали за Деющим. Крики превратились в хрипы, пленники начали падать, и тогда остальные помогали им встать на ноги, после чего падали уже другие. Сам я – со связанными руками – падал чаще, и петля стискивала мне горло, но каждый раз кто-то хватал меня за одежду и помогал подняться.

Проход, кроме того, что напоминал хищную пасть, не выглядел слишком грозно, и потому я не понимал, что так пугает моих товарищей по несчастью. За проходом тянулось суровое плоскогорье, окруженное торчащими в небо скалами, словно стенками разбитого кувшина или странной короной, а посередине возносилась гора с тупой вершиной. Еще вокруг было множество скал поменьше и сочились вонючие испарения. Бледные и густые, они тянулись полосами у земли, расточая гнилой запах серы.

Место, конечно, выглядело мрачно и пугающе, но пленники аж посинели от страха, трясясь всем телом. Я чувствовал себя странно, поскольку хорошо знал, что люди с Побережья мало чего боятся. Видел, как они бесстрашно встают малым числом против многих или как направляют оружие на пещерных медведей и скальных волков. Собственно, лишь однажды я видел их в такой тревоге: было это в доме Смильдрун Сверкающей Росы, когда пришел холодный туман и вокруг ограды закружили ройхо. И теперь я подумал, что место, куда нас привели, наверняка урочище.

Мы направились в сторону срезанной вершины, втыкающейся в серое небо, означенное темными облаками. Среди снега, камней и скал порой заметно было уголком глаза движение. Но стоило взглянуть внимательней, и уже ничего невозможно было высмотреть. Только скалы, снег, тени и полосы тумана у земли.

По мере того, как мы шли, делалось все темнее и мрачнее. По обе стороны тропинки, протоптанной между скалами и горячими источниками с вонючей, исходящей паром водой, воткнуты были жерди, увенчанные человеческими черепами, измененными урочищем, с пучками разноцветных лент. Черепа с большими челюстями, черепа с тремя глазницами или странной формы, продолговатые или уплощенные. Все кривые, страшные, все устались пустыми глазницами на цепочку людей, идущих между ними. А под черепами, на кривых планках, свисали на ремешках ребра, кости таза и пальцев, стуча и позванивая на ветру.

Мы шли.

Стучали копыта, в дырявых черепах и между выбитыми зубами свистел, словно на флейте, ветер, рвал цветные ленты, посылая кому-то мрачные молитвы, писанные черными чернилами, алфавитом, которого я не знал. Кто-то из пленников бормотал дрожащим голосом, кто-то – беспрестанно шептал молитву из жалоб и плача.

Я и сам начал дрожать: заметил, что дыхание мое становится резким и прерывистым, как после долгого бега, почувствовал, как наполняет мое чрево тревога, словно там, в животе, свернулась змея, как наливаются свинцом ноги.

Мы шли.

Между черепами, воем ветра и невнятными шепотами, доносящимися не пойми откуда.

Прямо к срезанной вершине посреди плоскогорья: там должно было что-то произойти.

К смерти.

Часть меня тряслась от ужаса, но часть не могла поверить, что путь, начатый в горящем Тигровом Дворце в Маранахаре; поиск предназначения; то, что я должен стать Носителем Судьбы всех уцелевших кирененцев, – что все это закончится здесь, в мрачной долине. Я прошел Эрг Конца Мира, освободил себя, десятки раз спасался от смерти от людей и чудовищ, нашел человека, который упал со звездой, – и вдруг все должно вот так завершиться? Он погиб, потеряв саркофаг с Деющей, а я – погибну через миг? Может ли быть, чтобы среди переплетенных тропинок судьбы я нашел ту, что вела в никуда?

Мог ли я никогда уже не повстречать Воду, дочку Ткачихи, и не узнать, перешла ли она мост вместе со своим избранником?

Какая-то частица моей души еще ждала, когда проснется предназначение Носителя Судьбы и заберет меня отсюда. Но ничего подобного не происходило.

Нас привели на выметенную от снега каменную площадку, странно круглую, словно кебирский щит, шириной шагов в двести, окруженную по периметру конусовидными скалами.

Все было идеально гладким, лоснящимся, как и бывает в проклятых руинах древних народов. Гора, у подножия которой мы стояли, тоже имела гладкие отвесы и круглое основание, будто древние могли мять скалу, словно глину. Напротив нас вставала лестница, ведущая в узкую пещеру. Ступени были высотой в два человеческих роста, оттого между ними поставили приставные лестницы. У подножия гора расплывалась, как подтаявший сугроб снега или воск, поставленный на горячей плите, – по крайней мере, так оно выглядело. Эта расплывшаяся часть распадалась на крученые куски размером с вола, и те продолжали разветвляться дальше: все вместе напоминало корни огромного дерева, но твердые, из темного лоснящегося камня. Корни пронзали скалу и стены горы, ползли по лестнице, доходили до всех мест и врастали в каждую щель скалы.

Нам приказали присесть. Змеи встали вокруг, и мы теперь располагались в центре круглой площади, ожидая неизвестно чего. Деющий, выглядевший так, словно едва очнулся от тяжелого похмелья, дунул в рог, который издал мрачное бурчание, словно отголосок агонии

морского чудовища. Звук отразился от скал и походил теперь на зов целой стаи чудовищ. Эхо билось еще какое-то время, а потом Деющий вострубил снова.

Я стоял на коленях со склоненной головой, касаясь пальцем кольца на рукояти ножа в поясе, – и ждал. Площадь была одной плитой, гладкой, будто мрамор, без стыков и швов, беломолочного цвета, внутри которого проявлялись и гасли узоры.

Когда рев трубы стих, мы услышали шепоты. Хор тысяч шепотов на неизвестном языке. Казалось, будто отворились врата страны мертвых. Среди скал и вьющегося смрадного дыма что-то начало двигаться, перемещаться, но я не мог понять что.

Я сумел услышать скрежет, и конусы, окружающие площадь, начали вращаться, открывая узкие ниши, и в каждой стояла фигура, облаченная в свободные одежды, так что было не понять, кто собственно скрывался там, и были ли они вообще людьми.

Их багрового цвета одежды доходили до самой земли, а материал выглядел как тонкая тростниковая бумага, которую сильно смяли, а потом распрямили. Была она сморщенной, в мелких сгибах и заломах. Руки существ были сложены впереди, ладони – спрятаны в рукавах, лица таились в тени странных капюшонов, торчащих вперед, как труба. Казалось, будто кто-то согнул напополам втулку. У всякого, кто носит глубокий капюшон, лицо прячется в тени, но тут казалось, что на нас смотрела сама ночь или смоляная тьма пещеры. В первый миг я подумал, что в этих фигурах вообще нет ничего человеческого, и только через миг увидел, что у них есть руки, а согнутые трубой втулки наверняка скрывают головы. Из-под багровых плащей, доходивших до земли, не было видно даже ног.

Жрецы, стоящие вокруг нас по кругу в конусах, монотонно шептали хором некие слова, а позади них, среди скал, появились туманные фигуры, плоские и серые, как тени.

– Кто ты и отчего беспокоишь Шепчущих-к-Тени? – голос доносился отовсюду. Казалось, что заговорила сама гора.

– Я тот, кто уже приходил сюда однажды и теперь возвращается. Взываю от имени мастера Аакена и хочу, чтобы вы призвали для меня Червя.

Два стоящих друг напротив друга жреца напряглись, словно струна, опустили ладони, глядя на нас темными отверстиями капюшонов, что начали сокращаться и словно укладываться назад, пока не легли на плечах, как широкие брыжи, открыв изуродованные, покрытые шрамами лица.

– Мы не принадлежим вашему миру... – сказал тот, что был с двумя щелями вместо носа, с кожей, покрытой белыми кривыми шипами. – Мы принадлежим Горе и Тени.

– Мы – Братство Искалеченных и ждем новый рассвет, когда возродимся вновь, – сказал второй, с наростом на шее, похожим на головку спящего младенца; под ухом его было нечто вроде рыбьих жабр. – Ты не можешь звать ни от чьего имени из живых, поскольку те уйдут, когда наступит время, они – словно пепел на ветру.

– Ты не можешь нам приказывать...

– Не можешь угрожать. Мы – Гора и шепчем к тени...

– Гора старая и голодная...

– Гора хочет есть... Накорми ее, и, может, мы призовем для тебя Червя.

– Мастер Аакен присылает много падали для вашей Горы. Вы обещали, что призовете Червя для Змеев, когда нам это понадобится. Всегда, когда я прихожу сюда, я кормлю Гору.

– Когда Гора слаба, Червь не прибудет.

Деющий указал на коленопреклоненных, что стояли на гладкой, словно тарелка, площади, выметенной от снега.

– Накормите ими Гору и призовите Червя.

– Отведи их на склон, где открываются уста Горы. Накорми ее досыта – и, возможно, Червь прибудет.

Шепчущие-к-Тени перестали говорить, а их капюшоны снова начали расти, пока не проглотили головы жрецов, выдвинулись вперед и погрузили лица во тьму. Оба спрятали ладони в рукава, опустили головы, и стало невозможно отличить их от остальных.

Конь одного из Змеев дернулся и потянул связанных друг с другом пленников к горе. Пленники пришли в ужас, но, когда человека волокут на затягивающейся петле, он может сражаться только за то, чтобы ухватить лишний глоток воздуха, и больше ни за что. Я вынул из-за пояса нож и крутанул его в руке, а потом перерезал ремни на запястьях, но во всеобщем крике, панике и замешательстве никто не обратил на это внимания. Я сунул клинок в левый рукав, под кожаную повязку на предплечье, а потом ослабил петлю, воткнув под нее пальцы, и принялся как можно скорее перебирать ногами. Второй от меня пленник, седеющий старик, раненный в плечо, потерял сознание, и петля придушила его. Соседи пытались удержать мужчину, но ноги его лишь тянулись бессильно, судорожно царапая подошвами скалу.

Нас поволокли вокруг горы к месту, где скала западала, создавая гладкую выемку, словно миску, и толкнули вниз. Мы съезжали, спутанные друг с другом, по гладкой, словно стекло, скале, а те, кто еще мог издать хотя бы звук, кричали от отчаяния, гнева и испуга. Змеи съехали следом, а потом я смотрел, как они хватают первого из пленников, как один срывает с его шеи петлю, как двое других хватают за руки. Стена выемки вдруг начала крошиться и опадать пластами, а под ней показалось нечто вроде сморщенной шкуры гигантского создания, в которой открылась круглая яма, словно вход в туннель. Оттуда повеяло отвратительным смрадом. Змеи подбили ноги человеку, которого они держали, и бросили его головой вперед. Туннель резко закрылся под жуткие крики, доносящиеся изнутри, осталось только небольшое сморщенное отверстие, из которого потекли ручейки темной крови.

Остальные пленники от такого зрелища очнулись; принялись биться, дергать путы и метаться по яме, гладкой, как отполированный и смазанный маслом лед; в ней по периметру отворился целый ряд таких отверстий. Склоны были столь скользкими, что не удалось бы вылезти, а те, кто пытался, съезжали на животах на самое дно, прямо в руки Змеев. То и дело отчаянный вопль и мерзкий звук закрывающегося в стене отверстия свидетельствовали, что еще один человек проиграл битву за жизнь.

Я сбросил петлю с шеи, давась и хрипя, но не стал штурмовать гладкие стены «миски». Остался в центре, пряча клинок в ладони и лишь стараясь, чтобы меня в сутолоке не сбили с ног. Сумел резануть одного из пеших Змеев по вене на шее и пинком в колено отправил его на землю. Кто-то из пленников сумел свернуть шею еще одному, многих Змеев пленники свалили с ног, сражаясь за свою жизнь, но повалившиеся на землю уже через миг вставали, а из пленников остались только я да изнасилованная девушка. И ее уже тащили к отверстию в стене. Я услышал ее страшный, внезапно оборвавшийся крик, гладкая поверхность скалы вся забрызгалась кровью, и та стекла на самое дно «миски», а против меня одного, стоящего в красной луже, с укрытым в руке клинком, шло шестеро Змеев, в том числе один в тяжелом доспехе всадника.

Я знал, что желаю погибнуть в битве и не позволю вбросить себя живьем в раззявленную пасть.

За спиной моей был край сверкающей каменной «миски», впереди – шестеро Змеев, которые шли на меня лавой, растянувшись на всю длину ямы.

«Эффективно могут нападать не больше трех за раз, – объяснял Нитй'сефни. – Остальные будут просто мешать один другому».

Они напали с двух сторон, оттого я метнулся в одну и другую сторону, так, чтобы Змеи столкнулись друг с другом; я был уже сбоку, резанул клинком, который лишь заскрежетал по чему-то железному. Но я прыгнул на вогнутую стену, желая забежать как можно выше, а когда сапоги мои уже соскальзывали, развернулся в воздухе, чтобы упасть на спину, и поехал вниз, сбив еще двоих и выехав на стену напротив. В полете я резанул одного Змея по внутрен-

ней части бедра, чей-то клинок лязгнул о скалу рядом с моей головой, не выбив на камне и щербин. Я развернулся ногами вниз и поднялся. Кто-то из Змеев схватил меня за плечо – я накрыл и выгнул его ладонь, ломая запястье движением, которое Ульф называл на своем странном языке «котегайеши». А потом кто-то подбил мне ноги, а другой сзади зажал руку и шею. Я яростно колот ножом, но его выбили из руки, и меня потащили к разверстому отверстию.

– Отставить! – крикнул вдруг кто-то. Над краем «миски» стоял Деющий в распахнутой куртке и раздуваемой за спиной пелерине, глядя сквозь отверстия ящероподобного шлема. – Этого должен увидеть мастер!

Те, которые тащили меня за брыкающиеся ноги, отпустили, и теперь мне сжимали лишь шею и руку. Тот, кто стоял позади, отчетливо и по-звериному зашипел.

– Не хватит, – сказал Змей за моей спиной. – Червь не придет. Нужно больше еды для Горы.

– Добавь тех трех, что лежат, – приказал Деющий. – Они уже падаль. Змеев много, от нескольких не обеднеем.

– Все равно будет мало, – уперся тот и снова зашипел, стискивая мне плечо.

Деющий быстрым жестом, словно отталкивая нечто, выставил перед собой руку, а нападавший отпустил меня и с криком полетел прямо в отверстие дыру, словно в него с разбегу ударил буйвол.

– Теперь хватит, – сказал Деющий. – Наверх его. Я сказал, что мастер его увидит. Его вместе с нами проглотит Червь. Этих троих бросить туда. А для начала заткнуть того, кто орет. Змей должен помнить, что счастье – в единстве. Тело – все равно что сброшенная шкура.

А потом я снова стоял на коленях между Змеями, со связанными руками, на круглой площади, глядя, как под ногами моими зажигаются и гаснут цветные линии и круги. Вокруг в нишах неподвижно стояли скрытые под трубообразными капюшонами Шепчущие-к-Тени, шестеро Змеев сидели рядом со мной на земле, а сверху по серому небу ползли свинцовые тучи. Пока что я выжил и не накормил собой Прожорливую Гору. Не поглотила меня открывающаяся в стене пасть, и я мог сидеть, снова взятый на поводок, как пес, дрожа и истекая кровью из раны на лбу. Я немного мог сделать помимо этого – потому просто сидел.

И, что бы оно ни значило, ждал Червя.

Я должен был оказаться «проглоченным», но вместе с ними, и меня должен был увидеть мастер – наверняка имелся в виду безумный король Змеев. Я перестал пытаться что-либо понять и думал только о том, что происходит вокруг в данный момент. На этот раз руки мне связали спереди, а у меня оставались клинок в сапоге и нож Бруса на шее, под одеждой, да еще цепь в поле куртки. Ну и я все еще оставался жив.

Нам приказали сидеть так довольно долго, но Змеи не выказывали ни нетерпения, ни страха. Казалось, они не чувствуют ни холода, ни скуки. Не разговаривали, ничего не ели, не курили бакхун, только сидели: мертво, недвижимо, словно настоящие гады.

Вокруг нас все еще слышались шепоты, напоминавшие шелест мертвых листьев, а между скалами все время скользили и мелькали серые фигуры. Порой мне даже казалось, что я замечаю нечто, похожее на толпу людей, сотканых из дыма. Людей, которые украдкой перебегают в том дыму, порой останавливаются и тарачатся на нас. Но когда я пытался к ним присмотреться – они бледнели, превращаясь в тени и клубы серных испарений.

Через некоторое время колонны снова провернулись, открыв жрецов в багровых одеяниях; те стояли, будто статуи. На полу под моими ногами появились светящиеся красным и желтым огненные круги, что теперь дымились и росли.

– Вы накормили Гору, – заявил один из Шепчущих, но не понять было который.

– Мы призвали для вас Червя, – сказал другой.

– Можете взойти лестницей, – добавил следующий.

Змеи встали и двинулись через круглую площадь в сторону склона, туда, где были вырезаны гладкие ступени, настолько широкие и высокие, что их можно было принять за террасы; они вставали все выше, аж до широкой, правильной формы пещеры, где засиял зеленый неестественный свет.

Мы поднимались по большим бревенчатым лестницам, установленным между ступенями, всадники вели под уздцы лошадей. Не собирались их оставлять, а потому рядом с лестницами поставили для них сходни из досок с набитыми поперечными планками. Четверо пеших несли сеть, в которой лежал саркофаг с Деющей, а двое вели меня. Один держал веревку, надев ее на мою шею, второй стерег с копьём в руках, время от времени толкая меня древком в спину.

Я понимал, что с каждой минутой бежать будет все сложнее, но ничего не мог сделать – до сих пор не видел ни единой возможности.

Когда мы наконец взошли, ступени привели нас в широкую пещеру – та походила на след от горизонтального удара, будто бы кто-то хотел перерезать горе горло. Мы вошли внутрь, с каждым шагом погружаясь в могильную тьму и оставляя за спиной мир и остатки света, врывавшиеся в дыру входа.

Тут все было так, как оно бывает в пещерах. Мрак, влажный, застоявшийся воздух, звуки шагов, разносящиеся эхом далеко-далеко, мелодия падающих капель.

Я бывал в таких пещерах, и, хотя не слишком люблю их, обычно они меня не пугают. Но здесь висел странный запах, непохожий на железистое или серное дыхание нутра земли, какое я привык обонять в гротах. Зато я чувствовал тяжелый, мускусный запах, будто мы вошли в логово больших зверей, вроде диких леопардов или даже стада волков.

Среди звука капель и наших шагов снова слышались шепоты и шелесты, как если бы окружала нас толпа. А вокруг царил тяжелая подземная тьма, какую не увидишь даже глубочайшей ночью.

Я спотыкался о камни, а потому протянул вперед связанные руки, пытаясь нащупать дорогу. Натыкался на странные, бесформенные выступы, как обычно и случается в пещерах, но это не были скалы: на ощупь все казалось склизким мясом морских тварей; мы словно оказались не в логове чудовищ, а в их внутренностях. Формы эти прогибались под руками, и мне даже казалось, что они движутся.

Через какое-то время я увидел свет. Бледный и мерцающий, как проблеск множества свечей, свет ломался в натеках и каменных сосульках пещеры. Когда мы оказались ближе, я заметил монаха из тех, что звались Шепчущими-к-Тени, обернутого в трубу багрового материала.

Этот сидел посредине круглой комнаты в скале, окруженный выстреливающими прямо из пола никлыми язычками пламени, похожими на болотные огоньки. Направил на нас дыру своего капюшона, и я увидел, что сзади в него вползает одно из тех скальных шупалец, втыкаясь в одежды, а потом наверняка и в тело, а монах никак на такое не отвечал и не казалось, что он страдает.

– Если появится свет, значит, вы достаточно накормили Гору – и она пришлет вам Червя. – Было непросто понять, сказал это монах или голос стек прямо с потолка пещеры – или же возник между безумными шепотками среди теней.

А потом что-то щелкнуло, и вся пещера озарилась белым светом, делая видимыми наросты и отростки, каким бы оставаться неподвижными, как пристало камням, они же двигались, словно щупальца морских созданий. Противоположная стена, переливающаяся светом, вдруг раскололась, истекая грязно-желтой жидкостью, похожей на гной из старой раны. Щель раздалась в стороны, и на нас обрушился отвратительный смрад, словно из распоротого нутра.

– Идите, – сказала пещера, глядя на нас темной дырой капюшона. – Червь прибудет.

Меня толкнули древком копья в спину, и мы зашагали напрямик к разверстой ране, теперь напоминавшей грязное лоно. Мы прошли сквозь коридор, залитый ясным светом, в котором отчетливо было видно, что все здесь – как камень, как гладкие, стекловидные строения предвечных и как внутренности гигантского чудовища одновременно.

Далее снова была камера, совершенно пустая и ровная, залитая тем призрачным белым светом и такая большая, что поместился бы там и табун лошадей. По центру шел безупречно прямой ров, делящий ее напополам, широкий настолько, что поместилась бы там небольшая речушка. На стенах загорались и гасли ни на что не похожие световые знаки, но я не видел ничего, что можно было бы назвать червем. Камера с обеих сторон заросла желтоватыми, дрожущими завесами.

А потом раздался звук, схожий с воплями призрака, пробудивший эхо под потолком. Откуда-то издали послышался нарастающий шум и свист, вся камера принялась трястись, сверху посыпались мелкие камешки. Звук становился все сильнее и все глубже, завеса, закрывающая камеру, внезапно вздулась и расселась, будто пузырь, впустив дыхание ледяного вонючего вихря, едва нас не повалившего. Кони Змеев принялись ржать и вставать на дыбы, а потом с шумом, громом и визгом, словно бы на голову валился весь мир, прибыл Червь.

Выстрелил из дыры, как хищная рыба, прячущаяся в подводной яме, и в один миг заполнил собой весь ров посреди пещеры. Да, именно рыбу он и напоминал, одну из тех с угреподобными телами, которых купцы продавали, дав рыбакам день-два повисеть в коптильне – или кусками, печеными на углях и надетыми на палочки. В залитом солнцем, громком Маранахаре. В городе, который умер. Давно и далеко от этих мест.

Где-то в моей памяти.

Вот только это создание было в сто раз большим, чем те змеерыбы, что висели на крюках торговцев. В пещере поместилась лишь голова и часть туши – подозреваю, что в дыре, откуда он прибыл, ждало еще примерно столько же тела Червя.

У создания не было глаз, покрывал его узор из ярких полос, его бока вибрировали и чуть колыхались, а еще сочились вонючим туманом. Выдвинутая далеко вперед плоская морда стала раскрываться, и я понял, что сейчас буду проглочен, но мне удалось не впасть в панику. Я помнил, что командир сказал: «Проглотит вместе с нами», и что потому-то меня «увидит мастер». Я мало понимал, но и того хватило для подобия надежды.

Червь лежал на дне рва неподвижно и дышал открытым ртом совершенно как ручные ящерицы с юга. Казалось, он не замечает ни испуганных лошадей, ни Змеев, а те, увидев его, принялись дико орать и лупить оружием или кулаками в нагрудники.

Он же просто лежал, огромный, словно опрокинутая башня, и ждал.

С открытой пастью, напоминавшей городские врата. Повернул башку в сторону и уперся челюстью в пол пещеры.

Раздался стук копыт, визг испуганных коней, которых вели под уздцы прямо в раскрытую пасть, кто-то толкнул меня древком между лопатками. Змеи не раздумывая двинулись в гигантский раскрытый рот, как если бы это было обычнейшее дело, словно направлялись они в городские врата.

Не так я представлял себе «проглатывание». Червь ждал с раскрытой пастью, а мы маршировали прямо в его нутро.

Я трясся от испуга, но меня дергали за веревку, и я должен был идти. В пасть Червя, прямо в вонь его дыхания, шаг за шагом.

В пасть.

Ввели лошадей, одну за другой, внесли сеть с ледяным саркофагом, втокнули меня.

В частокол бесчисленных зубов, в несколько рядов торчащих из неба, каждый – длиной с мою ладонь, искривлен внутрь и сверкает, как полированная кость. Казалось, это туннель, украшенный по потолку и стенам бесчисленными клинками стилетов.

В брюхе Червя вовсе не было темно. Синеватое свечение лилось со стен желудка, а изнутри кожа твари казалась прозрачной, как выделанный рыбий пузырь. Я видел сквозь нее стены пещеры, странные знаки заклиний, мелькающие на стенах. Когда меня гнали сквозь глотку, я сжимался, ожидая, что тысячи зубов раздавят меня, но ничего подобного не произошло. Я не был превращен в кровавую кашицу.

По какой-то причине Червь проглатывал нас целиком.

Я думал увидеть желудок, внутренности, клубки кишок – сам не знаю, что еще. Создание казалось живым, а потому я полагал, что внутри оно схоже с остальными существами в этом мире, однако за зубастым горлом оказалось достаточно места, словно тварь была полой изнутри. словно мы вошли в большой вонючий кожаный шатер.

Глотка сжалась, потом я снова услышал мрачный, гудящий звук, все затряслось, и я понял, что Червь закрыл рот.

А потом тело его дернулось, и я едва не заорал от ужаса. Я чувствовал, что некая сила влечет меня в сторону хвоста, я пытался ухватиться за что-нибудь связанными руками, но внутренности чудовища были гладкими, как натянутая кожа барабана. От пасти в сторону хвоста, куда меня волокло, по коже пробегали световые узоры, снаружи, за полупрозрачной кожей вдруг сделалось темно – и я понял, что чудовище, вместе с нами в желудке, двинулось сквозь подземные коридоры Прожорливой Горы.

Это не было похоже ни на что, что я переживал ранее. Ни на поездку на повозке, ни на спину орнипанта, ни на любого другого скакуна. Более всего это напоминало пребывание под палубой ледяного корабля, которым я прибыл в город на вулкане. Но сейчас все тряслось и колыхалось из стороны в сторону, и я чувствовал таинственную силу, увлекавшую меня вперед легко и неудержимо. Подобная тварь должна бы, полагаю, извиваться, чтобы двигаться, но эта неслась прямо, разве что телом его пробегали волны пробивающей до самых костей дрожи.

Довольно быстро я почувствовал тошноту, и единственным утешением было то, что Змеи не выглядели лучше. Лица под татуировками посерели, они нервно сглатывали и спотыкались на ровной поверхности, пытаясь за что-то держаться. Вокруг мелькали огни, до нас доносился странный свистящий грохот, с каким чудовище мчалось подземными коридорами. Порой Червь поворачивал, и тогда нас откидывало на противоположную стену, кони принимались испуганно визжать, и я задумывался, что же будет, если кто-то из них впадет в панику и примется лягаться в животе Червя.

Камера, в которой мы стояли, заканчивалась стеной, сжатой, словно горловина завязанного мешка, но, судя по огням, тускло светящимся позади, там была еще одна подобная камера – а может, и не одна.

Мы стояли так довольно долго, ожидая не пойми чего; внутри Червя, который двигался сквозь пещеры, как древоточец в стволе. А может, весь мир был им прогрызен, как старое бревно. Может, Червь мог выскочить по ту сторону гор или где захочет, на много стайе от побережья, где вставала проклятая Прожорливая Гора. Я проглочен и встану перед лицом короля Змеев... Я начал понимать, и страх поселился во мне.

Командир стоял на широко расставленных ногах, опершись одной рукой в стену, и слегка раскачивался с этим своим безумным выражением на лице и ужасными глазами, напоминающими желтые камешки. Он один не бледнел, не блевал и не двигался; даже не пытался сесть в желудке Червя. Я понял, что он уже входил ранее в чрево чудовища и что я был прав.

Пока мы со всем тщанием странствовали по земле, бредя в снегу недели напролет, Змеи давали чудовищу проглотить себя и двигались подземными туннелями, выходя на поверхность внезапно, как крысы в амбаре. Даже если кто-то из Странствующих Ночью – сам Ульф, Люди Огня или Братья Древа – выжили, они могли рассчитывать лишь на мышцы своего коня и собственные ноги. Не могли догнать Червя, скользящего напрямую по выгрызленным в глубинах земли коридорам, – словно он простой червь в гнилом мясе.

В туше чудовища было тепло, но я почувствовал, как меня начинает морозить. Возможно, я сумел бы дотянуться до клинка Бруса, висящего на груди, и перерезать себе вену сбоку шеи. Жизнь вытекла бы из меня раньше, чем сердце ударило бы сто раз, и мой Путь Вверх подошел бы к концу. Я бы избежал короля Змеев и ожидающих меня мук. Вот только что я тогда сказал бы отцу и теням всех убитых кирененцев, вручивших мне судьбу всего народа? Как бы я объяснил им, что заблудился на тропках судьбы, спутавшихся, словно червоточины, выгрызенные в бревне, что позволил, чтобы безумный король получил в свои руки силу Скорбной Госпожи, а Нагель Ифрия превратила мою страну в пустыню, ошетилившуюся лесом Красных Башен?

У меня остался кастетный нож на шее, не больше листочка, спрятанная в поле куртки цепь да маленький клинок в подошве. Противников было семеро, в том числе двое тяжелооруженных и один Деющий. Единственным выходом было убить их, забрать Деющую, а когда Червь выйдет из-под земли – убежать. Вот только на такое не было и шанса. Возможно, я бы сбил с ног одного-двух, воспользовавшись замешательством, а потом, достав цепь, о которой они не знали, сумел бы еще некоторое время защищаться, но и только. К тому же оставался Деющий, который наверняка мог одним жестом заставить вскипеть мои глаза. С тем же успехом я мог просто перерезать себе горло – так было бы проще и быстрее.

Мне подумалось, что это-то я всегда успею сделать, потому я ждал, стоя на коленях, а меня подбрасывали корчи и прыжки туши чудовища, я был оглушен шумом и рыком, доносящимся снаружи, и ослеплен сверканием света. Я стоял неподвижно и собирался с силами, а в голове моей звучала песнь о долине Черных Слез. Я хотел очистить свое сознание от страха, пустых мыслей и размышлений. Это время миновало. Теперь я должен был пробудить в себе огонь и разжечь его так, чтобы огнем сделалось все мое тело. Пламенем, которое невозможно сдержать клинком и которое поглотит все. Близился мой конец, и я должен был перестать думать о том, куда я уйду, и сосредоточиться на мгновениях, которые настанут совсем скоро. Мне нужно убить семерых мужей. Старше меня, значительно сильнее и лучше вооруженных. Возможно это или нет, значения не имело. Более мне ничего не остается. Важна была возможность, могущая наступить в любой момент, и способ ее совершения. Движения тела, хитрость, скорость. Места, незащищенные броней, куда можно ударить клинком. Оружие, которое можно вырвать из рук и перехватить. Движение, которое позволит сбить их с толку, заставить столкнуться друг с другом, закрыть друг другу дорогу. Возможно, я даже сумел бы убить Червя, калеча его изнутри, привести к тому, чтобы он остался в коридорах нутра земли и никогда не добрался до короля Змеев. Движение. Хитрость. Огонь. И только.

Я стоял на коленях и контролировал дыхание, работающее, как мех в кузнеце, раздувая пламя, пока оно не стало белым, гудящим, таким, что может прожечь и железо.

Я ждал.

А потом Червь начал поворачивать все чаще и все резче, туша его дергалась так, что и командир потерял равновесие и покачнулся, а на лице его проступило удивление.

Кони вновь принялись визжать, а Люди Змеев опрокидывались, вцепляясь в выпуклости в стенах и друг за друга. Я поднял руки и сунул пальцы под цепочку, на которой висел нож Бруса, но все еще ждал, поскольку что-то происходило, я же хотел понять, что именно. Змеи начали перекрикиваться, но Деющий утихомирил их хриплым рывканьем. Снаружи, словно вторя ему, отвечал протяжным воем Червь.

Тварь дергалась довольно долго, командир ухватился за что-то над головой и неуверенно осматривался, хмуря брови. А потом я снова почувствовал, как невидимая сила начинает толкать мое тело, вот только теперь не к хвосту, а вперед, в сторону морды чудовища. Змеи, потеряв равновесие, покатались по скользкому полу, обе лошади встали на широко расставленных ногах и громко завизжали.

Воцарилось замешательство, но это все еще не был момент для нападения, поскольку попытаюсь я встать на ноги, тут же потерял бы равновесие, потому не мог даже представить, как можно тут сражаться.

Через какое-то время отчетливое чувство движения ослабло, потом наступило несколько мощных рывков, будто корабль врубался в волну, а потом все стихло.

Исчезли шум и сотрясения, чудовище сделалось недвижимым, только странные светящиеся узоры и знаки продолжали мигать на стенах.

Сомкнутая горловина вдруг растянулась, показывая внутренности рта, наполненного частоколом клыков, провернулась в сторону, внутрь ворвался синеватый, беспокойный свет и тухлый воздух подземелья.

Змеи вставали на ноги. Двое ухватились за сеть с ледяным саркофагом, кто-то взял под уздцы фыркающих и дергающих головами коней, кто-то снова толкнул меня поперек спины древком, и мы вышли из внутренностей Червя.

В совершенно такую же пещеру, как и та, в которой мы в него входили.

Командир был недоволен: встал, онемевший, тварь же тем временем закрыла пасть, развернула голову, а потом выбросила ее вперед, растягивая тушу, и выстрелила в глубь подземных туннелей, хвост же ее, размытый скоростью, еще какое-то время тянулся позади нас.

– Как вы смеете, Шепчущие! Мы накормили Гору! Гнев Змея будет безжалостен! – крикнул Деющий, задирая голову к каменным стенам и потолку, на которых зажигались и гасли странные знаки.

В ответ раздался непонятный окрик на чужом языке, звучащий вроде: «Проревка биретов!» – а потом, во внезапной тишине, короткая, массивная стрела воткнулась в лоб жреца Змеев.

Тот вздрогнул с оглушительным шипением, превратившимся в фырганье и бульканье, когда изо рта его брызнула кровь, а потом свалился в ров на дне пещеры, по которому миг тому назад несло тело Червя.

Я не стал ждать дальше.

Выдернул из-под куртки, кольчуги и кафтана цепочку с ножнами кастетного ножа, перерезал ремень на запястьях и пируэтом вывернулся из хватки охраняющего меня Змея. А потом просто повторил то, что мысленно проделывал уже раз сто, совершенствуя каждое движение. Выкрутил ему руку с мечом и припал к земле, распарывая внутреннюю часть бедра клинком, скрытым между пальцами второй руки, так, чтобы рассечь крупные сосуды в паху.

Потом я крутанулся снова, словно пламя на ветру, и рубанул Змея под шлем его собственным мечом, пока он падал.

Огонь во мне разгорелся, а воздух в пещере мгновенно загустел от стрел.

Раздался многоголосый крик, отраженный эхом, трое напшигованных стрелами Змеев скорчились на земле, а двое последних, еще способных двигаться, прыгнули за своим Деющим на дно каменного рва.

Один уцелел, поскольку его спас доспех всадника, у второго же из плеча торчала стрела, но он не обращал на это внимания. Глубокое дно рва укрыло их, и они бросились в безнадежное бегство к выходу из туннеля, снова затянувшегося желтоватой перепонкой.

Я стоял, удивленный, с трофейным мечом в руках, среди трупов и умирающих, которые корчились на скальном полу. Не слишком-то понимал, где я и кто поубивал Змеев, но я следил за ледяным саркофагом, решив оборонять его до самого конца.

Пока что я не видел ни одного нападавшего и даже не мог понять, где они спрятались. Пещера была шагов в сто длиной и выглядела совершенно как та, куда ввели нас на встречу с Червем Шепчущие-к-Тени, – и я понятия не имел, то ли самое это место, или так кажется.

Комната была пустой, и мне казалось невозможным, чтобы кто-то сумел в ней спрятаться, но тут я увидел людей, одетых в белое, с закрытыми лицами: они выходят из многих мест, словно бы из стен, и бросаются в погоню за Змеями.

Двое прыгнули в ров и достали мечи, а двое других, выйдя из стены чуть подалее, отрезали Змеям дорогу и тоже прыгнули на дно, перекрывая им выход из туннеля.

Я смотрел на их грязные кафтаны и капюшоны с узором темных, размытых полос, говоря о котором Ульф настаивал, что тот позволяет лучше укрываться. Слышал знакомые голоса, видел, как раскручиваются в руках веревки с «кошками», которые мы носили, чтобы взбираться на скалы и стены, смотрел, как убивают обоих беглецов – безжалостно и спокойно, без серьезного боя, помогая друг другу, словно хозяева, клеймящие быков. Того, кто был ранен стрелой, зарубили сразу, все не затянулось даже на минуту. Один из нападавших бросил ему в лицо железную звездочку, второй перерубил сзади бедро, а тот, бросавший, перерезал горло. Воин в тяжелом доспехе отнял чуть больше времени, но и ему не посвятили много внимания. Одна «кошка» зацепила Змея за ногу, вторая оплела загривок и поднятую руку, после его повалили на камень, а один из людей в капюшонах наступил воину на грудь и воткнул клинок между плитами брони.

Еще двое подошли ко мне с мечами в руках – я и не заметил, откуда они взялись. Тот, что повыше, приседал над каждым лежавшим и прикладывал два пальца к их шеям, одновременно прижимая коленом правую руку, а потом поднялся без слов, спрятал меч и отстегнул маску из меха и кольчужных колец, заслонявшую его рот и нос. Схватил меня одной рукой за загривок и прижал к своему плечу.

Я почувствовал, как наваливается на меня усталость, а ноги делаются мягкими.

– Я думал, ты мертв, – сказал я. – Увидел ледяной саркофаг и подумал, что тебя убили.

– То же самое, сынок, я думал о тебе, – ответил он и быстро отвернулся, чтобы я не увидел блеснувших слез. Я уже знал, что он, не пойми почему, такого стыдится.

– Только шестеро? – спросил я осторожно. – А остальные...

– Дягиль и Анемон ушли, – обронил он, все еще стоя боком. – Сильфана, Кизил и Явор ранены. Еще четверо везут их на корабль. Девушка... – он кашлянул. – Не знаю, выживет ли. Как и Явор. Секунду.

Он вытер лицо, а потом вскочил в ров и присел над лежащим навзничь Деющим.

– Отбросил копыта, *paskiainen*, но рисковать я не стану. Не стану больше рисковать.

Выбросил что-то из рва – оно ударилось о дно с мерзким звуком и покатилося по камню, оставляя за собой кровавый след. Я взглянул на раззявленный рот, татуированные щеки и прикрытые змеиные глаза, теперь мутные и залитые кровью, и почувствовал тошноту.

– Так нужно, сынок, – заявил Ульф, вылезая на пол пещеры. – Это не бессмысленная жестокость, но страховка. Мы не знаем, что такое Деющие, кроме того, что действуют они против природы и что их непросто убить. А без головы даже этот вот сделает немного.

Обернулся к своим людям.

– Приберитесь! Змеев достать, накормим ими Гору! Быстренько!

– Малой жив? – крикнул кто-то.

– И здоров! Уходим! Отсюда нет прямого пути домой!

– Он о чем снова? – спросил кто-то еще из воинов.

– А кто его знает? Иной раз мне кажется, что у него не все в порядке с головой.

Когда мы выволакивали трупы из камеры, я чувствовал, что руки мои все еще трясутся, а колени подгибаются. Я был среди своих, я был спасен, но не понимал, как это случилось. Меня все еще мучило кошмарное чувство, что это лишь сон, бред, из которого я выпаду в любой момент, скорчившийся в брюхе Червя или перевешенный через седло со связанными руками.

Я знал, что Ульф пока ничего не объяснит. Он шел быстрым шагом, погруженный в мысли, и что-то бормотал себе под нос, как было у него в привычке, а это значило, что он спешит и что весьма занят.

– Как вы вышли из стен? – спросил я у Грюнальди, который шагал рядом. Не знаю почему, но именно это и казалось мне самым важным.

– Да запросто. Я так всегда делаю, когда вижу стену, – рывкнул тот в ответ.

– Не слушай его, – сказал Спалле. – Там есть туннели, которыми ходят, но вместо дверей эдакое... Ну, что-то, что раздвигается и закрывается. Когда закрыто, то с другой стороны его не видать. Мы подождали за теми... Ну, живыми заслонами, и лишь немного их раздвинули, так, чтобы было видно и чтобы поместилась стрела. А потом мы просто вышли – и всё тут.

– А почему Червь снова сюда прибыл? Он ведь давно уполз вглубь земли.

– Шепчущие-к-Тени ему послушны. Развернули Червя. Вызвали его назад. Его спроси, я тут сам ничего не понимаю.

– Они послушны Ульфу? Кем вы накормили Гору?

– Чуть не накормили ее самими собой. Нас окружили тени. Духи пожранных Горой. Как призраки урочища, но входят человеку в голову и показывают ему какие-то ужасы. Страх, печаль, смерть – пока сам не лезет кормить собой Гору, только бы все кончилось. Но мы выжили. Кажется, Спящие увидели в голове Ульфа нечто такое, что им очень понравилось, и сразу же отозвали тени. Более всего им понравилось, что он может вызвать конец света, и это меня немного беспокоит. Ульфа трясет от злости, и, похоже, он сам охотно бросил бы тех Шепчущих в пасть Горы. Но я доволен, что случилось как случилось, а то мы и сами бы присоединились к теням.

Мы вышли в пещеру, где сидел Спящий, сросшийся со скалой, в окружении венца огоньков, мерцающих на полу.

Мы свалили мертвых Змеев в кучу, а через миг в темноте появились несколько монахов и молча поволокли тех по коридору. Ночной Странник стоял с пальцами, заткнутыми за пояс и что-то рисовал на полу носком сапога. Он отстегнул маску, и я видел, как у него играют желваки, что означало, что он разъярен и не хочет, чтобы это поняли окружающие.

– Куда идут коридоры Червя? – спросил Ульф.

Сидящий повернул к нему дыру капюшона – колодец, наполненный черной водой.

– Как знать? Когда-то, века назад, они оплетали почти весь мир. Нынче никто не знает. Одни заросли, другие обрушились... За века даже горы растут и странствуют, хотя живущие не видят этого. А другие рассыпаются во прах. Земля потягивается, рождаются скалы, реки меняют свой бег, острова выныривают из морей.

– Старик, не рассказывай мне сказок! – рывкнул Нитй'сефни. – Ты призываешь Червя для этой падали в змеиной короне и для его людоедов, и ты прекрасно знаешь, куда его посылаешь. Так куда еще может отправиться Червь? Если ты хочешь, чтобы я сделал то, что намереваюсь, тебе придется мне помочь.

– Мы, Шепчущие-к-Тени, не помогаем смертным и не принимаем ни одну из сторон. Однако ты желаешь разъярить всех богов и сделать так, чтобы мир содрогнулся в своих основах. Ты словно лис в курятнике. Горящий лис в курятнике. Да, мы хотим, чтобы ты смог бегать по всему подворью, разнося пламя на хвосте. Братья проводят тебя в сердце Горы, чтобы ты узнал тропы Червя. Но знай, что, если сюда прибудет король Змеев и накормит Гору, мы тоже приведем к нему Червя – и не скажем тебе. Мы хотим хаоса, который найдет мертвый снег и закончит время этого мира, потому что после родится новый, дав нам здоровые тела. И знай еще, что, если ты желаешь, чтобы Червь понес тебя в своем брюхе, ты должен накормить Гору, как и любой другой. Гора очень стара, она может умереть. Она должна есть.

Ульф не сказал ни слова, лишь смотрел минуту-другую на стены, закусив губу.

– Веди, – сказал наконец.

– Я принадлежу к Сросшимся-с-Горой и не могу покинуть круг огней прежде, чем придет мертвый снег.

Ульф поторопил монаха жестом руки.

– А я принадлежу к Несросшимся-ни-с-Чем, и мне начинает надоедать. Начинаю верить, что мертвый снег выпадет раньше, чем ты прекратишь говорить, старик.

– Проводит тебя свет. Ступай за ним – и найдешь сердце Горы.

– Вечно одно и то же, – вздохнул Ульф. – Ступай за светом да ступай за светом. Что вообще, *perkele*, такое? Это же просто гребаная станция. Смесь глисты с синкансэном.

По крайней мере, так оно прозвучало. Я не многое понял, кроме того, что Нити'сефни теряет терпение.

Нам не позволили пойти вместе с Ульфом, потому мы вышли наружу. Мы спустились по высоким ступеням на самый низ, до кругаobeliskов, в которых все еще стояли Шепчущие-к-Тени посреди испарений и смрадных выбросов, но я уже не видел шмыгающих между ними теней.

Потом мы стояли, глядя, как Шепчущие бросают тела Змеев в ямы, где дремлют пасти Горы. Их не было нужды даже бросать в сами отверстия, как делали раньше Змеи, поскольку, если корм некоторое время лежал в яме, из отверстий начинали выскакивать сморщенные белые щупальца, что заканчивались венчиком клыков. Отростки походили на гигантских морских червяков, они сами раздирали жертв и тянули их в дыры. Я лишь раз взглянул туда и почувствовал, как желудок подкатывает к горлу. С другой стороны, эти же Змеи недавно бросали сюда людей – но теперь и сами сделались лишь кормом для Горы.

– Пойдем отсюда, – сказал Грюнальди. – Я многое повидал в жизни, но это самое паршивое место, какое я только знаю. Предпочел бы ковцам задницы подтирать, чем когда-либо вернуться сюда. Откуда в мире могло бы взяться нечто подобное?

– Если я верно понял, предвечные странствовали именно так, дав Червя себя проглотить.

– Вот уж ничто меня не радует так, как то, что они вымерли.

Мы отошли как можно дальше от ямы и сели на камни, а Спалле достал баклагу крепкогопряного пива, которое тут называют грифоновым молоком, и мы принялись передавать ее по кругу. Над нами висели испарения, пахнущие серой, а кое-где стояли Шепчущие-к-Тени – неподвижно, будто камни, молча всматриваясь в нас колодезной чернотой капюшонов. Вверху каркали вороны, а ветер нес мелкий, словно мука, снег. Я чувствовал, как усталость и страх вливаются в мои ноги, словно жидкий свинец, и изо всех сил старался не упасть в снег и не уснуть. Я лишь сидел и время от времени касался все еще пульсирующей болью припухлости на виске. Сперва от грифонова молока мое опухшее от веревки горло пробила такая боль, что я закашлялся, а из глаз полились слезы. Новые глотки принесли облегчение.

Мы ждали.

– Я все еще не понимаю, как так случилось, что эти монахи желают договариваться с Ульфом и даже отдали ему Змеев, от которых приняли плату. Ведь если Аакен об этом узнает, он захочет отомстить, – отозвался я.

– Никто из нас не понимает, – отозвался один из Братьев Древа, тот, которого звали Скальником. – Кажется, они считаются неприкасаемыми, пока не покинут долину, и тут могут делать все, что посчитают для себя полезным.

– Король Змеев ни о чем не узнает, – заметил Грюнальди. – Потому что не выжил никто, кто мог бы ему об этом рассказать, а сами Шепчущие наверняка тоже не проговорятся. Я переживаю, что они стали помогать нам, поскольку наибольшим их желанием является конец света, а это не совсем то, чего бы я хотел. Надеюсь, у Ульфа достанет ловкости, чтобы с этим справиться.

– Если помнишь, ни отпугнули теней, потом призвали назад Червя, дав нам отбить Филара и Деющую, а об остальном предлагаю переживать после. Что бы там они ни думали,

нам лучше пойти и заняться собственными делами, – неторопливо сказал Спалле. – И если речь обо мне, то нет большой разницы – закончится ли мир в миг, когда меня пожрет эта огромная гора, или же несколькими днями позже.

Так мы и сидели, довольно долго, но не договорились ни до чего умного и только смотрели, как в долину вползают сумерки.

Когда Ульф появился в широком отверстии пещеры и одиноко зашагал вниз по ступеням, я уже утратил надежду, что он остался жив, и начал опасаться очередного коварства со стороны Шепчущих. Все еще не понимал, отчего они оставляют нас в живых.

– Убираемся отсюда, – сказал Ульф, подойдя ближе. – Я узнал, что сумел, но хочу побыстрее уйти. Мне нужно все обдумать, но, похоже, нам еще придется их использовать.

Мне не понравилось то, что он сказал, но я знал, что дальнейшие расспросы ничего не дадут. Мы покидали долину Шепчущих-к-Тени, и это, по крайней мере, было хорошей новостью.

Когда они шли сюда за мной, Ночные Странники карабкались на скалы при помощи веревок и крюков, потом прошли хребет и спустились на дно долины. Бесшумно и незаметно, как мы привыкли, не хуже императорских следопытов. Но потом проснулись тени, что овладели их разумами, и идущие мне на помощь лишь на волос разминулись с судьбой тех, кто входил в это место. Но теперь мы могли выйти точно так же, как входили и выходили отсюда Змеи – удобным, хотя и отвесным трактом через перевал, называемый Каменными Клыками.

У нас было два ледяных фонаря, скрывающих внутри светящихся существ, как те, что мы использовали в долине Скорбной Госпожи. Пока не опустилась темень, Ульф не позволил пробудить их сияние. Потому мы сходили среди скал и снега в подступающих сумерках. В ту ночь по небу плыли обе луны, и казалось, что снег чуть светится, – я даже замечал, что человек отбрасывает под луной тень. Потому мы продолжали идти без света, но это не оказалось настолько уж сложным, особенно когда глаза привыкли к полутьме.

Ледяной саркофаг постоянно несли двое, на поясах, продернутых сквозь ухваты по его сторонам, а когда дорога становилась более-менее ровной, тянули его по снегу, как санки. Мы часто менялись. Двое приглядывали за ледяным гробом, еще двое следили за дорогой впереди, двое прикрывали тыл с луками и арбалетами в руках.

Было это трудное путешествие, но я помнил, как прибыл в эту страну: связанный, приволоченный на аркане, среди рыдающих пленников, ведомый на смерть, словно ковца.

Теперь же в руке моей было странное оружие, похожее на уменьшенную аркбаллисту, о котором я знал, что оно стреляет метко и быстро, а посланная из него тяжелая стрела может пробить доспех всадника и смести его с седла за сто шагов. На спине я чувствовал тяжесть меча и уже не был ковцой. Я снова был Ночным Странником. Одним из них. Фьяларом Каменным Огнем. Мое новое имя.

Имя воина.

Мы должны были сойти на поляну у основания Прожорливой Горы, где под защитой деревьев остались стреноженные кони, а потом добраться до реки, где уже встать лагерь.

Сходя по склону, мы дважды передыхали, лежа в снегу вокруг саркофага и целясь во все стороны арбалетами и гнутыми корабельными луками Людей Огня. Когда мы шли дальше, то – бесшумно, незаметные в снегу. Кошмары Прожорливой Горы отдалялись с каждым шагом, и все сложнее было поверить в то, что мы видели собственными глазами.

Мы перешли частично схватившийся льдом ручей, а потом вошли в рошу.

Ульф во главе отряда остановился так внезапно, что я едва с ним не столкнулся. Увидел, как он показывает «остановиться и притаиться», а потому сразу присел, поднимая арбалет, однако я не видел ничего, кроме мерцающих сугробов, заснеженных веток и стволов. Все мы присели низко, беззвучно, исчезнув между сугробами, словно духи. Ульф плавным движением снял лук, привешенный в сагайдаке за его спиной, и наложил стрелу. А потом показал сперва

«клин, медленно вперед», а потом – «охранять раненого». «Клин» выглядел как «наконечник» в нашей армии. Раненого не было, но у нас была погруженная в сон онемения Деющая. Это означало, что Боярышник и Грюнальди, которые как раз несли саркофаг, должны остаться подле него, готовые к бою, остальные же направились треугольным построением за Ульфом.

Нитй'сефни встал с поднятым луком, целясь вперед, но не натягивая тетиву, – он лишь осторожно ступил вперед.

Спалле с луком шел рядом, а я и Скальник – в полутора шагах позади, целясь из арбалета. Таким-то образом мы вошли между заснеженными кустами и низкими деревцами. Я помнил, как держать арбалет у плеча и что я постоянно должен целиться туда, куда смотрю, а разворачиваться всем телом, с оружием, словно вросшим в плечо, а еще о том, что нельзя держать пальцы на спусковой скобе, пока не собираюсь стрелять – но я все еще не видел ни одной цели.

В десятке шагов дальше я наконец увидел среди деревьев проблеск пламени, а потом и наших коней, окруженных воинами с факелами.

Ульф придержал стрелу, поднял ладонь и показал «развернуть фланги», а потом: «ждать приказ атаки». В этой ситуации мы должны разойтись по сторонам от него и притаиться вокруг поляны. Потому мы пробирались между засыпанными снегом ветвями, держась в тени и избегая света факелов.

Я провалился в снег и вполз под хвойные лапы по-над самой землей.

Хотя воины у наших коней превышали нас числом, я чувствовал удовлетворение оттого, что они оказались высокомерными глупцами, ненамного ловчее, чем домашние Сверкающей Росой. В этой стране чем сильнее были люди, тем чаще гордыня возобладала у них над рассудком. Они стояли на пустой поляне, окруженные лесом и ночью, с четырьмя пылающими факелами, и я держал под прицелом каждого из этих мужей, видел отсветы пламени на их шлемах и нагрудниках, они же не видели ничего, кроме освещенного круга снега в огнях своих факелов.

Я выбрал рослого мужа в шлеме, что заслонял лицо по самый рот, и прицелился ему в пах, где пластинчатая броня заканчивалась кольчужной сеткой. Он стоял почти в центре, потому был моим. Я знал, что стрела арбалета Скальника указывает сейчас на того, который был самым крайним.

Я следил за воином прищурившись, помня, что не следует смотреть прямо на пламя, и ждал.

Услышал рычание и повизгивание обеспокоенных коней и тихий хруст снега.

– И что вы хотите от моих коней? – услышал я голос Ульфа, который появился вдруг в кругу, освещенном факелами. Он спрятал лук и стоял совершенно спокойно, с мечом, укрытым за рукой. – Может, мне чем-то помочь? – добавил ровным голосом Ночной Странник.

Те даже присели от удивления, некоторые до половины вынули мечи из ножен, но на Ульфа не бросились – видимо, они не утратили остатков разума. Я же медленно поднял палец и передвинул запор спуска и вращающийся медный валок, который держал сплетенную из волоса и проволоки толстую тетиву. А потом так же медленно втянул воздух носом, не спуская глаз с той точки, куда указывала моя стрела.

– Мы полагали, что ты ушел за Каменные Клыки, а это значит, что твои кони погибнут тут от холода и голода. Мы долго их искали, – отозвался муж в глубоком шлеме с наносником, похожим на клюв ворона.

– Обычно я оставляю конвойного, – ответил Ульф все еще спокойным тоном, словно разговаривая с соседом, встреченным на охоте. – Интересно, какой была бы его судьба?

– Где твои люди?

– Вокруг нас, – ответил Нитй'сефни. – Среди сугробов и за деревьями. Смотрят на вас и поигрывают тетивами. Мы не знали, кто вы и каковы ваши намерения.

– Вы вошли за Каменные Клыки?

– Сделали то, что собирались. А кони нам нужны, чтобы покинуть ваши земли и больше вам не надоедать.

– Вы видели Шепчущих-к-Тени?

– Мы пошли убить туда Змеев, именно это мы и сделали.

– Если вы живы, то можете провести ночь в нашем городке.

– Значит ли это, что вы, Люди Вороны, предоставляете нам гостеприимство и мир? Поручишься словом вашего стирсмана? Я не вижу его здесь.

– У Кунгсбьярна Плачущего Льдом есть более важные дела, чем торчать в ночи с чужими конями. Однако он ценит людей мужественных и имеющих что сказать, а ночи нынче морозны и длинны. Мы даем вам приют. Сядьте при нашем огне и за нашим столом. Стирсман – тоже человек достойный. Ты ведь не желаешь, странник, презреть его дом? Гляди, я желаю разделить с тобой глоток морского меда.

Мужчина поднял меховой бурдюк, заткнутый пробкой.

Ульф упорно и молча смотрел на него, прямо в глаза, пока тот не кивнул, а его люди не спрятали мечи в ножны. Нитй'сефни повернул свой так, чтобы клинок блеснул в свете лун – и тоже спрятал.

– Мы принимаем ваше гостеприимство, – сказал он. Потом взял бурдюк, напился, сунул пальцы в рот и свистнул.

Сигнал звучал: «Ко мне! чисто!» Не просто «ко мне!» означало, что готовится драка; «ко мне, на помощь!» означало, что дела совсем плохи.

Я встал из сугроба и потихоньку двинулся вперед с чуть опущенным арбалетом, видя, как из кустов выходят и остальные, как и я, облаченные в белое и черное, с полосами белого меха, и кольчуги, закрывающими лицо до самых глаз.

Последними появились Боярышник и Грюнальди, таща по снегу ледяной саркофаг. Мы сошлись со всех сторон прямо к нашим лошадям, не обращая внимания на стоящих между нами воинов.

Я высмотрел свободного скакуна, и только когда подошел к нему, поднял пружинистый предохранитель, что удерживал стрелу в ложе, снял ее и освободил тетиву.

Мы ехали довольно отвесным горным путем сквозь заснеженный лес, вдоль ручья, который мы прошли днем, а потом снова вверх.

Усадьба того, кого звали Плачущим Льдом, стояла над обрывом, на вершине скалы, торчащей среди леса, словно одинокий зуб в челюсти старика. Была она окружена чащей. Дальше вставали еще скалы, острые и поблескивающие, как битое стекло. Сама усадьба напоминала двор Сверкающей Росой, где я жил как невольник, только эта была выше и тут было больше построек из тесаного камня. Было тут и две башни под остроконечными шлемами, что выделялись на ночном небе, и еще – частокол, торчащий высоко из каменного вала. По сторонам от ворот в двух железных мисках, висящих на цепях, пылал огонь. Вокруг вершин обеих башен витали десятки горных воронов, наполняя воздух карканьем.

Муж, который ехал впереди, вынул оправленный в серебро рог и подул в него, а в ответ раздался столь же хмурый рев из-за частокола над воротами – словно два старых орнипанта перекрикивались в тумане.

Когда мы подъехали ближе, я видел, что Ульф осматривается, прикидывая высоту частокола, зыркает в сторону обрывов и внимательно глядит на надвратную башню, через которую нас впустили внутрь.

В саму усадьбу вела узкая дорога вдоль стены, с другой стороны от тропинки был отвесный склон. Дорога сворачивала у самой пропасти, только там и позволяя встать перед воротами. Перед ними не было рва, но непросто было представить, чтобы кто-то сумел приволочь сюда осадные машины или хотя бы таран. К воротам подходили, петляя между скальными выступами, без возможности встать строем, а перед самым входом, вдоль главного вала, тяну-

лась щель. Был тут и подъемный мост на цепи, и ворота, сколоченные из толстенных балок и окованные железом, – вели они к каменной надвратной башне. Коней мы вводили внутрь коридором с каменными стенами, освещенным несколькими факелами, и в стенах я заметил узкие отверстия бойниц. Какие-то отверстия виднелись и в потолке, а по другую сторону была решетка из бревен, понизу окованная железом.

Это поселение более прочих из видимых мною здесь походило на крепость, если не считать Ледяного Сада. Форт наверняка показался бы уютным тому, кто сидел внутри и знал, что эти укрепления защищают от незваных гостей, но я входил внутрь и думал, что это довольно негостеприимное место. Я полагал, что выйти отсюда может оказаться столь же сложно, как и пробиться внутрь, и это нравилось мне меньше всего.

Потом мы ждали на первом подворье за воротами, стоя под карканьем воронов, что металось в ночном небе.

В стране, называемой Побережьем Парусов, это вовсе не проявление высокомерия. Большая часть поселений находится в отдалении от других, и потому внезапный гость обычно останавливается на безопасном расстоянии и ждет, пока его не пригласят внутрь. Если никто не выйдет спросить, чего он желает, и не пригласит за стены, гость проводит ночь там, где стоит, и уходит прочь – обычно в этом месте стоит шалаш или деревянный сарайчик, оберегающий от дождя и ветра, там есть место для костра и сухие дрова. Нас впустили за стены, но мы все еще были неожиданными гостями, и хозяевам следовало подумать, как с нами поступать. Это страна, где у людей нет иного закона, чем меч на боку, и они охотно им пользуются, а потому здесь есть немало такого вот рода обычаев, и это считается своеобразной вежливостью. Тот же, кто, по их мнению, ведет себя невежливо, живет обычно недолго.

– Наверняка захотят нас разоружить, – сказал Ульф, пока мы ждали, держа лошадей. – Отдаем мечи, щиты, у кого есть, луки и арбалеты, но ножи и укрытое оружие остается при нас.

– Согласно обычаю, оружие идет в кладовую подле конюшни, где запрут наших коней, а мы имеем право проверить, надлежащим ли образом за ними присмотрели, и увидеть, где именно находится та конюшня, – сказал Грюнальди. – Вот только не знаю, как оно будет здесь, поскольку эти Вороны живут слишком близко к границе Пустошей Тревоги и они не менее дики, чем Люди Медведи.

– Следовало поубивать тех и уехать, – сказал Скальник. – Мы должны возвращаться на корабль, причем быстро. Плохо сидеть так долго вне Сада. Мы должны вывезти отсюда Деюшую. Что будет, когда она начнет просыпаться?

– Они отдали коней по доброй воле, – сказал на это Ульф. – И я знаю, что нам еще придется появиться в этих местах, а потому не хочу, чтобы нас преследовали, поскольку это слишком затруднит дело. Что же до Деюшей, то вода онемения действует на нее, и она наверняка не проснется сейчас. Завтра получит новую порцию разведенного эликсира, а значит, будет спать до самого Сада. Это делает сам саркофаг. Так уж он изготовлен. И пока она внутри, ничего не случится. К тому же мы все измучены, и ночь под крышей будет только к лучшему. Нынче морозит. Мне и самому не слишком по нраву весь этот пир, но выхода нет. Держимся вместе, никуда не ходим поодиночке, даже в туалет, не рассказывайте ничего о том, что мы видели. При необходимости сказки стану рассказывать я. И осторожней с пивом. Пусть никому не придет в голову ужраться вусмерть или принимать участие в пьяных состязаниях. Не дайте себя спровоцировать, пейте осторожно и смотрите в оба. Мы должны выжить, а утром исчезнуть, прежде чем они похмелятся, и все. Саркофаг забираем с собой, не спускать с него глаз. Заверните его в попону, чтобы не бросался в глаза.

– Я слово даю, что мне уже приходилось раз-другой бывать в гостях, потому нет необходимости меня поучать, – заметил Грюнальди.

– Мне тоже приходилось, – сказал Нити'сефни. – И всякий раз я находил приключения на свою задницу.

Потом к нам на площадь вышло несколько мужей, достойно – как для этих земель – одетых, в плащах из ярмакандской материи, подбитых тонким мехом, и были на них еще вышитые одежды и пояса, украшенные серебром.

– Надо бы спросить, нет ли тут родственников Варфнира, – пробормотал Спалле.

Нас попросили, чтобы мы отдали мечи, а потом несколько парней отвели скакунов, а еще один унес наши мечи, завернутые в плащ, держа их перед собой, словно охапку поленьев. Грюнальди направился за ними, и никто не стал возражать.

Потом нас провели между домами и сквозь еще одни ворота на другую площадь, к старому дому на высоком каменном фундаменте, выстроенному из почерневших бревен, а столпы и стропила там были украшены резными вбронами.

В большом зале в очаге гудел огонь, а сам очаг окружали кованые решетки. Вокруг стояли длинные столы. Дым выходил в треугольные дымники, вырезанные в крыше по обе стороны здания, а на стенах висели меха, раскрашенные щиты и оружие, добытое в дальних странах.

Когда мы туда вошли, в мисках и на столах, лежали главным образом только обгрызенные кости, куски квашеных овощей и крошки хлеба, а сидящие за столами интересовались лишь кувшинами с пивом. Некоторые лежали на брошенной на каменный пол соломе, завернувшись в меха, содранные с окованных сундуков, что стояли под стенами.

Когда мы проходили, некоторые посматривали на саркофаг, обернутый попонами и увитый веревками, который мы тащили за собой, но не могли понять, что оно такое, кроме того, что большое, словно половина лодки, и округлое.

Провели нас к не слишком большому резному столу перед очагом, где сидел муж со старательно завитыми волосами, сплетенными надо лбом в узкие косички, прихваченные серебряным обручем; он вертел в пальцах серебряный кубок, выглядящий как изделие ювелиров из Нагдиллии или Алькумара.

Сидел он в одиночестве, а неподалеку, на покрытом шкурами помосте, присели две женщины, постарше и очень молодая, что держала на коленях инструмент, похожий на синтар. Она касалась струн пальцами в железных наперстках, играя бесконечную печальную мелодию.

– Приветствую тебя, Кунгсбьярн, стирсман Воронов, – сказал Ульф. – Мы возвращаемся домой и покидаем твою землю. Не хотели надоедать тебе, но муж, который пришел позаботиться о наших лошадях, сказал, что твое желание – чтобы мы сели у твоего очага. И вот мы пришли.

– Приветствую, Ночной Странник, стирсман Мореходов. Вижу, что вернулось вас больше, чем вышло. Если это правда, что вы вошли за Каменные Клыки и вернулись, то хочу знать, как вы это совершили. Теперь же присядьте к моему огню и подкрепитесь. Еда моя скромна, но зима длится уже долго, а припасы начинают уменьшаться.

Мы сели по обе стороны стола, а когда я почувствовал тепло очага, то ощутил и насколько страшно я устал. Был я также голоден, но на это нашелся ответ, поскольку вскоре на стол поставили серебряные подносы с печеным мясом, обложенным вареными яйцами и репношкой, полоски солений, кувшины горячего мясного отвара и пива и корзину с хлебом.

Тогда я уже привык к тяжелой пище людей Севера, и даже к их пиву, хотя оно-то часто вызывало у меня вздутие, а то и понос. Но в тот день я слишком часто глядел во тьму, и теперь, когда оказалось, что я все еще жив, я почувствовал, что съел бы что угодно, лишь бы оно не стало убегать из моей тарелки, пусть бы и дохлого бактриана.

Товарищи мои тоже не имели ничего против мяса и хлеба и, хотя вели себя несколько сдержанно, подрумяненную тушу горного козла быстро разъяли на куски, и на подносе осталось лишь немного костей.

Кунгсбьярн Плачущий Льдом сидел за своим концом стола на странном стуле из дерева и путаницы оленьих рогов, со спинкой, увенчанной фигурой ворона, и хмуρο поглядывал на нас, общипывая небольшой кусок мяса, что держал в трех пальцах.

Задумчиво крутил кубок, в который ему доливали вина из узкого кувшина, и терпеливо ждал, пока мы не набьем брюха. Девушка, сидевшая на помосте, принялась играть чуть живее, вторая же запела, но Кунгсбьярн нетерпеливо махнул рукой – и пение смолкло. Осталась только музыка.

Мы обгрызали кости, рвали куски хлеба, запивали пивом. Это длилось какое-то время. Я пытался вспомнить, когда я в последний раз ел нормальную пищу, и решил, что это была миска супа еще на реке, когда мы готовили сани к походу. Некоторые из нас тогда были еще живы, некоторые – здоровы, как та черноволосая девушка, стройная, как лань, та, которая нынче лежит в горячке среди окровавленных тряпок и с порубленными ребрами где-то на ледяном корабле – или же только едет к нему на санях.

Она была красивой на свой дикий, северный лад, и, похоже, между ней и Ульфом что-то было. Я чувствовал, что когда Нити́сефни замолкает и смотрит в пространство, закусывая губу, он все время думает о ней. Непросто будет ему взойти на корабль и спросить, жива ли она.

Сперва мы ели поспешно, потом все медленнее, пока наконец не пришло время, когда один за другим мы начали откладывать обгрызенные кости и вытирать губы кусочками хлеба, а пальцы – о полы кафтанов. Принесли нам еще пива.

Я уже видывал немало пиров на Побережье Парусов, но этот был иным. Должен был царить здесь шум, тем временем говорили тут вполголоса, никто не пел, никто не рычал и не рассказывал непристойных историй. Никто не танцевал и не развлекался никакими играми, которые тут обычно любили. Они не боролись, не перетягивали друг друга за сплетенные руки над лежащим на земле копьём – только сидели и переглядывались. Ощущалось нечто странное, мне казалось, что в этом зале царит страх.

– Хочу теперь услышать, как оно за Каменными Клыками, – сказал Кунгсбьярн, глядя на Ульфу, который старательно вытирал пальцы кусочком хлеба. – То и дело среди нас рождается стирсман, желающий навести порядок с Шепчущими-к-Тени и их проклятой долиной. Так случилось и во времена моего отца. Мужья отправились за перевал – и ни один не вернулся. Я тогда был ребенком, но хорошо все помню, а оттого не желаю быть следующим, кто убьет лучших из клана и сам ляжет костями под Прожорливой Горой. Тогда выжило немного мужей, и к нам пришли трудные годы. Я хорошо это помню.

– Шепчущие-к-Тени сами не берут оружия в руки, – осторожно произнес Ульф, наливая себе пива. – И их невозможно победить железом. У них на службе – призраки урочища. Те, кто туда входит без позволения Шепчущих, встречаются с тенями, что плачут в тумане. Человек теряет дорогу и блуждает меж скал, слыша в голове вздохи теней. Через какое-то время начинает видеть образы. Это как сон наяву. Каждый видит то, чего более всего боится, и то, что приносит ему печаль. Встречает своих любимых, а те оборачиваются против него. Встречает друзей – и оказывается ими предан. Смотрит на смерть своих детей и на поражение своего клана. Видит, как тонут его ладьи и горит дом. Длится это, пока вошедшие не погружаются в безумие, не убивают друг друга и не бросаются в пропасть. Потому-то с Прожорливой Горы никто и не возвращается.

– Однако вы вернулись, – сказал Плачущий Льдом. – Привели этого юношу, что нынче сидит между вами, и принесли то, что завернуто в попоны. Что же вы сделали, что видения тени не ввели вас в безумие?

– Шепчущие-к-Тени – Деющие, и только силу Деющих можно им противопоставить. Я воин, но иной раз могу использовать силу урочища, – неторопливо начал Ночной Странник, а потом рассказал.

Рассказал сказку.

Обычно сказкой он, как и мой проводник и сторонник Брус, называл умелую ложь. Своего рода завесу из слов, за которой может укрыться тот, кто сражается в одиночестве, один против многих, окруженный врагами. Здешние в таком были не слишком-то умелы. Это про-

стые люди, которые предпочитают сражаться лицом к лицу и ничего не скрывают. Обычно они знают уловки, у них даже есть рассказы об одном из своих нападках, который странствует как человеческое существо по земле, охотно пользуется переодеванием и притворяется разными людьми, но в повседневности монета, скрытая между пальцами, притворство мертвым, укрытие за стволом дерева или подъем паруса со знаком другого рода – это для них уже серьезная интрига и доказательство немалой ловкости.

Они также знают искусство рассказывать сложные истории так, чтобы слушающие верили, что это случилось на самом деле, и они часто приукрашают, развлекая других рассказами о своих приключениях.

Однако то, что рассказал Ульф, содержало в себе все необходимое для хорошей сказки шпиона. Было там как раз столько правды, чтобы рассказ звучал правдоподобно, и столько вымысла, чтобы слушающий не узнал слишком многого. Я не знал, что случилось под Прожорливой Горой, но был уверен, что Ульф не умеет метать молнии, способные разгонять ройко, как ветер разгоняет дым, и я впервые слышал, чтобы он имел морской камень с отверстием посередине, такой, который, если смотреть сквозь него, позволяет видеть и слышать правду, прикрытую любым колдовством и заслоненную любой иллюзией Деющего. Камень, который позволил Ульфу разогнать тени, рассыпался в прах – вместе с ним ушло и умение метать молнии.

Сперва я даже надеялся что-то узнать из этого рассказа, но достаточно было посмотреть на Грюнальди, который глядел с невинным лицом на притолоку, задумчиво прихватив нижнюю губу.

Я надеялся, что сказки Ночного Странника хватят, чтобы успокоить интерес нашего хозяина. Люди с Побережья и правда часто странствуют морем, но смотрят на все по-своему и независимо от того, насколько далеко забираются, все равно остаются темными и наивными. Особенно те, кто живет неподалеку от урочища – эти могут поверить во все, стоит только рот открыть. С другой стороны, я сам видел уже такое, во что не поверил бы, расскажи мне об этом кто другой.

– Сказать честно, – отозвался Кунгсбьярн, – с того времени, как началась эта война богов, в мире случаются странные вещи. Мы уже повидали всякое как на море, так и на земле, и нынче непонятно, что лишь кажется простому человеку, а что случается на самом деле. Но есть и вещи, менее достойные веры. К таким относится история о том, что у тебя украли Змеи и что ты, собственно, вернул. Ты сказал мне, что это ящик с твоей мертвой родственницей. Вот только мне, Ульф, проще поверить, что ты смотрел сквозь камень или что метал рукой молнии, чего ты уже якобы не умеешь, чем в то, что кто-то украл у вас покойника. Потому я думаю, что чем бы оно ни было, то, что лежит под лавкой, имеет оно общее с песнями богов и служит для того, чтобы безопасно пройти сквозь урочище, такое, как то, что под Прожорливой Горой. Полагаю также, что это не Змеи украли его у тебя, а ты – у Змеев. Хорошо, что ты поубивал их, и хорошо, что вернул своего человека. Но эта вещь – добыча, полученная на моей земле, и принадлежит она мне. А ты, как человек бывалый, знаешь, что хозяину надлежит отплатить за гостеприимство. Тебе эта вещь уже не нужна, а я хочу ее как подарок для себя.

Я осторожно осмотрелся по залу и увидел, что кроме тех дверей, через которые мы вошли, есть еще четыре входа, по одному в каждой стене. Начал я также раздумывать, удастся ли снять оружие, висящее на стенах. Остальные Ночные Странники тоже уселись как-то по-другому, расслабляя руки, ставя ноги так, чтобы суметь молниеносно встать, и внимательно притом присматривались к тяжелым предметам, до которых можно дотянуться. Грюнальди откинул голову назад и шевельнул ей так, что аж щелкнуло в шее, а Спалле сплел пальцы до треска суставов.

– Кунгсбьярн, – ответил Ульф. – Ты человек бывалый и мудрый. Ты наверняка помнишь, что обещал нам через своего человека мир. Не верю, что ты хочешь вызвать отвращение и гнев

Хинда, подняв руку на гостя на твоём пороге. Подарок тебе надлежит, и я охотно отдам тебе меч или золото, но останки моей тетушки принадлежат мне, и так оно и останется, несмотря на то, что ты там себе думаешь. Не верю также, что ты хотел бы отобрать это у меня силой. Помни, мы как раз вернулись из-за Каменных Клыков, а тела тех, кто кое-что у нас отобрал, лежат там в снегу.

Кунгсбьярн откинулся на спинку своего стула и положил руки на подлокотники, увенчанные головами воронов.

– Согласно обычаю, – сказал он, – если ты обладаешь ценной вещью, полученной на моей земле, а я ее хочу, то ты должен сражаться за эту вещь, чтобы оставить ее себе.

Ночной Странник прикрыл веки и выдохнул через нос.

– Я должен с тобой биться? – спросил Ульф терпеливо.

– Я – стирсман в своем граде, я сижу на вороновом троне, и меня окружают сильнейшие из рода. Ты же в этот миг – лишь странник в пути, и все богатство твое – у тебя на хребте, а потому мы вовсе не ровня, ты и я. Кое-кто будет сражаться за меня, а ты можешь попросить о том же любого из своих людей, если захочешь.

Мы взглянули на Ульфу, но тот лишь отмахнулся.

– Я сам решу это дело. С кем я должен биться, Кунгсбьярн?

– Сейчас сам все увидишь. Биться вы станете на дворе, причем безо всякого оружия и без брони. Это не бой на жизнь и смерть, но, если случится и так, что кто-то из вас погибнет, вы должны принять, что ваши родные и близкие не станут искать мести. Если вы оба окажетесь на земле, то пусть тот, кто не сможет больше сражаться, крикнет: «Довольно!» – или ударит в землю ладонью, если не сумеет ничего сказать. Бой проигрывает тот, кто уступит или падет без сознания на землю. Если это будешь ты – отдашь мне эту вещь. Если же проиграет твой противник – сохранишь ее. Так я сказал, и никто не может заявить, что не знает правил.

– Ладно, согласен, – заявил Ульф раздраженно. – Пойдем на двор и решим дело, пока не приморозило еще сильнее.

Мы пошли наружу и пристроились, где могли, заняв ступени и галереи, чтобы наблюдать за боем. Было там светло от огней, горящих в кованых железных корзинах, расставленных вокруг вымощенного камнем подворья, выметенного до голых камней.

– Мне это не нравится, – сказал Грюнальди. – Этот Кунгсбьярн что-то крутит. Понятия не имею, что именно, но не удивлюсь, если тебе придется сражаться без доспеха с нифлингом или медведем.

– А я помню, как Ульф поучал нас, чтобы не давали втягивать себя в авантюры, – заметил Спалле.

– Не я выдумал эту ерунду, – заметил Ульф. – И мне оно не нравится настолько же, как и вам, вот только выбора у меня нет. Важнее всего, чтобы Деющая попала в Сад. Может случиться так, что я погибну или что меня свалят. Берите тогда саркофаг и пробивайтесь наружу.

– Легче сказать, чем сделать, – фыркнул Грюнальди. – Может, сделаем иначе: я потеряю сознание, а ты пробивайся в толпе с саркофагом к воротам.

– Кто бы там ни пришел, Ульф, лучше его победи, а не то все, что мы пережили, будет зря, – сказал мрачно Вьюн. – Мы не сумеем отсюда вырваться. Самое большее – погибнем, сражаясь.

– Из этого толк будет небольшой, – заметил я. – Кажется, придется тебе побеждать любой ценой. У тебя же найдутся твои таинственные способности?

– Я тебя услышал, – сказал Нитй’сефни мрачно, снимая куртку и кольчугу. – Сделаю, что смогу, но я совсем не совершенен. Любой может получить в морду, и лучше бы, чтобы это случилось не сегодня.

Он вышел на подворье и встал, ожидая.

– Может, уже начнем? – предложил. – Холодает.

Какой-то человек, укутанный в подбитый мехом плащ, вышел на площадь, но был это не противник Ульфа.

– Будет бой! – крикнул он громким, охрипшим голосом. – По приказу стирсмана сей странник померяется силами с тем, кого вы уже несколько раз видели на этом дворе и который никогда не бывал побежден. Ставка – добыча, которую странник захватил в наших землях и которую он держит вон там, под полотном. На стороне же Дома Воронов встанет другой пришелец издалека, которому предоставили мы кров.

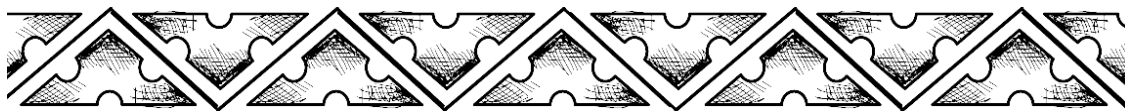
Сбоку от площадки отворились двери, выпуская изнутри яркий свет, в котором появилась фигура огромного стройного мужа на голову выше остальных.

– Смотрите! Идет Танцор Кулака!

В сиянии появился Н'Деде.

Танцор Кулака – Клангадонсар. Кебириец. Н'Деде Алигенде. Мой человек. Все еще в неволе, сражающийся для Кунгсбьярна Плачущего Льдом.

Против нас.

Глава 3

Гостеприимство Воронового Дома

*Мудрым слывет,
кто расспросит других
и расскажет разумно;
скрыть не умеют
люди в беседах,
что с ними случилось
(...)*

*Муж не должен
хотя бы на миг
отходить от оружия;
ибо как знать,
когда на пути
копье пригодится.*

Hávamál – Речи Высокого

Мужик дьявольски высок, как для здешних. Роста в нем больше двух метров, что значит, он почти на голову выше меня, но это не проблема. У него длинное, продолговатое лицо, медного оттенка кожа и опасное, гипнотизирующее выражение желтых, тигриных глаз. Странно правильные черты, как у эфиопской иконы, плавные, пружинистые движения. Им нельзя пренебрегать.

Я радуюсь, что это не прирученный йети, не какой-нибудь четырехрукий мутант или что-то вроде этого, но чувствую, что будет непросто. Чувак движется как танцор, длинное тело нисколько ему не мешает. Напирать вперед или попробовать айкидо? Эскрима или же крав-мага?

Он выходит, сплетает на груди руки и смотрит на меня равнодушным тигриным взглядом, а из ворот за ним выходит еще какой-то мужик с барабанчиками в руках и струнным инструментом, что выглядит немного как рондо с длинным грифом. Что, готовится танцевальный поединок? Если так – мне конец.

Я распрямляю плечи, разминаю минутку запястья, почти делаю поперечный шпагат, чтобы растянуть сухожилия, но все скорее для разогрева. Морозный воздух подобен ножу. Кровь у меня еще тепла, но долго оно не затянется. Надеюсь, что при его строении он начнет мерзнуть раньше. Может, затягивать, пока он не упадет от гипотермии?

Я активирую Цифраль, хотя и без особой надежды. Всякие там магические фейерверки не заменят гипердреналин и синаптического ускорения, которое он несет. Вся эта инсталляция должна где-то во мне остаться, вот только она не отвечает. С другой стороны, мой имплант стал голой феечкой с крылышками, а значит, гипернейротрансмиттеры, синоптическая бионачинка и весь каскад сложных биохимических реакций, которые превращали меня в боевую машину, тоже могут превратиться в запах жасмина и голос флейты на рассвете.

Она появляется, когда музыканты за спиной великана уже расселись со своими барабанчиками и принялись отбивать навязчивый ритм, который слегка похож на музыку дервишей с дополнительной линией тамтамов. Мелькнула на краю поля зрения обеспокоенной и напуганной мордашкой, и только я ее и видел.

* * *

Высокий кебириец сбросил с плеч плащ, открыв нагую грудь, исчерченную шрамами, и вышел на середину двора, а потом встал, прикрывая глаза.

Филар, протиснувшись между тесно стоящими зрителями, схватил Вуко за локоть.

– Это мой человек! Один из тех, которых я ищу! Зовется Н’Деле Алигенде. Ты должен сказать ему, что я здесь и что приказываю ему проиграть этот бой.

– Сомневаюсь, что будет возможность с ним поболтать, – кисло заметил Вуко.

Стоящий посреди двора Н’Деле казался статуей из полированной меди, но он вдруг поприветствовал разведчика, касаясь ладонями лба и груди, на что Вуко ответил коротким поклоном. Кебириец поднял ладони, хлопая в ритме барабана, а потом принялся притопывать и переставлять ноги.

– Мне что, делать так же? – проворчал Драккайнен и стал в стойку.

Н’Деле монотонно, словно мячик, подскакивал – все выше, но не нападал и не делал ничего более, зато начал петь.

– Все страннее и страннее, – заявил Драккайнен. – Может, и мне начать подпрыгивать, а то как-то холодает.

Противник же его совершенно неожиданно упал в сторону, уперся ладонью в брусчатку двора и выстрелил двойным пинком ног. Вуко заблокировал один, что мог бы оторвать ему голову, а другой принял в бок под плечом, чуть сократив дистанцию, и отлетел, как тряпичная кукла. Амортизировал падение переворотом, встал, кривясь от боли, и поднял кулаки, понимая, что ребра уцелели. Противник прыгал вокруг него, взлетая на добрые полтора метра и бормоча свою странную песенку.

– Типа капоэйра, – проворчал Вуко. – *Dobro-doszli*. Такого мы не отработывали.

Н’Деле подпрыгнул выше и сделал пируэт, что Драккайнен посчитал вступлением к двойному обратному удару, отразил его, а потом рванулся вперед, напирая на противника. За полсекунды заблокировал три коротких удара: запястьем, локтем и кулаком, но раз получил в скулу – так, что потемнело в глазах.

– Мужик, – проговорил. – Со мной здесь... – и свалился на камень, подрубленный низким хитрым пинком. Молниеносно перевернулся, избегая удара сверху, что пришили бы его к камню, словно бабочку, и встал подскоком.

Не договорился так, подумал. Может, мужик не научился языку Побережья? Его работа не слишком-то способствует языковым успехам. Но и сам Вуко не чувствовал способности заговорить по-кебирийски.

Отклонился, избегая очередного пинка, и перепрыгнул над второй ногой, которая должна была подрубить его с другой стороны.

– С моя Филар, сын Копейщика! – заорал по-амитрайски с ужасным акцентом. – Ты – Н’Деле Алигенде! Он твоя тохимон! Стоять там в толпа! Говорить: ты проиграть, важно!

Снова отклонился и почувствовал только дуновение от чего-то вроде *ура микадзуки гери*, что едва не сорвал кожу с его лица.

– Мы должны забирать нашу вещь! – добавил Вуко, почти сам себя не понимая. Заметил, что Н’Деле на миг сменил выражение лица. Трудно понять, была ли гримаса, которая по его лицу промелькнула, признаком понимания или чем-то другим.

– Я не могу проиграть, человек, – ответил тихо кебириец на языке Побережья и двинулся мягким шагом, обходя Драккайнена по дуге. – Этот пес, Плачущий Льдом, убьет тогда моего друга, которого держит в подвале. Не могу этого сделать. Прости.

Подскочил к Вуко в странной присогнутой позе, прыгнул вверх и вдруг врезал коленом в висок. Драккайнен заблокировал пинок скрещенными ладонями, но все равно полетел на камни под хоровые овации Людей Воронов.

– Я должен подумать, – сказал Вуко кебирийцу, пытаясь попасть основанием ладони в челюсть. Тот заблокировал удар и схватил Драккайнена за запястье, а потому тот ответил рычагом, нырнул ему под руку и бросил огромного Н’Деле на подворье. Удалось только частично, поскольку кебириец сделал в воздухе сальто и приземлился на ноги, что казалось совершенно невозможным. С некоторым раздражением Вуко пнул противника в солнечное сплетение – на миг удалось посадить его на землю. Н’Деле отскочил, словно мячик, подлетел в воздух и снова встал на ноги.

А через миг его нога выстрелила, словно таран. Вуко сумел ее заблокировать и воткнул отчаянный боковой пинок *йоко гери кеаге* в пах кебирийца. Грязный и неожиданный прием, который, однако, дал ему короткую передышку, к тому же оказалось, что пинок в пах гуманоидного существа соответствующего пола является константой в космическом масштабе. Попытался пнуть кебирийца в склоненное лицо, но тот сумел уклониться, пусть и несколько неуверенно.

Драккайнен решился ввести Н’Деле в партер, чего не любил, поскольку был в этом не слишком силен – к тому же противник казался куда ловчее и конечности его были длиннее. Но это был единственный шанс поговорить. Он столкнулся с кебирийцем, сумел заблокировать короткий убийственный удар внешней стороной запястья и попытался провести бросок через бедро, но Н’Деле в ответ сменил позицию, ноги их спутались, и они оба упали на ледяной, твердый булыжник. Их руки сплелись, словно змеи, пытаясь найти доступ к шее противника или возможность для рычага, наконец Драккайнен сумел перекатиться вбок и через миг оказался сверху. Н’Деле сражался грубо, но, в определенном смысле, спортивно. Обучение разведчика предполагало главным образом перегрызание артерий, втыкание пальцев в глаза и трахею, расплющивание яиц и всякие подобные фокусы, которых он использовать не мог. Его дрессировали на борьбу за жизнь, а не для поединков.

– Кинь меня на моих людей, Н’Деле, – выдохнул Вуко. – Я должен сказать им, какова ситуация. А потом проиграй, сыграй потерю сознания. Мы не позволим убить твоего человека. Отобьем его.

– Он в подвале, – ответил кебириец, пытаясь дотянуться ладонью к лицу Драккайнена. – Что сделаешь? Я не знаю, как туда попасть. Он закрыт. Под стражей.

– Значит, Кунгсбьярну придется кого-то туда послать. Мои люди справятся. Если его пленили, то он постоянно будет угрожать тебе, что его убьет. Это его единственный шанс. Ты получил приказ, солдат.

– *Мосу кандо*. Готовься, сейчас ты полетишь.

Давление на грудную клетку уменьшилось, Вуко воспользовался этим, подтянул ноги и отбросил Н’Деле, а потом встал и атаковал его, сокращая дистанцию. Кебириец перехватил его за плечо и бедро, потом закинул, как ягненка, себе на шею. Выпрямился и развернулся вокруг оси, разглядывая собравшуюся публику, что позволило Драккайнену осмотреть толпу и площадь с такой высоты, что он понял: только что совершил наибольшую в жизни ошибку.

«Прощайте, был рад вас повидать», – подумал он – и полетел прямо в толпу.

А потом застыл.

Еще в воздухе, что мягко, словно железная стена, поглотил его. Полузастывший холодец с запахом мороза, пота и крови. Вуко воткнулся в него и застыл, с раскинутыми руками, горизонтально, в идиотской, вывернутой позе.

Вокруг висели хлопья снега, во внезапной, полной тишине, упавшей, словно занавес. Внизу лежал вымощенный булыжниками двор, инкрустированный вытянутыми вверх руками: те напоминали ветки деревьев. И еще – головами с запрокинутыми лицами, с застыв-

шими испуганными гримасами: походило на коллекцию нарочито экспрессивных масок театра кабуки.

Он миг-другой таращился на них и понял, что свет, окрашивающий площадь, который раньше был дрожащим проблеском факелов и кованых корзин с углями, теперь стал застывшими огнями, неподвижными, словно куски ткани, и сдвинулся в сторону ультрафиолета; отблески огня сделались холодными и голубоватыми, похожими на горящий газ. За лицом разведчика тянулся хвост небольших капелек пота и пара.

– Может, хватит уже этого хвастовства самцов? – сказала Цифраль, появляясь своим раздражающе сказочным образом в сфере поблескивающих бриллиантов.

Он повернул голову и сердито глянул на нее.

– Давай без этих неофеминистских бредней, а не то, клянусь, найду где-нибудь магнитное поле, суну туда голову и сотру тебя. Что это такое? И где ты была? Я вызвал тебя еще перед боем.

– В твоей голове. Искала что-то, что может пригодиться. Соединила пару кабелей, и удалось проделать вот такое. Спускайся, хватит там висеть.

– Спускаться? – удивился он.

Шевельнул ногами, а потом сел в воздухе. Его развернуло, словно в невесомости. Он махнул руками так, чтобы ноги направились к земле, и легко приземлился на камни.

– Чудесно. И что теперь? Я должен отдохнуть и напиться чего-то, а потом вернуться? Я должен передать своим информацию, потому-то я и летел.

– Если свернешь шею, то немного им передашь. Кроме того, как ты хочешь с ними договариваться в такой-то толпе? Воспользуйся паузой. Иди и объясни им, чего хочешь. Когда вернешься, до них должно дойти – типа телепатический приказ в таблетке.

– Погоди-ка, ты остановила время? Это шутка?

– Вовсе нет, дурачок. Я ускорила твое субъективное время. Как во сне. Сделала из секунды примерно тридцать семь минут.

– Сколько продлится этот стоп-кадр? Может, я просто схожу и решу все сам?

– Не знаю точно. Пыли у меня немного. Но знаю: если затянется, то сожжет тебе лобную кору и эпифиз. Безопасно для тебя минуты три субъективного времени.

– Пыли же не было, – подозрительно заметил Драккайнен. – У тебя что, осталось в защечных мешках, *pitppi*?

– Нет. Осталось на одежде и руках, где ты размазал концентрат из флакона, но этого я не трогала. Всегда есть немного в крови и легких, а я вошла на субатомном уровне. Соединила несколько синапсов и сплела несколько аксонов. Как тогда, с тенями. Стоило немного, но оказалось выгодно. Для операций на биохимии мозга пыльца из системы кровообращения приспособлена как нельзя лучше, потому что под рукой.

– Извини. Мы ведь, кажется, уже говорили о том, чтобы не копать у меня в мозгу?

– Шестнадцать промилле твоей коры искусственно выращены, а я – операционная система всего этого. «Нишима Биотроникс», помнишь? Вперед, время заканчивается. Только говори медленно и отчетливо.

В месте, где он висел миг назад, воздух был загустевшим и напоминал желе сильнее, чем вокруг. Энергия, которую Вуко этому месту передал в момент броска, все еще там находилась. Физика была обманута на минутку, но ждала там, вместе со всеми законами Вселенной, готовая отправиться в дальнейший путь.

Он протиснулся сквозь воздух к своим, раздвигая телом висящие в воздухе снежные звездочки. Его люди стояли, словно экспрессионистские инсталляции, изображающие удивление, заботу и разочарование. Раскрытые рты, распахнутые глаза, руки, вскинутые в сторону подлетающего друга.

– Филар, – говорил он громко и отчетливо, и при этом как можно медленнее, прямо в их застывшие лица, – Грюнальди и Вьюн. Это я, Ульф Нитй’сефни, говорю к вам песней богов. Слушайте внимательно. Кунгсбьярн пригрозил, что прикажет убить друга Н’Деде, которого держат в подвале, если тот проиграет. Сейчас я с ним справлюсь, а вы должны освободить того человека. Тихо выйдите из толпы и высматривайте гонца. Идите за ним, нейтрализуйте стражу и освободите человека. Убивайте только при необходимости, но вы сами должны вернуться целыми. Если не будет другого выхода, что ж. Убейте, кого нужно. Спалле, Скальник и Боярышник. Теперь вы. Остаются тут. Сейчас я выиграю бой. Ждите и двигайтесь в сторону людей Кунгсбьярна. Когда я сделаю кое-что странное, а особенно когда крикну: «Сад!», разоружите ближайших и пробивайтесь ко мне. Вам нужно быть быстрыми, как ласки. Встаньте вокруг Н’Деде и меня полубриллиантом и охраняйте наши спины. Это говорю я, Нитй’сефни. Хубу-дубу.

Он вернулся на место, где левитировал минуту назад, в позицию выброшенного пинком кролика, и раскинул руки.

– Малышка, сумеешь повторить этот номер где-то через минуту? Хотя бы ненадолго?

– Нужно подготовиться. Попытаюсь. Но на более короткое время. Я и так жду эпических мигреней, тремора и потери сознания.

– Подзаведи меня чем-то на пару часов. Будем убежать. Я должен оставаться в сознании. Могу регенерировать только на драккаре.

– Ты себя прикончишь, Вуко...

– Такая работа, *pitppi*. Такая работа. Останови фильм, когда я скажу «стоп!». Мне нужно снова лечь на воздух?

– Не нужно. Попытаюсь. Теперь приготовься, я запускаю реальность. Будет больно.

Это было как удар в лицо.

Доской.

Как если бы кто-то вылил ему на голову ведро ледяного холода, боли, криков и вони. Скандирование Людей Воронов прошибало, словно ритмичные удары по затылку.

Воздух, распертый его телом, щелкнул со звуком раскрывающегося парашюта и свалил людей разведчика, но Драккайнен уже стоял на площадке, хотя миг назад летел к ним в неминуемо опасном падении.

Скандирование стихло.

Вуко хлопнул в ладони в остолбеневшей тишине и развел руки.

– Ап! Аррэтэ! Вуаля! Не пытайтесь повторить это в домашних условиях!

Н’Деде стоял, склонившись, в шаге, со все еще поднятыми руками и настолько же растерянный, как и остальные.

Вуко подскочил к своим, поднимающимся с земли, схватил одной рукой за куртку на груди Филара, другой – Грюнальди, повис на миг, как боксер, притянув их к себе.

– Поняли приказ?!

Оба трянули головами и моргнули, словно едва-едва пробудившись.

– Поняли... – пробормотал Филар.

– Что оно такое, «хубудубу»? – спросил Грюнальди.

– Неважно. За работу!

Отпустил их и, покачиваясь, вернулся на площадь. Музыканты снова подхватили ритм, а невыносимый кебириец снова принялся подпрыгивать и хлопать.

– Должно быть, любимый приемчик... – вздохнул Драккайнен и поднял руки. Уклонился от высокого пинка, перескочил пинок низкий, а потом вопросительно мотнул головой, одновременно раздумывая, сумеет ли гуманоид с другого конца галактики понять без слов только выражение лица. Когда Н’Деде легонько кивнул, пришел к выводу, что таки сумеет. Похоже, эволюционная конвергенция дотягивалась глубже, чем к азиатам или болгарам.

Он заблокировал высокий, акробатический пинок, развернувший его вокруг оси, после чего ответил лоу-киком в бедро и внезапно ударил Н'Деле правым хуком в основание челюсти. В этот удар он вложил всю свою усталость и фрустрацию.

Кебириец отскочил с сонным выражением удивления на лице, сделал несколько шажков, достойных лунатика, колени под ним вдруг подломились, и он свалился, словно башня. Выглядело все так естественно, что тяжело дышащий Вуко не сумел оценить, правда ли он оглушил противника, или же все было хорошо сыграно.

Воцарилось мрачное молчание, музыканты некоторое время продолжали играть, но все медленнее и неувереннее, пока не поклонились и не принялись отступать.

Драккайнен оперся ладонями в бедра и постоял так, ожидая, пока успокоится сердце и восстановится дыхание, настолько, чтобы он смог говорить.

Он поднял лицо и посмотрел на укутанного мехом Кунгсбьярна Плачущего Льдом, что замер на вороньем троне, вынесенном для него на подворье, с рогом у рта. Вождь лишь таращился остолбенело из-под нахмуренных бровей.

– Бой закончен, – заметил Драккайнен. – Моя вещь – моя, как ты и сказал.

– Бой закончен, – согласился Плачущий Льдом. – Теперь мне нужно решить это как стирсману. Что важнее: обычай гостеприимства по отношению к нескольким приبلудам, которых никто не станет искать, или выживание рода. Должен ли я отдать вещь, которая позволяет пройти сквозь урочище, и остаться безоружным?

Он замолчал. Драккайнен подошел к Н'Деле, похлопал его по лицу по другой щеке, чем та, которую он ударил, и протянул ему руку. Кебириец ухватил его за запястье и встал с земли. Трое людей разведчика исчезли в толпе – он видел, как они пробираются под галереями, прежде чем нырнуть в тень, еще трое начали протискиваться между зрителями в его сторону.

– Берем Кунгсбьярна, – пробормотал Вуко, все еще сжимая ладонь кебирийца. – Сейчас я буду около него. Когда это увидишь, давай ко мне, мои люди прикроют нам спину.

Развернулся к Плачущему Льдом, трогая языком припухшую щеку изнутри, и снова согнулся, упираясь ладонями в бедра.

– Закон важен, – продолжал Кунгсбьярн. – Без закона мы были бы как животные, а весь мир охватила бы вечная война всех со всеми. Но клан – нечто большее, чем несколько человек и их малые права. А наш клан ведет войну.

– Ах ты ж, сука, каналья, *pasi kurče*, – прокомментировал Драккайнен. – Цифраль, время «стоп».

И ничего не случилось.

Один ужасный миг Плачущий Льдом удивленно смотрел на Вуко, а потом лицо его стянуло гневом; он открыл рот, словно собираясь выкрикнуть приказ – и так и застыл. Вместе со звуком, танцующими снежинками и остальной толпой.

Неподвижно замер весь мир, залитый посиневшим светом, а потом снова сдвинулся.

И снова остановился.

– Ну-ну, – предупредительно произнес Вуко. – Давай осторожно.

Между ним и валяжно развалившимся на своем странном кресле Кунгсбьярном, к счастью, никого не было. Драккайнен подошел к нему, осторожно, чтобы не зацепить ничью руку, и удостоверился, что вокруг вождя достаточно свободно. Ничего странного – поединок поединком, но никто не станет толкаться подле стирсмана.

Плачущий Льдом сидел, чуть приподнявшись в кресле, с растрепанными волосами и с правой рукой, горизонтально замершей над животом, по дороге к рукояти меча. Вуко очень осторожно, словно имел дело с сахарной бутафорией, вынул меч у него из ножен и очень медленно переместил его, чтобы не сломать и никого не зацепить. Повел взглядом по приближенным вождя, что застыли, обернувшись в сторону Скальника, Боярышника и Спалле, которые протискивались сквозь толпу, а потом щелчком пальцев сломал одному наполовину вынутый

из ножен клинок, а несколькими прочим махнул рукой в сторону ушей, словно собираясь ответить пощечину, но остановив удар сантиметров за пять от головы, мазнув ладонью застывший, желеобразный воздух. Потом встал за вождем, приставив ему клинок к шее, и наклонился к уху.

– Это я, пришелец с Побережья. Деющий. Теперь я за тобой и держу клинок у тебя возле шеи. Если твои люди попытаются напасть, я перережу тебе глотку. Прикажи им сложить оружие, привести наших коней и вещи. А потом прикажи дать нам свободный проход к воротам. Ты идешь с нами. Если мы хотя бы издали увидим одного из твоих людей, выпотрошим тебя как свинью.

Глубоко вдохнул тяжелый воздух и еще раз осмотрел стоящих поблизости, проверяя, ничего ли не ушло от его внимания.

– Время – старт, Цифраль! Отпускай!

И реальность свалилась ему на загривок всей тяжестью, а мир двинулся вперед.

Воздух шелкнул, словно наполняющийся ветром парус, стоящие вокруг попадали на землю, словно кегли, брызгая кровью из глаз и ушей, другие столкнулись друг с другом. Драккайнен сунул руку над плечом Кунгсбьярна, ухватил его за завитую и чем-то умощенную бороду, а потом чуть шевельнул мечом, чтобы надрезать кожу и пустить немного крови. Просто любил, чтобы его воспринимали всерьез.

– Сад! – заорал. Его люди выросли из толпы, опрокидывая стоящих вокруг, Н’Деле метнул себя чем-то вроде тройного прыжка. Какой-то толстяк с топором заступил ему дорогу, кебириец упал на землю, сделав «ножницы», толстяк свалился как подрубленный, а Н’Деле встал – и в руке его уже был топор.

За полторы секунды оба они были у перепуганного Плачущего Льдом, а вокруг стояли треугольником воины в белых, испещренных полосами куртках, внимательные, на согнутых ногах, с предупредительно выставленными ладонями и поднятыми к правому плечу, горизонтально удерживаемыми мечами, с остриями, направленными вперед, в лица стоящих соратников вождя.

– Что я тебе сказал? – спросил Драккайнен, снова чуть шевельнув клинком.

– Бросить оружие! – крикнул Кунгсбьярн. – Всем!

Раздалось громыхание оружия из дерева и стали, падающего на камень площади, и Драккайнен решил, что это один из лучших звуков, какие он слышал в последнее время. Наклонился к заложнику.

– Что еще?

– Приведите их лошадей и принесите вещи! – крикнул стирсман. – И пусть никто не смеет тянуться за оружием!

– Ага. А теперь подождем.

– Его друг все равно мертв! – крикнул Плачущий Льдом и невольно застонал, когда шербатый клинок чуть поерзал у его шеи. Кровь багровыми змейками потекла по его коже, но было ее немного. Ранка была пару миллиметров в глубину и полтора сантиметра в длину. Зато было больно.

– Ты делаешь только то, что я тебе разрешу, – прошипел Драккайнен. – А теперь разрешаю тебе молчать и дышать. Не больше.

Люди Вороны стояли вокруг, бледные и трясущиеся от ярости, но лишь неуверенно переглядывались, и никто ничего не делал. Похоже, они ранее не сталкивались с подобным. Но несколько человек проявили инициативу и отправились за лошадьми.

– Спалле, ты видишь Грюнальди, Вьюна и Филара?! – крикнул Вуко.

– *Ньегатифф!* – крикнул тот отчетливо.

– А по-человечески?

– Не вижу.

Драккайнен чувствовал, как Кунгсбьярн трясется под его рукой, пытается сглотнуть сухим горлом так, чтобы не шевельнуть кадыком, увидел, как он косится, пытаясь увидеть собственную шею, что вообще непросто с запрокинутым подбородком.

Толпа принялась враждебно ворчать. Такой пат не мог продолжаться слишком долго.

– Твои люди должны исчезнуть с площади и от ворот. Внутрь, сейчас же! – выдохнул он на ухо Ворону. – Все, кроме тех, кто ведет наших лошадей.

– Все прочь с подворья! Дайте им дорогу к воротам! Там никого не должно быть! Здесь только те, что с их лошадьми и вещами!

– Вы слышали стирсмана! – крикнул кто-то. – Делайте, что приказано!

– Хоть один умный, – прокомментировал Вуко. – Похоже, вы не безнадежны.

Толпа поредела и принялась отступать, ропща вполголоса. Люди осторожно подходили к дверям, было заметно, как они таятся на галереях и торчат около окон, но с этим ничего было не поделать. На припорошенном снегом подворье осталось лишь несколько неподвижных тел, брошенные мечи и бьющийся в кованных корзинах огонь.

Они ждали.

Наверху каркали вóроны.

Через несколько тревожных минут раздался звучный стук копыт и подошли мрачные воины, ведя коней Ночных Странников, неся их сумки и сверток с оружием.

– Положить все на землю и отступить! Отпустить лошадей! – твердо приказал Драккайнен. – Привести трех дополнительных оседланных – и бегом! Хочешь что-то добавить, медвежонок? – он наклонился к заложнику и мягко нажал на клинок.

– Делайте, что он говорит!

– Спалле, проверь, все ли на месте.

Спалле опустил меч, присел над кучей багажа.

– Кажется, все.

– Один перевязочный пакет и короткую веревку, бегом! Готовить лошадей, саркофаг – между двумя скакунами. Приготовь арбалеты. Боярышник, помоги ему, Н’Деле – в строй, закрой треугольник, если могу тебя просить.

– Стой, кто идет?! – крикнул Боярышник, вскидывая натянутый арбалет.

– Огонь и Дерево, дурашка! – крикнул в ответ Грюнальди, спрятавшись за дверь.

– Вы целы?! Узник у вас?! – заорал Драккайнен.

– Вьюн ранен в ногу. Ходить может, но хромает. Узник у нас.

Они вышли на подворье: Грюнальди в чужом, чуть вогнутом, криво сидящем шлеме шел впереди, сзади – бородатый, высокий рыжий человечина в кожаной шапочке, последним Вьюн, подпрыгивая на одной ноге, со второй, перевязанной пропитанными кровью полосками, оторванными от чьей-то рубахи. Он тяжело опирался на плечо Филара – оба с трофейными мечами в руках.

– Он не сразу понял, что мы за ним идем, – объяснял Грюнальди. – Тех двоих подле первых дверей достаточно было оглушить и попросить, чтобы один повел нас дальше. И только внизу мы повстречали других, жутко негостеприимных, и их пришлось поубивать. Увы, палача тоже.

– Хорошо. Спалле, перевяжи хорошенько Вьюна. Филар и Боярышник, соберите эти бесхозные мечи, и в колодец их. Собирайте наше – и ходу.

Четыре мрачных воина появились, ведя оседланных дополнительных лошадей.

– Хорошо. Грюнальди, проверь их, не дали ли раненых. Если так случится, ваш стирсман заплатит ухом.

– Нормально. На торге я бы их не купил, но сойдет.

– Может, вы могли бы метнуться в кладовую для гостей над конюшней за нашими мешками? – спросил мужик из подвала. – У меня там любимая костяная зубочистка.

– Увы, – ответил Драккайнен. – В Саду купишь себе другую.

– Мои вещи тут, за дверью, – указал Н’Деле на помещение, из которого вышел. – По крайней мере, те, что самые важные.

Драккайнен всадил предплечье глубже под подбородок Кунгсбьярна и заставил его встать со стула.

– Ну давай, медвежонок, встаем. Руки вперед. Спалле, свяжи. Запястья и большие пальцы. Выходим. Пеший сторожевой строй, коней наружу, на бока – щиты. Саркофаг и я с заложником в центре. Филар, Боярышник и Скальник – арбалеты. Н’Деле и мужик с зубочисткой – арьергард. Спалле, покажи им, как выглядит сторожевой строй. Ваши мешки у вас? К воротам. Ты, медвежонок, ведешь кратчайшим путем, и никаких шуточек по дороге, а то я вырежу тебе глотку, а потом сожгу весь этот сортир. Я – Деющий. Песенник. А сейчас – разъяренный Песенник. Вколоти это в свой завитой лобешник: я не просто зарежу тебя, я тебе и двух досок на крест не оставлю. Только рыпнись.

У ворот было пусто. Лишь квадратная площадка между домами тесаного камня, светильник на цепи, наглухо закрытая решетка – и поднятый мост, заслонявший вид. И карканье страдающих бессонницей воронов, что мечутся в зимнем небе.

Драккайнен дернул Кунгсбьярна на себя и сделал ему еще один неглубокий разрез ниже предыдущего. Плачущий Льдом коротко заскулил. Трясся, как в горячке.

– Я начинаю и правда сердиться, медвежонок, – рявкнул разведчик. – Ворота должны быть отворены. Давай.

– Открыть ворота! Дайте им выйти! – завопил стирсман Воронов так, что по площади пошло эхо, а птицы на миг замолчали.

Ничего не случилось. Только где-то позади Вуко услышал тихий скрип, какой издает механизм свитых, скрученных волокон и напряженный кусок стали.

– Цифраль, время – стоп!

На этот раз снежные хлопья замерли сразу, установилась тишина, а вороны застыли как темные, темнее черного, пятна.

Драккайнен пробрался в конец строя, осторожно, чтобы никого не коснуться.

– Вуко, ты себя прикончишь, – отозвалась Цифраль.

– Не мешай, *pitppi*, я работаю.

Он вошел под галерею, миновав несколько человек, притаившихся с луками за деревянными колоннами, и взошел по ступеням, отвесным, словно приставная лестница, на второй этаж. Сзади, на галерее, прямо над воротами, увидел двух стрелков с арбалетами, куда более примитивными, чем его собственные: эти натягивались ногой при помощи стремени, а не интегральным трехходовым складным взводным механизмом – и наверняка более слабые, но, несомненно, чертовски опасные.

Тетивы, одна и другая, уступили под ножом как упаковочный бумажный шнур, но не изменили формы, а остались на месте, похожие на перерезанные провода. Потом, по этой же галерее, Вуко пробежался под ворота и поднялся еще одной лестницей в помещение, где был механизм, управлявший мостом и решеткой. Несколько бесценных секунд он изучал его – деревянные шестерни и каменные противовесы на цепях, – пытаюсь понять алгоритм работы, а потом снял со стены арсенала запасной топор, вырвав при этом крюки, перерубил две цепи и оборвал два стопора. Все, к чему прикасался, металл и дерево, вело себя, как изделия кондитера. Бутафория из беже и карамели. Потом обнаружил еще одного типа с каким-то подозрительным котлом и копьем; тот таился над дырой коридора надвратной башни – Вуко аккуратно выпростал ему из-под одежды шарф (тот расплзался в пальцах, словно паутина); вплеп в зубцы одной из шестерен. Потом вернулся на площадь, раздавая притаившимся людям оплеухи, останавливая ладонь перед кожей.

А потом встал в строй и поднял ко рту ладони.

– Слушайте меня, Вороны! Я – Ульф Нитй’сефни! Ночной Странник. Деющий. Никогда более не переходите мне дорогу, иначе я вас уничтожу! До последнего ребенка! И никто больше не услышит о Людях Воронов! Весной придет великая война со Змеями и их безумным королем Аакеном, что может уничтожить мир. Я собираюсь его остановить, а потому не пытайтесь мне мешать!

Глубоко вздохнул.

– Ладно, малышка. Время – старт!

Снег сдвинулся, вороны закаркали, а на галерее сверху раздался звон лопающихся тетив. Арбалеты буквально взорвались в руках стрелков: один пал навзничь, с лицом, рассеченным лопнувшей струной, второму вырванный фрагмент спускового механизма ударил в рот, ломая зубы и втыкаясь глубоко в челюсть. С десятков притаившихся людей одновременно повалились бессильно на галереях вокруг всего дворища от невидимых жестких ударов твердого, словно железо, воздуха, что рвал их слуховые перепонки и выбивал глаза.

Стоящий в окружении своих людей, за стеной коней, Ульф властно поднял руку. Внутри надвратной башни раздался звон цепей, каменные противовесы с грохотом обрушились, в ключах застучали звенья. Решетка поехала вверх, застряла криво, а мост с громоуханием упал поперек пропасти.

Когда они проходили коридором, где-то наверху слышался хрип и спазматические удары пятками в пол, утихшие еще до того, как они выехали наружу.

Было темно и морозно, падал мелкий снег.

Дорога была открыта.

Они шли галопом в темноте, в свете лишь двух синих лун: первой в полнолунии, второй – во второй четверти; отряд походил на летящие по снегу лунные тени. Каменный тракт, мост, лес, заснеженная поляна еще с остатками лагеря, пятна крови, черные, словно смола, растянутые, ободранные до костей тела убитых, потом снова лес, вторая, заснеженная долина, деревья... Путь вел, словно пущенный задом наперед фильм. Не слишком быстро, чтобы не загнать лошадей и не падать на поворотах, но – достаточно быстро.

Драккайнен подпрыгивал в глубоком седле, пытаясь не потерять сознание и не упасть. Все тело болело. Он судорожно цеплялся за луку седла и несся галопом. В лесу едва ли не упал на шею Ядрана, чтобы избежать протянувшихся к нему хищных пальцев ветвей.

Единственным утешением было то, что Кунгсбьярн, едущий с мешком на голове и вцепившийся в луку седла связанными руками, колотился еще больше, раскачиваясь в седле, как болванчик.

Кони фыркали паром, как драконы, снег летел из-под копыт и приглушал топот.

Ехали. Драккайнен чувствовал, как колышется голова, как ломит мышцы голеней, которыми он обхватывал бока коня, а за каждым холмом открывался следующий, а в конце каждой лесной тропинки открывалась следующая котловина или следующий лес.

Когда отряд встал на короткий отдых, он сперва навалился на луку и сидел так, бессильно свешиваясь, а потом вынул ногу из стремени, перекинул ее через спину коня и свалился, будто мешок, на снег.

– Вуко?.. Вуко! – кричала Цифраль.

– Ульф?.. Ульф! – заглушал ее Филар.

– Что с ним? – кричал Грюнальди.

Голоса мешались со все усиливающимся снегом и белым шумом, что шел со всех сторон. Он открыл глаза и увидел обеспокоенные лица и накладывающуюся на них двоящуюся фигурку трепещущей феи. Снова закрыл глаза. За опущенными веками, внутри его головы, было темно, сухо, тепло и спокойно.

Он снова очнулся, потонув в остро-сладком, пряном, ледяном напитке. Закашлялся и фыркнул им, а потом сумел сделать несколько глотков, перевалился на бок и сблевал. Стоял

некоторое время на четвереньках, с коленями и ладонями, воткнутыми в снег, потом загреб снег ладонью и омыл лицо. А потом встал на колени и следующую горсть прижал ко лбу. Некоторое время сидел так, не двигаясь, пока ледяная каша медленно таяла в ладонях.

– Цифраль, запусти какие-нибудь эндорфины, мы должны ехать дальше.

– Что он говорит?..

– По-своему. Какие-то молитвы или заклинания. Для него это нормально.

– Ну не знаю... Мой дядя тоже так делал, когда получил обухом в лоб. И протянул недолго.

– Вуко... Ты не можешь так напрягаться...

– Я должен, Цифраль, – прохрипел он. – *Piczku materinu*, нас же тут перебьют, если мы не отправимся в путь.

Вытер лицо снегом и тяжело поднялся на ноги. Почти чувствовал, как в голове поскрипывают какие-то клапаны и успокаивающие гормоны начинают вливаться в кровеносную систему, как насыщают кровь, смешиваются с нею, как пышат паром очаги боли в теле, когда омывает их несущий успокоение поток.

Он сплюнул густой слюной в снег, ухватился за луку седла и поднял ногу, пытаясь воткнуть носок сапога в стремя.

Они ехали.

Стало немного получше, и они удержали темп. Он все еще раскачивался в седле, но, по крайней мере, знал, куда движется. В голове продолжал гудеть лесной пожар, но это уже не был замерший в безвременье ядерный взрыв.

* * *

Остальное помню, будто во сне. Как жар и бред.

Купы кустов и камыша, маячащие в темноте, сверкающая автострада реки, присыпанная слоем снега, мерцающего, как слои бриллиантовой пыли. На этот раз мне не дают слезть – стягивают с конской спины. Множество рук цепляется за полы куртки и пояс, меня кладут на землю, придерживают, словно смертельно пьяного.

Я слабо протестую, но слышу собственное пьяное бормотание – и соглашаюсь со всем. Кто-то расседлывает Ядрана, накрывает его попоной и выгуливает по льду с другими конями. Вижу, что трое арбалетчиков остаются вокруг группы, треугольником, и целятся в заполненный снегом мрак.

Расстилают мне кусок меха, а потом сажают: аккуратно, как столетнюю бабку, опирая меня о седло. словно бы я стеклянный и в любой момент могу разбиться.

Грюнальди направляется в сомкнутую стену сухого камыша, бамбука или как оно здесь зовется – того, что торчит изо льда, увенчанный сломанными веерами сухих цветов. Я вижу его спину, когда он убирает старательно сплетенные снопики, стоящие на льду, маскирующие вырезанный в камыше проход. Понятия не имею, как он высмотрел его в ровном заборе миллионов стеблей, столь похожих друг на друга и повторяющихся в каждом ряду. Потом они ведут меня коридором между стенами трав до круглой, выкошенной полянки, на которой, вновь окруженные снопами, стоят единственные, на скорую руку отремонтированные сани, те самые, что сломались на склоне во время битвы. Мои люди находят мешки с оставленными вещами для лагеря, растягивают задубевшую на морозе ткань, ставят палатку, кто-то звенит вложенными друг в друга котелками. Потом я слышу тихое пощелкивание огнива, полешко ледяного топлива начинает шипеть и обрастать синеватыми огоньками.

Мы сидим на санях вокруг синеватого огонька, в котелках уже кипит и парится еда, над нами встает бело-бурая, натянутая стена шатра, и я слышу, как на нее сыплется с тихим шелестом мелкий снег.

Кто-то вкладывает мне в руки металлический, глубокий кубок с воткнутой ложкой, от которого пахнет травами, вареными овощами и мясным отваром. Но я разгребаю слой порезанного камыша, на котором лежу, и ставлю котелок на минутку на лед, чтобы тот немного остыл.

В помаргивающем свете пылающего ледяного полешка я вижу Вьюна, который, как и я, опирается о седло, с бледным, перекошенным от боли лицом. Боярышник откидывает края разрезанной уже штанины и меняет повязку на ране.

Я чувствую, как ссадины на моем лице начинают пульсировать тупой болью, как губы и щека протестуют, когда суп стекает с ложки и атакует раненые ткани, еда протискивается сквозь глотку, а когда я сглатываю, протестуют уже ребра, пробивая меня острой болью, словно торчит во мне пучок стрел. Потом юшка тепло устраивается в желудке – и только это приносит мне облегчение.

Я выпиваю остатки отвара прямо из кубка, болезненно проглатывая разваренные овощи и волокна мяса, желеобразные кусочки жира, а потом жду, когда уйдет боль.

– *Perkele, piczku materinu*, шоколад... – бормочу я. – Кусочек шоколада...

Кунгсбьярн мрачно сидит на снопе камыша, попивая из кубка, который он держит связанными ладонями, то и дело кривится и клонит голову, пытаясь вытереть раненую шею мехом на плече.

А я шаркаю к своей сумке и копаюсь между тесно упакованными вещами. Коробки, сверточки, кожаные кобуры...

Естественно, шоколад я не ищу. Его там нет.

Нет его у меня, и я об этом знаю. Даже иллюзий на этот счет не имею.

Как слепой червяк щупаю у седла, пока некто не подает мне мои сумы. Когда тащусь к маленькому огоньку, пляшущему на железной подставке, уже с фляжкой со сливовицей, кисетом, трубкой и растворимой таблеткой регенерационного комплекса и второй – обезболивающей, слышу, как кто-то выносит вердикт:

– Жить будет.

Потом я засыпаю с погасшей трубкой в руке и чувствую, как меня снова волокут, дергают и ведут. Какие-то невыносимые люди, которые не дают ни минутки покоя. Вталкивают меня в сани, где уже лежит Вьюн с новой повязкой на ноге, завернутый в меховой спальник. Натягивают тяжелый косматый мешок и на меня, нет сил протестовать. Проваливаюсь на дно черного, тихого и сухого колодца.

Просьпаюсь серым, туманным полднем, среди все еще падающего снега, под звук топота копыт и постоянный прерывистый посвист, который издают идущие по снегу полозья. Я лежу на санях, позади сидит укутанный в спальник Вьюн, опершись о борт, и жует кусочек сухого мяса.

У управляющего санями человека нет маскировочной куртки моих людей, которые уже начали называть себя Нити́сефнаар – Ночные Странники, – не разбирая, происходят они из Людей Огня или Братьев Древа. У этого же плащ бурого меха и такая же шапка. Оглядывается на меня через плечо и говорит:

– Я зовусь Ньорвин. Вы спасли мне жизнь. Н’Деде говорит, что идет с вами, потому и я, наверное, тоже. Кто-то должен за ним присматривать, он же как ребенок. Благодаря этому человеку я заработал кучу денег и потому люблю его как брата. А если ты здесь, стирсман, и еще не умер, хочу спросить тебя, что сделаем с тем Кунгсбьярном, который едет вон там, с мешком на голове. Так уж сложилось, что у меня к нему собственное дело и я хотел бы его убить. Прошу только, чтобы ему дали меч, поскольку я не такой трус, как он, который охотней всего режет связанных.

Я сижу, не расшнуровывая меховой спальник, и чувствую, насколько я слаб. Поднять тело настолько, чтобы опереться о борт саней, требует такого усилия, что я едва не падаю назад.

У меня в голове мелькает попросить Вьюна что-нибудь выпить, но я знаю, что он даст ледяное грифоновое молоко, и желудок сразу подкатывает к глотке. Я бы что-то выпил, но лучше – горячий чай. Или какао. Или даже так – шоколад, фирмы «Краф». Горячий, густой и ароматный.

Вместо этого я лишь сглатываю.

– Прости, Ньорвин, но с этим придется подождать. Убийство Плачущего Льдом вызовет проблемы, а нам еще придется наведываться в здешние места. Если попытается сбежать или буяннить – можешь его убить, но не раньше. Идут тяжелые времена. Война богов превратится в войну Песенников и подойдет под наши дома. Я понимаю, что ты хотел бы отомстить, но сделай это на вече, под надзором правознатца. Потом.

– Я тебя услышал, – отвечает он. – И мне обидно. Он не только не отдал мне того, что проиграл, но и запер меня в подвале и пригрозил, что убьет, если Н’Деле не станет для него сражаться задаром. Это худшая подлость, какая только могла бы прийти в голову. И скажу тебе еще, чужеземец, что многие в Вороновом Доме обрадуются, если их стирсман не вернется домой. Как знать, не завел бы там больше друзей, когда бы позволил мне его убить, чем когда отпустил бы этого пса на свободу.

– Мы похитили его лишь затем, чтобы вытащить тебя из подвала, – напомнил я ему. – И еще затем, чтобы нас выпустили из замка. Нам нет нужды его убивать, а теперь такое время, что стоит думать о том, что должно делать, а не о том, что делать хочется.

Он качает головой, щелкает поводьями, подгоняя лошадей. Я смотрю на движущийся мимо меня берег реки, поросший камышом, и на всадников, что окружают сани. Укутываюсь в спальник, натягиваю на голову капюшон, а потом набиваю трубку. Голова болит уже куда меньше, разве что я просто слаб. И еще в глубине моей души жив жуткий, черный страх перед тем, что я застану на корабле. Речь о выражении лиц Осота или Варфнира – или кто выйдет меня приветствовать. О его глазах и многозначительном молчании, еще до того, как я успею задать свои вопросы.

Я смотрю на горы, что постепенно превращаются в предгорья, и порой мне кажется, что чувствую соленый ветер от замерзшего залива, но тут – только мороз. Я сижу так довольно долго, и веки мои начинают закрываться. Я на льготном тарифе, сползаю между камышовыми связками и мехами и расслабляюсь.

Я и правда не должен все делать сам. Строй всадников – правильный, оружие у них наготове, даже если нас кто-то зацепит – будут знать, что делать, а я сейчас никому не пригожусь. Расслабляюсь.

Во сне мне нет нужды думать, жива ли Сильфана. Нет нужды держать перед внутренним взором то, что ожидает меня на борту корабля.

Заворачиваюсь в меха, строю вокруг себя кокон, словно куколка, и расслабляю мышцы. Мне хочется плакать или молиться, однако кажется, что мой Бог остался по другую сторону галактики. Я так далеко от дома, что мне непросто поверить, что у меня вообще был другой дом. Что существует нечто вне этой белой речной дороги, зимы, приглушенного стука копыт и свиста полозьев. Весь остальной мир вне этого, состоящего из крови и кованого железа, кажется лишь сомнительной гипотезой.

Я снова проваливаюсь в сухую темноту. Такие летаргии ненормальны, вызывает их Цифраль. Я тону в беспмятстве, а в моей голове маленькая феечка бьет крылышками, летает вдоль пучков оборванных кабелей, меняет предохранители, пробрасывает перебитые концы, клепает гнутые поверхности и лудит прорывы. Я как корабль после битвы и тяжелого шторма, который экипаж отчаянно ремонтирует в глубоких водах.

Я плыву в тишине среди черного, плюшевого моря, и только время от времени неосторожно тронутое сплетение аксонов взрывается вдруг фейерверком воспоминаний из детства, со звуками, запахами, эмоциями – и это не всегда приятные воспоминания. А потом воспоминания эти исчезают, как измененный канал, и я снова проваливаюсь в глухое спокойствие.

А все это время Цифраль снова соединяет разорванные кабели, продолжает трудолюбиво вести дефрагментацию моей мозговой коры, ячейку за ячейкой, заматывая под ковер поврежденные сектора памяти.

Снова вспыхивает фейерверк, и я вдруг стою на дне долины Прожорливой Горы, вижу неестественно правильную, геометрическую призму пирамиды, исчезающую в тумане, вдыхаю морозный воздух с гнилостным запахом серных испарений и каких-то подозрительных углеводородов, чувствую под ногами неровную, толстую осыпь и крадусь, держа ладонь на оплетке меча. Слышу свист карабинчиков на веревках, мои люди съезжают один за другим со скальной стены и движутся кошачьим, бесшумным шагом от одной скалы к другой, держа строй.

Вокруг нас клубится туман, наполненный шепотами, вздохами и движением, что видно только уголком глаза. Взгляд упорядочивает случайные фракталы, вылепленные из испарений, и рисует в них зловещие лица, протянутые когти и таящиеся фигуры – кусочки хаоса в образе чудовищ.

Мы игнорируем это и идем вперед. Готовые, сконцентрированные, опасные. Весь отряд – как сжатая пружина. Мы научились.

Сперва я – тщательно, глубоко и под полным контролем в тайном тренировочном лагере в Даркмуре и на полигоне на Коста Верда. Потом – другие, которым я передал то, чему научился. Потому мы игнорируем шепоты, лица, блестящие в ночи глаза, клыки и шипы.

Знаем, что во тьме и в долине мрачных теней надлежит бояться нас. Это мы здесь худшие сукины дети.

Все происходит в один миг, едва мы пересекаем невидимую границу. Один лишний шаг в направлении маячащей в тумане пирамиды. Испарения густеют, шипов становится больше, а потом в тумане появляются студенистые, подвижные пальцы, проникающие внутрь мозга. Я чувствую их прикосновение прямо в нижней лобной доле, в центре Брока, чувствую, как они проскальзывают между складками серого вещества, как влезают в центры автобиографической памяти. И все исчезает.

Нет уже долины.

Есть явь. Пробуждение. Его нельзя спутать ни с чем, опыт нахождения в реальности.

Реальность – это круглый зал, выложенный имитацией дерева, словно коробочка, зрительный зал с кругами парт и сидений, а внизу сцена, на которой стоит стол-полукольцо, рябящий плоскостями голограмм. Люди за подковой стола, завернутые в темные, пятнистые покрывала, сидят с никакими, бледными лицами, напоминающими маски.

Зрительный зал пуст, а я смотрю на сцену сквозь толстые стенки прозрачной клетки, похожей на аквариум, вокруг которой левитируют дископодобные и круглые дроны, ошетилившиеся объективами камер и обклеенные цветными логотипами инфостраниц тельнета. Целый рой паразитарных насекомых, которые жадно высасывают мою душу.

Реальность – это жесткий комбинезон тревожного цвета тертой морковки, кружка с водой на маленьком столике и холодное прикосновение нейронаручников. Поле не активно, я могу двигать руками, но канареечно-желтые браслеты все еще охватывают мои запястья.

Перед молчаливо сидящим президиумом, под темно-синим занавесом с венцом звезд, стоит голографический гигант, укутанный в черный капор, стоит в позе оратора. Гладкое лицо без выражения, возраста и плоти, с чертами, что подошли бы памятнику бюрократии.

– Дело даже не в законах, а в основах нашей культуры, порядка и человечности, – голос из динамиков похож на громыхание молний, на проклятие, метаемое из глотки доисторического рассерженного бога. – О грубо изнасилованном святом принципе всесильности государства. Речь не о процедуре и нарушении правил надзора и контроля. Речь о тяжелейшем преступлении против человечества. Высокая комиссия, мы допустили это преступление. Мы, человечество. Руководствуясь дурно понятой гуманностью, заботой о нескольких индивидах, мы выслали в чужой мир, одаренный невероятным чудом – культурой разумных существ, – спаса-

тельную миссию. Таково было решение. На самом деле мы послали туда то, что суть наихудшее в нашей культуре: правополушарное чудовище. Убийцу. Психопата, который в своем кровавом марше сквозь мир невинных существ совершил длинную серию отвратительных убийств. Спасательная миссия? Этот субъект прошелся по девственному миру, сея насилие и смерть. До этого времени преступлениями против человечества были массовые убийства, исполненные на нашем собственном виде. Однако нынче, благодаря обвиняемому, мы, человечество, совершили ужасный поворот. Этот субъект пересек межвидовой барьер, словно смертельный вирус. Стоило нам убедиться, что человечество – это понятие, охватывающее не только нас, но и существ других видов, мы одарили их преступлением. То, что доселе искажало наш несовершенный вид, теперь набросилось на вид другой. И вот, высокая комиссия, впервые в истории у нас есть необходимость судить отвратительный случай ксеноцида. Насильственной смерти, заразившей космос.

На фоне разворачивается еще одно голо, огромное, как в мультиплексе, и распадается на отдельные картинки, на которых видна тварь, размахивающая мечом, орущая, облаченная в шкуры. И кричащие люди, брызги крови, агония. Пиксельная, подрагивающая картинка с окровавленными трупами на земле. Мутные глаза, ощеренные зубы, мухи на щеках. Трупы, изрубленные жестокими ударами; обломки костей торчат из разверстых тел, дикое лицо убийцы перемазано чужой кровью.

Мое лицо.

Реальность принимается мерцать, словно стробоскоп, а потом возвращается.

Прозрачная тень прокурора обретает резкость, перестает быть стеклоподобным голографическим призраком и движется в мою сторону, с каждым шагом обретая плоть, и я вижу, что это ван Дикен. С этим вот безумным продолговатым лицом и встопорщенными темными волосами. В руке его меч, которым он указывает на аквариум со мной.

Мой меч.

– Я утверждаю и, как подтверждено социологическими исследованиями, я говорю от имени всей прогрессивной части популяции, что никогда еще человечество не видывало худшего преступника, хотя в истории легко сыщется длинная череда мужских чудовищ. И никогда, даже обсуждай мы это месяцами, не найдем подходящего наказания, в котором была бы пусть видимость справедливости. Мы лишь можем исполнить пожелания участников нашего прямого эфира. Пусть он станцует с огнем!

– Пусть станцует с огнем! – скандирует толпа на Пикадилли Серкус.

– Пусть станцует с огнем! – кричат на Синтагма Сквайр.

Огромная голограмма начинает мигать новыми картинками с кричащими головами, лесом вздетых кулаков, горящими куклами с наклеенными на тряпичные головки моими фото.

– Пусть танцует с огнем!

Сентрал Парк. Елисейские Поля. Красная площадь, площадь Небесного Спокойствия, стадион Гайдук-Сплит. Колизей. Унтер-ден-Линден.

– Пусть танцует с огнем!

Поле активизируется, пронзает вибрациями мой хребет, припиливая меня к креслу, которое вдруг раскладывается, становится вертикальной доской, подлокотники раздвигаются в стороны, присасывая браслеты. Кресло поднимается вместе со мной. Крыша зала расходится, открывая синее небо, а мой кол страданий выстреливает, возносясь, будто лифт, сквозь этажи строения до самой крыши. На большую площадку для гравиптеров, где дует ветер и открывается лазурная сфера небес.

Где ждут мои родители, стоя на коленях с клинками у горла, скованные грубыми цепями кузнечной работы, окруженные воинами с железом в руках, в шлемах с наглазниками, похожими на очки.

И Дейдрре Маллиган с большим кувшином, тщательно закупоренным свинцовой пробкой, уплотненной воском.

– Угадай, любимый, что у меня для тебя есть, – говорит Дейдрре и вытягивает пробку, освобождая резкий запах драконьего масла.

Дроны тельнета окружают нас роем, делая наплывы, когда Дейдрре приближает губы к моему уху.

– Я была тебе верна, сукин ты сын, – шепчет и поднимает кувшин над моей головой.

Реальность охватывает огонь.

Горит, словно старинная целлулоидная пленка, огонь выжирает в ней овальные дыры, реальность капает огненными каплями, оставляя дыры, за которыми лишь белизна.

И знакомая мне поляна, окруженная белым шумом, где Цифраль прижимает мою голову к упругой груди, как к мячикам, наполненным теплой водой.

Теперь – реальность.

Наверное.

Секунду-другую я давлюсь криком, собственным спазматическим дыханием, и позволяю прижимать себя к силиконовой груди.

– Я могу отменить это воспоминание.

– Воспоминание?.. Я стоял перед судом... На Земле...

– Ты стоял перед судом, твой отец плевал тебе в лицо, дети сменили фамилию, ты видел, как пылает твой дом, а в реальности ты лежал со своими людьми в тумане за перевалом Каменных Клыкков. Но воспоминания остались, и мы должны что-то с ними делать. Хочешь ли выбросить их в корзину? Разместить на нулевом уровне? Запечатать и закрыть в подсознании?

– Меня всегда раздражала необходимость выбирать между крайними опциями. Я не хочу постоянно иметь их перед глазами, но хочу сохранить к ним доступ на случай чего. Есть у тебя опция «только для чтения»?

– Могу изменить их статус на воспоминания из кошмарного сна. Будут слегка смазаны, без эмоционального слоя. Без запахов, звуков и подробностей.

– Сохрани. Я должен знать, как из этого выходить. Снова придется пройти Каменные Клыки. И я пока не понимаю, что там случилось.

– Оно интерактивно. Отпугивающий механизм, который использует эмоциональную структуру. Но предназначен он для мозгов аборигенов. Структуры функционально схожи, но не совместимы. Картинки начали сыпаться, а миры – смешиваться. Сделались алогичными, и в результате система зависла.

Она хватает мое лицо в ладони и приближает свои глаза к моим. У нее нечеловеческие, фосфоресцирующие зеленые радужки, что делаются все больше, а за зрачками я вижу пересыпающиеся, крохотные, словно бактерии, значки машинных кодов. Я проваливаюсь в те глаза, как в открытые ворота шлюза, высасывающие меня в космос.

Смотрю сквозь голографический потолок парома, дающий иллюзию кружения в орбитальном вакууме, вижу внизу сине-коричневую бескрайность Земли, разливающуюся на полувину горизонта, а по курсу – сложный титаново-кевларовый фрактал «SpaceGateOne», стоящий над Антарктидой на геостационарной орбите, словно перевернутый вверх тормашками готический замок. В пространстве вокруг дрейфуют разбитые корпуса кораблей Людей Побережья, кружась в потоках превращенного в пыль воздуха. Когда станция вырастает под нами лесом антенн, модулей и хабитатов, я вижу вращающиеся в нулевой гравитации фигуры людей с растрескавшимися лицами, с кровавым льдом, вытекшим из глаз, рта и носа, открытые в немом крике рты, броню из кованых бляшек, мечи и щиты, плывущие вокруг, словно фрагменты разорванных спутников. Миры оказались несовместимыми. Нельзя показывать мне, как мой порт становится жертвой нападения, поскольку тогда наступит крах внутренней логики. Попытки залатать один анахронизм вызывают анахронизмы следующие, и проблемы нарастают

лавинообразно. Я качаю головой, и картинка, которую я должен видеть, давится данными и распадается: станция вдруг обрастает странными формами, повторенными в бесконечности отголосками предыдущих подробностей, отпочковывающихся в бесконечность пространства.

А потом кабина чартерного паромов вдруг замирает и погружается в тишину, перестает вибрировать; стихает шипение ионных маневренных двигателей и беспрестанное ворчание охлаждения токамаков.

Она становится круглой пещерой, залитой голубоватым светом, словно от горящего метана, где Шепчущие-к-Тени стоят, будто мятые багровые куколочки, и молчаливо смотрят на меня пустотой своих туннелеподобных капюшонов. А потом раздается шепот:

- Кто ты?..
- Что ты?..
- Что такое мир шара?..
- Принесешь ли ты мертвый снег?..
- Умеешь ли вызвать огонь с неба?..
- Приведешь ли хаос?..
- Пришел ли ты из мира богов?..
- Кто такой «ГлобНет»?..

Я слышу, как хриплю: голос мой звучит как запись. Я только свидетель, молчаливый наблюдатель, скрытый за глазами яблоками того, кто стоит в пещере.

– Я странник. Пришел я из мира, скрытого в ночном небе, – раздается голос. Мой голос. – Я пришел, чтобы убрать из этого мира Деющих. Пришел, чтобы начать войну Песенников и установить порядок богов.

– Война – это хорошо. Изменение мира – хорошо, потому что оно приводит мертвый снег. Мир рождается заново, и мы вместе с ним. Ждем этого. Хочешь ли ты, чтобы мир родился снова, странник?

– Хочу, чтобы вернулся порядок мира, чтобы он стал, каким был.

– Мир никогда не станет таким, каким был. Если он изменен, изменения остаются, пока не уберет их мертвый снег, сметающий их с лица мира и человеческой памяти. Значит то, что ты хочешь сделать, хорошо. Не может привести ни к чему иному. Ты прибыл из земли летающих городов и сильного оружия. Из места, где все растет в хаосе и постоянно меняется. Я видел. Видел твой мир. Не было еще такой песни, которая бы это вынесла. У тебя в голове – мир богов. Ты можешь войти внутрь Прожорливой Горы.

– Сперва освободите моих людей. Пусть они проснутся. Пусть забудут.

– Да.

Цифраль уже не прижимает мою голову к груди.

Теперь она сидит на мне, сплетя ладони на моем затылке и втыкая фосфорический взгляд, полный альфанумерических матриц, прямо в мои глаза, и медленно обмахивается радужно переливающимися крыльшками.

– Ты правда хочешь призвать мертвый снег?

– Я этого не говорил. Я лгал. Молча. Заставил их прочесть мои намерения так, как им это оказалось удобно.

– А если они правы? Если знают, что говорят?

– Они только безумные зрители железнодорожной станции. Живой станции, ошалевшей от старости. Мне она просто нужна, и все.

– И как тогда? Сохранить как воспоминания о сне?

– Да. Без эмоций и запахов. Только значения и факты. Тем, чем оно и было: предупреждением. «ПРОСИМ НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К РЕЛЬСАМ».

– Возвращайся в мир, а не то останешься тут навсегда.

– Иду.

Я проваливаюсь в темноту сна, чувствуя, как продолжается дефрагментация моего мозга. Возвращаются новые функции, мне снятся калейдоскопически меняющиеся формы и радужно подвижные узоры, а Цифраль продолжает усердно проводить инвентаризацию одного нейрона за другим.

Осознание еще нескольких убийств, воспоминания об очередных моих жертвах одно за другим оказываются в бочке; они залиты бетоном перед тем, как их выбрасывают в колодец со значком: «ОСТОРОЖНО! ПОДСОЗНАНИЕ!»

Я просыпаюсь, слыша резкий, глубокий звук под полозьями саней и вибрирующий отзвук копыт, бьющих в мембрану льда. Это море. Мы в заливе.

* * *

Я открываю глаза, сани подпрыгивают и переваливаются на замерзших валах треснувших ледяных плит. Волны с шипением бьются под замерзшей поверхностью, море наполнено звуками. Встает день.

Мои люди расставляют на берегу в ряд железные миски, полешки ледяного топлива, заранее приготовленные вязанки хвороста, сыпят из стеклянных баночек реактив, а в конце выливают немного драконьего масла. Я вздрагиваю от безумного воспоминания кошмара, чувствую, как колотится мое сердце.

От жидкости встает ниточка дыма, льется по ледяному полешку, хворост загорается трещащим, жадным пламенем, в воздух поднимаются клубы густого красного дыма.

А потом мы ждем. Долго.

Я выпутываюсь из спальника прямо в резкий мороз, надеваю меховые штаны и кафтан, заворачиваюсь в шкуру, но руки мои трясутся так, что я не могу попасть шпилькой застёжки под цепочку. Наверняка из-за холода.

Мы стоим вокруг саней, кони пофыркивают клубами пара, в котлах пылают яркий химический огонь, поднимаются облака дыма. Я раскуриваю трубку и подаю тлеющую головешку Филару, который достает свой короткий калумет.

Грюнальди жует полоску мяса, Вьюн садится на мешок, чтобы не так сильно напрягать ногу, Спалле ведет по клинку меча оселком, издавая раздражающий скрежет, что пронзает морозный воздух. Хвоц сдувает снег со спускового механизма арбалета.

Горизонт клубится туманом, видимость начинает уменьшаться.

– Отпустить гада, – цежу я сквозь промерзшие до костей челюсти. – Дайте ему коня и разрежьте веревки.

Ньорвин рассерженно сопит, Кунгсбьярн Плачущий Льдом сразу же уезжает в туман, словно опасаясь, что я раздумаю.

– З-з-з-з-г-р-р-р!.. – говорит оселок Спалле.

И тогда в клубящемся сером ничто распускается небольшая желтая звездочка.

И гаснет.

А потом разгорается снова.

Проходит немало времени, пока мы, напрягая до слез глаза, замечаем какую-то расплывчатую форму, едва заметный сгусток тумана, взблескивающий небольшой звездой. А потом он становится больше, словно нечто приближается и растет. Уже видны белые носовые откосы, брызгающая в стороны пена, а потом появляется низкий силуэт, не похожий ни на что, что плавало в этих водах, и походит оно скорее на морскую тварь.

А потом у меня останавливается сердце, поскольку я вижу, кто стоит на носу. Вижу фигуру, укутанную в водонепроницаемый мех, фигуру того, кто ждет, чтобы передать мне известие. Важное известие. Нечто, что нужно сказать сразу, что нельзя увидеть или проверить самому.

Я чувствую, как бьется пульс в ушах, и иду навстречу кораблю, который движется к нам, разбрызгивая фонтаны пены, но впереди еще широкая полоса льда, могущего выдержать человека.

Человек на носу приседает и держится за релинг, когда нос разбивает ледяные плиты на краю фирна. Корабль продавливает их своим весом и толкает себя вперед, раздвигая в стороны куски ледяной крошки. Человек на носу снова встает и терпеливо ждет. Наверняка это обязательный, молчаливый Осот. Уже решил, что именно он и станет тем, кто передаст мне известие, и решил сделать это сразу. Потому стоит там, несмотря на яростные толчки крушащегося льда и холодные брызги волн.

Ледяной корабль наконец застревает и откатывается с кучи битого льда.

Я иду, потому что хочу взглянуть в лицо тому, кто стоит на носу, хочу увидеть его глаза и молчаливое сообщение, застывшее на лице.

Он сбрасывает капюшон, и я вижу вьющиеся на ветру, темные, словно ночь, волосы Сильфаны.

Сажусь на лед и плачу. Знаю, что у меня несколько секунд, пока не приблизятся остальные и пока она не спрыгнет с борта.

Но этих нескольких секунд хватает, чтобы вытереть глаза, пока все не замерзло.

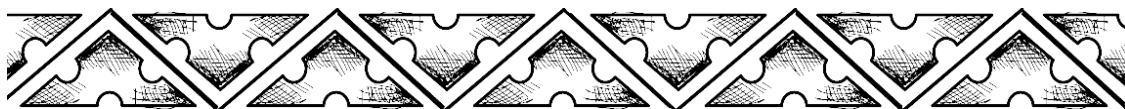
Когда отряд добирается до меня, у меня сухие, припухшие веки и замерзшие щеки. И все. – Сперва Деющая, – говорю я. – Прямо в трюм. И уходим, наконец, отсюда.

Я не могу схватить Сильфану в объятия и сжать ее изо всех сил – ребра ее сломаны. Но я могу взять ее лицо в ладони и обхватить руками плечи. Могу ласково прижать ее, почти потечески. В конце концов, я командир, а она – воин. Вот что мы изображаем – этого и будем придерживать.

– Ты должна лежать, – говорю я.

– Ну, ног мне не отрубили, – отвечает она. – И я хотела увидеть, что ты жив. Думаю также, что ты должен осмотреть мой бок и удостовериться, что все хорошо заживает.

«Будет жить», – сдаюсь я.

Глава 4

Шепоты и тени

*Если дружбу ведешь
и в друге уверен
и добра ждешь от друга —
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.
Но если другому
поверил оплошно,
добра ожидая,
сладкою речью
скрой злые мысли
и лги, если лжет он.*

Hávamál – Речи Высокого

Все это скорее напоминает траурный кортеж, чем триумфальное возвращение из экспедиции.

Мы приплываем к Городу на пятый день пополудни, но дрейфуем в открытом море вне контроля наблюдательных башен, ожидая, пока опустится тьма, и только тогда выпускаем нетопырей.

Конвергентное соответствие нетопырей. Называю их нетопырями, поскольку у них слегка рептильные формы и кожистые крылья, а бывает, что они и живут в пещерах. Ничем больше тех они не напоминают. Живут над морем, охотятся на рыбу, похожи на пестрых маленьких виверн, причем из кошмарного сна; не все их виды ведут ночной образ жизни, а ночные – светятся снизу, привлекая жертв к поверхности воды. Зато они возвращаются в гнезда с упорством, достойным удивления, и их можно выдрессировать, чтобы доставляли сообщения с расстояния километров сто пятьдесят.

На этот раз это простое сообщение: «Возвращаемся, объект у нас, потери в допустимых пределах, есть раненые», зашифрованные как: МАЙК, ЗУЛУ, ФОКСТРОТ, ОСКАР.

В ответ с башни Верхнего Замка, видного над массивом Каверн, трижды вспыхивает зеленый свет. Подтверждение.

Осот осторожно правит между зажженными на вершинах военного порта красными и зелеными лампами, а потом – в укрытую бухту и под поднятую в стену кованую, отекающую водой обледенелую решетку, вглубь дока, вырезанного в скале.

Все в тишине, под защитой ночи, без свидетелей, потому что даже страже приказано вернуться в казармы с рапортами.

А теперь мы ступаем по заснеженной брусчатке улочки Верхнего Замка, под эскортом Братьев Древа, которые ведут запряженные осликами повозки с накрытыми сукном телами. Анемон, Дягиль и Явор, который умер на корабле перед нашим возвращением. Еще одна повозка перевозит саркофаг с погруженной в спячку Калло, накрытый в точности как гроб. Замаскированные ряды емкостей с магией похожи на большие яйца. Раненые. Сильфана, Варфнир, Кизил и Лавр. Худой молодой мужчина по имени Бенкей все еще молчит и только трясется, сжимая в руке флейту, на которой компульсивно играет по кругу «Porque te vas», если только перестать обращать на него внимание. Большой Н’Деде и Филар осторожно ведут его с двух сторон, Братья Древа светят нам на темных улочках фыркающими факелами. У всех нас одинаковые плащи, лица спрятаны под капюшонами, повозки накрыты сукном. Выглядим как покаянная процессия монахов.

Мы молча идем боковыми, пустыми улочками. На перекрестках минуем городских стражников – в капеллинах, с копьями, они стоят к нам спиной, блокируя вход, а когда мы проезжаем, тут же исчезают.

Часть идет в Часовню Древа, я с несколькими Братьями сопровождаю повозку с саркофагом.

Фьольсфинн приветствует меня в странной шапочке, в которой он выглядит словно древний шеф-повар и которая должна маскировать башни на его черепе. Мы стискиваем друг другу запястья и предплечья по обычаю Побережья Парусов, а потом похлопываем по спинам. Все же он, несмотря ни на что, человек. Землянин.

– Кто? – спрашивает он осторожно. Может, это он специально, но я все равно чувствую прилив симпатии.

Я называю имена погибших. Для меня это важно и болезненно, но он-то наверняка об этом знает. Хочет показать, что и для него тоже.

– Из твоих никого? – спрашивает он, и я холодею, а голос мой начинает звучать как грохот перекачиваемой гальки.

– Едва разминулись, много раненых. Братьев я не подставлял. Мы сражались плечом к плечу. Военная судьба. Страховали, когда на нас напали. Они отдали жизнь Саду, как ты и велел.

Он кладет мне руку на плечо. Легко, контролируя себя. Скандинав.

– Прости. Спросил машинально. И вовсе не это имел в виду. Что с Калло?

– Не знаю. Ты не озаботился диагностической панелью на саркофаге. Надеюсь, что она стабильна.

Капсула стоит в пустой белой комнате под готическим сводом, на каменном столе, за которым могли бы встретиться и тридцать человек.

– Сейчас принесем ее в зал. Стерильный, пастельный, плюшевый. Самое главное, герметичный. Я сделал шлюзы, воздух проходит через фильтры, нейтрализующие магию. Там же рециркуляция воды, туалет с замкнутой системой.

– Какие еще фильтры? Керамические, что ли? Магическая пыль диаметром с бактерию, если не с вирус. Из чего эти фильтры?

– Из заклинания. Точно так же, как емкости, которыми ты очищал долину. Что бы она ни захотела послать наружу, оно кристаллизуется в мой лед. Ледяные цветы, вроде тех, что в саду. Она не сумеет создать тут ничего, кроме ледяных растений, которые мы можем спокойно убрать, поскольку они стабильны, а потом использовать.

Мы переходим в помещение рядом – что-то вроде контрольного зала. Нормальная, сюрреалистическая, взращенная готика а-ля Фьольсфинн. Но вся стена – прозрачная плита, за которой видно залитую зеленоватыми огнями белую комнату, что напоминает аквариум. Она овальная, вроде поставленной вверх ногами коньячной рюмки. Никаких углов, острых граней, и никаких стрельчатых арок, колонн, розетт, пинаклей и горгулий. Овальная кровать, вырастающая из пола, выложенная по бокам эбеновым деревом, никаких украшений. Стол, стул – все выплавлено из базальта зеленоватого цвета.

Я прикасаюсь к толстой плите стены. Лед. Теплый лед номер сколько-то там – любимая игрушка норвежца. Стабильный и, надеюсь, более чем пуленепробиваемый. Женщина, которую туда доставят, опасней десятка серийных убийц. Она как текущий термоядерный реактор. Биологический резервуар, наполненный ретровирусами.

– И как тебе? – У него лицо гордого собой ученика – ждет, что я его похвалю. – Ты бы на ее месте сориентировался?

Я смотрю сквозь стекло и не знаю. Легко решать задания с конца. Впрочем, меня же вроде бы учили на шпиона. Я осматриваюсь. Просыпаюсь: и где я нахожусь? Мидгард или Земля? Нет электроники, даже выхода тельнета, пусть бы и обычного, примитивного голомонитора

для повседневного использования. Никаких диагностических устройств, нет датчиков дыма. Каменная мебель. Ковровое покрытие *wall-to-wall*² на полу, может, и без узоров, но оно точно выткано вручную. Как и псевдошелк постели. Нет объявлений, инструкций и запретов на стенах. Нигде нет капельниц, сканера, эктодермального инжектора, любого медицинского дерьма. Ничего не попискивает, не светится красным. Ни на одном предмете нет логотипа изготовителя. Свет – зеленый. Нет окон.

Я смотрю и молчу.

Предположим, создали такое специальное помещение, на полдороге между мирами, чтобы не вызвать шок. Низкотехнологичный кессон, в котором удобно жить, без избытка информации, пока она не придет в себя. Предположим.

– Убери цветы, – говорю я ему.

Он удивлен.

– Они выглядят как земные.

– Почти. Они не земные, причем – с первого же взгляда. Мы хотим воспринимать их как цветы, но скорее они напоминают нечто, что живет на коралловом рифе. А если она разбирается в цветах? Не притворяйся слишком навязчиво, что она на Земле, потому что, если она поверит, а потом догадается, что находится на Мидгарде, получим шок и истерию. И тогда начнется кошмар. Получим урочище, видимое с орбиты.

– Она уже не сделает ничего настолько масштабного. Эта комната обберет ее от остатков фактора еще до того, как она проснется. Пойдем, посмотришь на девочек.

Он ведет меня назад, туда, где находится саркофаг, и я все еще растерян, даже ошеломлен. Но раньше, чем он успевает произнести насмешливый комментарий, я понимаю. Он позаботился о персонале.

Они стоят рядом, одетые в зеленые комбинезоны, немного напоминающие те, которые носил медицинский персонал лет десять назад, и в идиотские шапочки с вуалью на лице. Они стоят почти по стойке «смирно» и пытаются не смотреть друг на дружку, чтобы не хихикать, но я вижу, что, несмотря на этот подкрадывающийся к горлу хохот, они напуганы.

– И как?

– Симпатичные, – говорю я, раскуривая трубку. Выбрал молодых девушек, у которых есть все передние зубы, никаких татуировок и шрамов. Их, должно быть, хорошенько отмыли, и теперь они пахнут чем-то травянистым и слегка антисептичным, вроде органического полоскателя для горла.

– А они похожи на медсестер?

– Достаточно, – говорю я. – Что это за идиотские вуальки?

– Глаза, – объясняет Фьольсфинн. – Глаза у них чужие, без белков. Этого я изменить не сумею.

– А еще – странные уши, маленькие зубы, волосы у них растут на загривке до плеч, у них вытянутые пропорции, узкие черепа и продолговатые черты, носы, словно ножи, а кроме того, они носят одежду, сделанную вручную из полотна и кожи, у них нет идентификационных бейджей, чиповых ключей, мобилок, бижутерии, колготок. Они только похожи на людей, Фьольсфинн. Согласен. Непонятно похожи, невероятно, как для инопланетян, почти зеркально похожи, совершенно как в фантазиях двадцатого века, но только с этой точки зрения. Увидь их кто в лифте на Земле, сразу же заорал бы от страха. Вблизи их никто не посчитает людьми, даже не надейся. Нечего и пытаться. И отчего ты взял только девушек? Она неогендеристка. Едва глаза откроет, сразу примется скандалить.

– Мужчин она боится и ненавидит, насколько я понял. Вид девушек ее успокоит, а кроме того, она не причинит им вреда.

² От стены до стены (англ.).

– Ты ее вообще не понимаешь. Она никому не причиняет вреда, по крайней мере, она так думает. Превратит тебя в крокус или коалу, веря, что оказывает тебе услугу. Мы и так слишком ими рискуем.

– Они займутся ею, пока она спит. Потом увидим, что случится.

– А как мы ее разбудим? Подставим ее под молнии на башне или поджаришь ее машиной Фарадея?

– Она должна проснуться сама, когда закончится действие воды онемения.

– Она, насколько я помню, была в кататонии и сама по себе.

Фьольсфинн на минутку отсылает девушек, которые возвращаются с двумя мужчинами и каталкой, и правда похожей на больничную. Нужно хорошенько присмотреться, чтобы понять: это кузнечная работа.

Саркофаг ложится на каталку и отъезжает в сопровождении переодетой в салатное медицинской команды. Норвежец ведет меня назад, в контрольное помещение, но на этот раз мы смотрим внутрь большой ванной комнаты с бассейном в полу, на ладонь наполненным зеленой, опалесцирующей жидкостью. Мужчины торжественно снимают саркофаг с каталки, помещают в бассейн и уезжают. Оставшиеся девушки стоят под стеной, будто весталки. Все происходит в тишине и напоминает какой-то старинный обряд, а не медицинское действие.

– Ты не откроешь саркофаг?

– Он не открывается, а растворяется. Как лед. Только нужно знать, чем именно. – Он наливает мне рюмочку грушовки. – *Сколь*³.

Я выпиваю и показываю рюмкой на ледяную плиту.

– Когда узнает, что ты подглядывал за ней в ванной, – засудит.

– У законоречца или как? Рисковать не станем. Или обеспечим ей приватность, чтобы она выкормила в ванной дракона?

– Это поляризованные плиты?

– Еще лучше, поскольку не кажутся зеркалами. Магия – это магия.

– Начинаю раздумывать, где у тебя еще есть такие. Долго оно затянется?

– Долго, это медленный процесс. Она должна быть освобождена аккуратно, поэтому в любом случае еще какое-то время не проснется. Жидкость стечет, потом девушки ее помогут в нормальной ванной и обеззаразят.

– Не желаю на это смотреть. Она никогда не была симпатичной, а после недели в саркофаге будет словно геморроидальная шишка. Собирайся. Мы едем на похороны. Я командир, ты – король, *perkele*. Участников тайных операций хоронят в тайне, но с помпой и уважением. Как героев. После церемонии организуй наилучший из всех возможных ужинов, а за столом должны быть места и приборы для всех, в том числе и для погибших. Так делается.

* * *

Я возвращаюсь с прогулок по городу. Через несколько дней, необходимых, чтобы отмокнуть в ванной, откормиться и использовать регенерацию во сне, часов по десять в сутки. Я потихоньку прихожу в себя. Присматриваю за Сильфаной и проводываю остальных раненых. Мне нужно время подумать. Выстроить козни. Разработать далекоидущие стратегические планы. Быстро. Несколько дней, потом времени комбинировать уже не будет. События понесутся вскачь, причем куда как быстро.

Сосульки начинают таять. Это еще не настоящая оттепель, но чувствуется, что приближаются изменения. Вода начинает сочиться из-под сугробов и течет по канавам, а потом замерзает. Приходят метели. Снег укрывает улицы, а потом снова тает. Звук падающих с крыш и

³ «За наше здоровье» – традиционный скандинавский застольный тост.

горгулий каплею преследует меня ночами, похожий на обратный отсчет. С каждой каплей утекает секунда бесценного времени.

Времени, которое потихоньку заканчивается.

На улицах Верхнего Замка, как всегда, пустынно, у людей, укутанных в длинные шубы, бледные, измученные зимой лица. Я хожу на Каменное Торжище и высматриваю простые, дешевые одежды, особенно те, что носят Отверженные Древом, чтобы маскировать свои увечные черты. Плащи, шляпы, сапоги. А потом через Фьольсфинна прошу выслать кого-нибудь из местных за покупками. Как обитатель Верхнего Замка могу быть узнан, мои люди – тоже. Мы – таинственные Деющие, которые приперлись в город, а потом подружились с королем. Я же предпочел бы возможность крутиться по тавернам и рынкам, заходить в Каверны, Ластовню, на Нижние Мельницы, в Железовню и Парные Колодцы. В кварталы, где крутится много людей, обитателей Сада, пришельцев, Отверженных и беглецов.

Но большую часть дня приходится сидеть над бумагами и картами со свинцовым стилем в руке. Набрасываю очередные планы, читаю их, согласовываю с Фьольсфинном, мну и бросаю в камин. А потом разрабатываю новые.

Я пополняю Ночных Странников Братьями Древа, присланными Фьольсфинном, присягу дают также Ньорвин и Н'Деде. Бенкей все еще в тяжелом состоянии, Филар проводит с ним немало времени, но еще не установил контакт. Свежатинка наша должна научиться новым способам боя, непохожим на те, которые они использовали всю жизнь; научиться взаимодействовать друг с другом, овладеть чуждым способом мышления и тактикой. В их культуре результат значит меньше, чем способы, которыми он достигается. Деяние должно покрывать тебя слабой. Быть доказательством отваги, великодушия, мудрости и чести. А им придется принять к сведению, что в счет идут только выполнение заданий и эффективность. Доказательства мужества несущественны. Важно действовать тихо, быстро и результативно. И вместе. Кебирийский наемник, местный веселый авантюрист – теоретически владелец первого, – несколько фанатичных ассасинов, признающих религию Сада Фьольсфинна. Ночные Странники.

И я читаю лекции в большой трапезной, превращенной в спортзал, облачаю их в маскирующие комбинезоны и вывожу за крепость, чтобы гонять там до изнеможения по пояс в подтаявшем снегу. В лесах и на скалистых равнинах острова. Придумываю тренировки и тактические задания. До смертельной усталости. До седьмого пота.

Делаю множество вещей. Слишком много вещей одновременно.

Тем временем с сосулечек каплет. Капля за каплей. Как зерна песка в клепсидре. Вечерами ледяные потеки снова замерзают, но морозный ветер не остановит и даже не притормозит время. Разве что в такие минуты каплею стихает.

Но время течет.

Пересыпается песок в часах.

Тают снега.

В Кавернах что-то сгущается, и речь там наверняка не об ожидании весны. А на первый взгляд район выглядит нормально.

За надвратной башней в тени домов, как всегда, идет торговля. Среди убогих прилавков клубится пестрая, разнородная толпа, народ пробирается среди развешенной на шестах одежды, тряпок на полу с побрякушками, ищет рыбу и корнеплоды в корзинах. Но что-то здесь не так.

Прежде всего, толпа кажется мне куда менее шумной и живой. Никто не смеется. Не слышно наигрываемой на странных инструментах музыки из таверн и корчем.

Среди путающихся пришельцев все еще видны мутанты, но держатся они с краю. Стоят группками в воротах и переулках или перед входами в таверны. Вроде бы никого не цепляют, однако, когда прохожу, чувствую их тяжелые взгляды. Остальные прохожие тоже пытаются

обходить их подалеже. Вокруг борделя крутится явно меньше девок, и лишь немногие из них мутантки.

Просто мелочи.

Еще несколько недель назад мутанты заворачивались в плащи и прятали лица под капюшонами. Теперь большинство тоже так поступает – но не те, что стоят группками, тут и там. Эти, несмотря на холод, нарочито обнажают свои деформированные тела, словно выставляя их под чужие взгляды.

На стенах стало больше накорябанных углем и охрой надписей на чужих алфавитах.

Когда проходит патруль, все вокруг на миг замирает. Стихают разговоры, гвардейцы в капеллинах и гербовых туниках, наброшенных на меха и кольчуги, обмениваются враждебными взглядами с мутантами и идут дальше, постукивая о камень древками, и лишь тогда улица снова оживает.

Когда я был здесь в последний раз, атмосфера была иной. Никто не обращал внимания на патрули. Теперь же Фьольсфинн выслал на улицы больше стражников, но это, похоже, не меняет положения дел. Когда я перехожу на другую сторону длинной площади и ныряю в путаницу улочек у опорной стены и рыбацкого порта, делается еще страннее.

Тут почти пусто, таверны закрыты, и только за дверьми слышен шорох голосов. В окнах за грязными хрустальными стеклами маячат искривленные лица, провожающие меня взглядами.

Фонари тут разбиты, горит, может, треть. В конце закоулка я вижу группку людей на небольшом рыночке вокруг дождевого колодца, но, когда я подхожу, все исчезают словно тени, и площадка вновь пуста.

Я ухожу, и тогда из ниоткуда прилетает камешек, разминувшийся с моей головой в несколько сантиметров, и со стуком отлетает от булыжников брусчатки.

Дети.

Возможно.

Чуть дальше от крыши отрывается большой кусок льда – несколько сросшихся сосулек длиной с мою ногу, словно набор трубок органа. Слышу свист воздуха, когда они летят, и в последний момент мне удается вжаться в закрытые ворота, окаймленные резной аркой, а ледяной снаряд разбивается на булыжнике в том месте, где я только что стоял.

Случайность.

Возможно.

Я возвращаюсь в более цивилизованные районы, к первой корчме, считая от барбакана, в «Под Сельдью».

На встречу с моим информатором, что выглядит как помесь дракона с павианом. На встречу с Платаном.

По дороге туда я кружу боковыми, опустевшими переулками, протискиваюсь в какие-то подворотни и кучи бочек, потом, спрятавшись за наваленные деревянные ящики на задах какого-то склада, выворачиваю плащ с синей стороны на желтую и натягиваю меховую шапку.

Когда я отправлялся на прогулку, надеялся, что кто-то станет за мной следить, но сейчас я предпочел бы поберечь информатора.

Сперва мы договаривались о ежедневных встречах после шестого колокола на башне, но новостей у него было немного, потому мы стали встречаться раз в три дня. Всякий раз приходил кто-то другой из нас. Филар, Варфнир, Сильфана, потом я, потом Грюнальди. Когда мы отправились на материк, приходили Братья Древа в гражданском.

«Под Сельдью» – таверна с бочкообразным сводом, тут есть большой прилавок из почерневшего дерева, пиво наливают из бочонков, стоящих на распорках, котел с рыбной юшкой висит над очагом, есть тут и вяленые сельди – назовем их так. По крайней мере, это морские создания, которые Фьольсфинн назвал сельдями, и так оно и прижилось.

Такие своды играют с акустикой. Голос разносится странно, бежит вдоль кривых ребер жесткости, и случаются места, где прекрасно слышен даже шепот, доносящийся с самого дальнего столика зала, даже с нескольких метров. Словно кто-то говорит тебе в ухо, но достаточно передвинуться на двадцать сантиметров, и эффект исчезает. Обычно мы общаемся, используя этот прием.

Разве что Платан скрывает свой гребенчатый, драконоподобный череп капюшоном полотняной пелерины. Это означает, что либо он не может говорить, либо сказать ему нечего.

Но если до него дошли какие-то сплетни, если он что-то заметил или если имеет для меня важную информацию, тогда он сперва два или три раза щелкает пальцами здоровой руки. Это сигнал, а одновременно тест коммуникативной системы. Собеседник в ответ постукивает пальцами в бок своей кружки. Это значит – слышу и готов говорить.

Мы не смотрим друг на друга. Мы просто два одиноких гостя в таверне «Под Сельдью», что заняты пивом, юшкой, бормочут что-то себе под нос, на расстоянии в несколько метров друг от друга. В конце, если вокруг достаточно шумно, я ставлю Платану пиво, куда вбрасываю несколько монет. Если пусто – оставляю монеты под своим кувшином и выхожу.

Нынче он обнажил свой поросший пятнами и гребнями череп, что значит, что он собирается что-то сказать.

– Отверженные бунтуют, – шепелявит сквозь свои львиные клыки и поигрывает здоровой рукой с оловянной кружкой, крутя ее на столе. – Собираются в подвалах и не впускают никого. Вроде бы кланяются чужеземным богам.

– Амитрайским? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает он. Насколько я разбираюсь в мимике его пасти, он устал и на грани. – Я не допущен.

– Но ведь ты и сам Отверженный, – роняю я осторожно.

– Но я хочу служить Саду. Все об этом знают.

Ну да. Каверны – не слишком большой район. Мутанты наверняка знают друг друга, по крайней мере, с виду.

– Сколько готовы к бунту?

– Не знаю. Не все, но многие. Пока что треть наверняка, но к ним присоединяются и другие. Говорят о лекарстве. Якобы те заклинания, которые совершают в подвалах, их лечат, но я не вижу, чтобы они изменялись. Выглядят как и раньше, но говорят, что теперь ничего у них не болит и что песни богов дают им большую силу, такую, какая есть у чудовищ. Ну и начали исчезать люди.

– Как это – «исчезать»?

– Обычно. Сегодня есть, а завтра нету. Никто их не видел, никто не находил трупов. В последнее время уже трижды случалось нечто подобное.

– Что это были за люди?

– Один рыбак с Побережья, из Людей Грифонов. Один – простой муж, прибыл осенью на купеческом корабле из Земли Соленой Травы, и один плотник, тоже с корабля, оставшегося тут на зиму. А еще раньше исчезли две женщины. А раньше и другие. Некоторые, когда вышли в сумерках, другие днем. Никто не видел, чтобы они вступили с кем-то в спор или драку. Просто однажды встречаешь их в таверне или на улице, а потом – уже нет, и никто не знает, что с ними стало. Знаю одно: все они были людьми одинокими. Или странниками, или теми, у кого нет семьи.

– А у тебя есть семья, Платан?

– Не в этой жизни. Служу Древу. Весь город – моя семья.

– Ты видел Сад, – скорее говорю, чем спрашиваю.

Платан выпрямляется над кружкой, словно возбужденный дракон.

– Видел. Но говорить об этом не стану. Ни с тобой, ни с кем другим. То, что я видел, останется со мной. Тут, – стучит себя кулаком по широкой груди.

– Я должен знать, есть ли здесь люди короля Змеев или амитраи. Весной в Ледяной Сад придет война. Если они будут здесь, город падет. Найди других, кто умеет смотреть и крутится между людьми. Пусть ищут. Пусть собирают слухи. Если нужно, заплати им. Где могли бы прятаться амитраи, прибуди они в город украдкой?

Платан чуть пожимает плечами.

– Если прибыли украдкой, то отнюдь не обязательно должны обитать в Ластовне или Кавернах. Могут пойти в Верхний Замок или под Западную стену. Город большой, больше, чем кажется, а людей тут не так уж и много. Несложно найти места, где никто не живет. Живущие тут тянутся друг к другу, потому что человеку нужен человек. Даже измененные хотят, чтобы рядом были подобные им. Хотят торговать, пить и говорить. Женщины и мужчины хотят встречаться и возлегать рядом. Потому тут в одних местах живет много людей, а в других есть пустые улицы и заросшие двери в домах. Туда ведут запертые ворота, но кто знает, как открывать, – тот откроет. Закон запрещает заселять дома, если не получены ключи, но если ты будешь сидеть тихо, не станешь зажигать ночами свет, то кто тебя найдет?

– Мы. Ты, я, люди, которых ты наймешь. Мы должны. Иначе нам воткнут нож в спину, когда придут корабли врага. Слушай, Платан. Я должен знать, где и когда собираются Отверженные. Еще я должен знать, что значат надписи на стенах, которые начали появляться в последнее время. Найди того, кто умеет читать, и запиши. Оставляю тебе десять марок серебром мелкими монетами. Встреча через три дня в обычное время. Узнай, чего хотят Отверженные, найди больше людей для разведки, если понадобится – плати за информацию. Распусти слухи, что награда в три золотых гвихта ждет того, кто укажет южанина по имени Багрянец. Ты знаешь, как он выглядит, я тебе рассказывал. Опиши его людям. Он может притворяться жрецом, медиком или Деющим. Может использовать другое имя.

В таверне почти пусто. За длинным столом ближе к очагу сидит компания в пяток человек, стуча кружками и погрузившись в живую беседу. За двумя другими столами еще сидит по паре посетителей над кувшинами и мисками с супом. Никто не сидит поодаль, никто не смотрит в стену, стараясь выловить из общего шума наш разговор, никто не склоняет голову в нашу сторону, прислушиваясь. Трактирщик тряпкой вытирает кружки и болтает с девушкой, что сидит рядом с ним на бочке. Тоже не оглядывается на нас.

Я заплатил наперед, потому оставляю мутное пиво недопитым и иду к выходу, пряча в ладони кожаный мешочек с деньгами для моего информатора. Минуя стол Платана, аккуратно сбрасываю мешочек ему под ноги, но на него не смотрю.

Выхожу в снег и сияние фонарей, ступая обледелыми ступенями. Из Платана агент так себе, но другого у меня пока что нет.

Я уже знаю район, потому нахожу узкий переулок между каменными стенами, где снова выворачиваю плащ наизнанку и сдираю с головы шапку, после чего перехожу на другую сторону улицы.

В это время на улицах уже немного жителей, ветер раскачивает деревянные вывески на цепях и раздувает угли в кованых корзинах. Днем вокруг таких корзин полно людей – сюда непросто протолкнуться и обогреть ладони или припечь купленный в лавке кусок ветчины на палочке. Теперь же тут свободно, только около одного коксовника стоит высокий мужчина в плаще, ножны меча торчат из-под него, словно хвост.

Я захожу в таверну, выпиваю кубок морского меда и прислушиваюсь к разговорам, но до меня доносится только эхо обычных, повседневных дел. Работа, мало денег, ссоры с женами, невежливые дети, зимняя тоска, цены на древесный уголь и на чайчьи яйца на рынке, любовь, любовь платная, и снова мало денег. Как везде и всегда, наверняка на любой планете, населенной похожими на людей существами. Космическая постоянная.

Я выхожу на улицы, что петляют между стенами, обросшими готическими украшениями, потом – путь в следующий трактир. Я ищу Отверженных, чужеземцев, а особенно агитаторов. Сказать честно, я ищу хотя бы что-то. Счастья. Искушаю судьбу. Провоцирую. Хочу, чтобы случилось то, что позволит сдвинуться с места.

Но нахожу лишь пустующие улицы, сияние газового и масляного пламени в окнах и танцующие вокруг фонарей снежинки.

Я неспешно иду по улице и пытаюсь создать хотя бы какой-то план. Что хотели бы сделать агенты ван Дикена и Фрайхофф? Я вовсе не утверждаю, что это должен оказаться Багрянец. Отнюдь нет. Просто любые агенты. Я знаю, что они есть – в Змеиной Глотке я влез в обе сети. Что сам бы я хотел сделать на их месте?

Во-первых, собрать информацию о подготовке города к вероятной осаде. Во-вторых, о Фьольсфинне и обо мне. Кто мы такие, являемся ли угрозой для хозяев? Решился бы я на какой-то саботаж сразу? Прихожу к выводу, что нет. Саботаж притягивает внимание. Вызывает тревогу. Немного агитации и рост недовольства. Это же, в свою очередь, отвлекает внимание и средства и маскирует прочие ходы.

Какие? Попытку проникнуть в число слуг таинственных оборонительных действий Фьольсфинна, что ведутся внутри горы, или проникнуть в Верхний Замок.

Могут существовать две независимые сети, могут состоять из замаскированных агентов, выдающих себя за местных, пятой колонны из Отверженных и черной агентуры, скрывающейся в лабиринте пустых кварталов, которую никто не видел и о которой никто не знает.

Не таким ли образом приходит паранойя?

Я иду улочками, петляю по району, чтобы не идти по кругу. Порой прохожу мимо группок мутантов, но кроме того, что они провожают меня тяжелыми взглядами, не происходит ничего.

Я одолеваю лестницы, что ведут меня на улочки, лежащие выше, над массивом каверн. Скальная стена покрыта портиками, вырезанными в камне шпилями башен, арками и укосами, – выглядит так, словно она поглотила несколько соборов. Самый нижний уровень – линии колоннад и ряд резных арок, что окаймляют массивные затворенные двери, ведущие вглубь горы. Они затворены и охраняются. Если бы я был врагом, шпионом, то эти резные, окованные ворота, охраняющие вход в пещеры, не давали бы мне покоя. По ту сторону улицы, в тенях зеркального отражения колоннады в стене каверн, теснятся прилавки и крутятся немного больше людей. Я лениво прохаживаюсь там, глядя на серебряные курганы жесткой от мороза рыбы рядом с раскрашенными кувшинами и жбанами, какими-то таинственными чешуйчатыми корнеплодами в корзинах, когда слышится крик. В нескольких метрах от меня торговец ссорится с каким-то подростком, что держит в когтистой, птичьей лапе фрукт. Люди сперва расходятся, а после сбиваются у лавки тесным кругом.

– За это надо платить, урод! – орет торговец. – Мастер дает вам деньги! Тебе нет нужды воровать. Мы должны работать!

Я осторожно кладу рассматриваемую шпильку на прилавок, натягиваю поглубже капюшон и, толкаемый толпой, чуть приподнимаю руки, прижимая их к телу. Такие происшествия – прекрасная оказия для вора. Не хватало, чтобы меня здесь обокрали.

Мальчишка пытается вырваться, но не говорит ничего, зато шипит, словно ящерица. Выглядит как рептилия: у него нет ушей – только ряд продолговатых отверстий, словно жабры, и две вертикальные черты ноздрей. Он шипит и дергает рукой с фруктом с каким-то бессмысленным, тупым упорством.

Я придерживаю полу плаща и осматриваю лица окружающих людей, но вижу только любопытство и удовлетворение: вот, мол, поймали воришку.

Трое мутантов появляются из ниоткуда, словно выступив из стен, словно их выплюнули каменные колонны и портики. Врываются в толпу и встают перед торговцем, который слегка вянет, будто зная, что никто в толпе ему не поможет.

– Зачем вы крадете?! – кричит продавец. Голос его не звучит гневно – в нем словно бы жалоба. – У вас же есть на что жить!

У мутанта, что стоит напротив, продолговатые черты, длинные, совершенно белые, словно плесень, волосы и такая же белая, будто восковая, кожа, покрытая арабесками тонких красных линий. Остальные стоят в шаге позади: один выглядит слегка как Минотавр, а слегка как дьявол, а третий, словно крокодил, покрыт чешуей и скалит частокол зубов.

– Мы не крадем, собака, – цедит эльфообразный альбинос. – Мы берем свое! Ваш мастер и мир сделали из нас чудовищ, а для чудовищ есть лишь один закон. Сильный забирает у слабого. И однажды мы возьмем весь город! Скоро придут боги и отплатят за обиды. Истинные боги. А ты будешь скулить и истекать кровью в пыли у их алтарей.

Протягивает руку и толкает купца, а потом разворачивается спиной и вместе с молодым воришкой уходит сквозь тревожно расступающуюся толпу. Стражники над воротами грозно смотрят из-под козырьков капеллинов, но не покидают свои посты и не вмешиваются. Собственно, как и должно. Каверны важнее, чем ссоры на базаре.

Я жду минутку и вхожу глубже в тень, а потом протискиваюсь между лавками и иду следом, активируя Цифраль.

* * *

Мутанты вовсе не торопились и не пытались скрыться с глаз. Просто вышагивали сквозь толпу, расталкивая людей. Кто не сходил с дороги, получал плечом. На материке нечто подобное в три секунды закончилось бы оскорблением чьей-то чести и рубкой на жизнь и смерть.

Когда толпа начала редеть, парень свернул на базар, Минотавр и чешуйчатый растворились между колоннами и узкими переулками, но Драккайнен не обратил на это внимания, поскольку взялся за альбиноса.

Мутант был высоким и худощавым, одетым в грязно-белое, и был простейшим в истории объектом для слежки. Среди тяжелой зелени и охры улиц, среди косматых шуб и низких – на голову ниже – прохожих, он выделялся издали, словно солитер.

Шел он прямо на восток, улицей, которая сливалась с той, что вела вдоль внутренней стены, отделяющей Каверны от портового района. Слева улочка заканчивалась тупичком подле скальной стены, вправо тянулась вдоль стены в сторону порта и Сторожки. Однако альбинос мог войти в закоулок или в подворотню одного из домов. Мог свернуть вправо и пройти под Воротами Рыб к порту, вернуться в центр Каверн или черт его знает куда еще.

Что хуже, торг заканчивался через пару десятков метров, а дальше было почти пусто. Когда мы окажемся единственными прохожими на пустой улочке, незаметная слежка станет серьезной проблемой.

Альбинос остановился подле группки из трех измененных, обменялся с ними парой тихих слов, а Вуко тем временем купил в одной из лавок корзину и вбросил туда горсть корнеплодов, сушеную рыбу и несколько скрученных водорослей, что напоминали клубок сплетенной киноленты. Теперь он уже шел как некто, сделавший покупки, надеясь, что альбинос не станет присматриваться к идущему следом человеку слишком пристально. Если кто не обучен технике слежки, но ему кажется, что за ним наблюдают, то, как правило, он все равно исключает из толпы прохожих тех, кто делает нечто конкретное. Тех, кто решает дела, красит забор, волочет повозку с товарами. Ищет людей, что бродят свободно, таятся в углах, ждут не пойми чего. Если он новичок или происходит из мира, где выслеживают по меткам реди лесов и гор, а не на улице.

Вуко шел мерным, решительным шагом, словно направлялся домой с корзиной покупок, время от времени поглядывая на белую фигуру из-под капюшона. Улочка сделалась пустой, и он отчетливо слышал теперь скрип снега под ногами альбиноса и – под своими.

Сумерки густели, начали превращаться в тяжелую зимнюю полутьму. Одинокий альбинос добрался до конца улочки, что входила под прямым углом в широкую аллею вдоль стены, и повернул влево, даже не оглянувшись через плечо. В сторону, где Пристенная заканчивалась глухим тупичком в скальной стене, а по пути туда было совсем немного подворотен и других переулков. Драккайнен ускорил шаг и свернул в ту же сторону, но в пристенок за пару десятков метров раньше. Уже знал топографию этого места и знал, что доберется до закоулка, входящего в Подстенную. Узкие проходы между каменными стенами были завалены снегом и глыбами битого льда, смешанного со смерзшимся мусором. Зимний беспорядок убирали лишь там, где он мешал отворять узкие двери с черного хода домов. Окна тут были видны только на вторых этажах и выше, и были они узкими, словно бойницы, а каждые несколько метров стены соединяла балка или каменная опора. Торчали они довольно высоко над головой и не слишком-то мешали, а летом наверняка на таких сушили белье. Зато в случае осады они закрывали эти улочки для всадников. Скорее теоретически, поскольку концепция нападения всадников на крепость, стоящую на острове, казалась надуманной.

После короткого раздумья он оставил корзину со странными продуктами и добрался до пересечения проулков.

– Цифраль, выгляни и проверь, чисто ли, а потом проверь еще, что делает альбинос, – велел Вуко.

– До поворота довольно далеко, – ответила она напыжившись. – Я не сокол, метрах в двадцати от тебя теряю связь.

– Связь... – повторил Драккайнен. – Ладно. По крайней мере, выгляни, не получу ли я по лбу сразу за углом.

Он потянулся под полу и нащупал рукоять мачете, подвешенного довольно низко на спине, рукоятью вниз, а потом разблокировал предохранитель.

– Чисто, – заявила Цифраль.

Во втором переулке снега лежало меньше, но было больше мусора. Сломанная бочка, очистки и куски кожи, жесткие от мороза, битые глиняные кувшины.

Она опередила его, когда он приближался к краю проулка, и шмыгнула над головой, будто неоновая бабочка.

– Исчез, – отрапортовала через миг.

– *Perkele, da piczki materi*, – мрачно проворчал Вуко. – Исчез. Разумеется.

Выглянул, но альбиноса и правда не было на улице. Не было слышно также и шагов – вообще чего бы то ни было.

Вуко прошелся вдоль стен домов, внимательно осматривая пороги и брусчатку поблизости от нескольких подворотен, а потом зашагал в сторону склона, туда, где Подстенная утыкалась в стену, украшенную испорченным газовым фонарем, что торчал из скалы, как странный засохший цветок.

Слева за углом скала и стена дома создавали сюрреалистический хаос готической архитектуры.

Островежные порталы соединились с карнизом и аркой, обернувшейся вокруг розетты, а всё это щетинится пинаклями и декоративными элементами баз, на всем этом растянута и скручена приросшая к стене колоннада, а в самом углу – спираль лестницы, горизонтально врезающейся в стену, словно отгиск бурильной головки, и кончается она косо торчащими воротами, расположенными на стене вверх ногами. Все вместе оно выглядело так, словно кто-то вбросил в бетономешалку кусок собора, или как архитектурный трип на кислоте.

Ошибки зерна. Тут было немало таких мест. Процесс, который отдал приказ текущей лаве создать готовый замок, действовал как нечто живое, напоминающее биосинтез и – одновременно – управляемый рост форм. И порой генерировал ошибки – по крайней мере, с точки зрения пользователя. Зачем кому-то коридор-негатив башни, тянущийся в скале, с резьбой лестницы, с окнами, глядящими в никуда, и заканчивающийся тупиком в виде слепка башенной вершины? И лестницы, выглядящие как альбом невозможных фигур? Там, где Фьольсфинн тщательно обдумал конструкцию и где у него нашлись конкретные пожелания, замок функционировал и выглядел нормально. Там, где он воображал себе районы крепости, не продуманные тщательно, закливание действовало по инерции, и порой ему было все равно, создаются ли окна на полу, ведут ли куда-нибудь двери и расположена ли галерея горизонтально. Тут были две башни, которые переплетались друг с другом, словно лианы, или защитная стена, выходящая спиралью, словно змея. И масса мест, где можно было потеряться, внезапно понять, что коридор загибается вертикально вниз или что делается все уже.

По крайней мере, тут весь этот сюрреализм был снаружи, и никто не захотел бы подниматься выходящими по спирали ступенями, ведущими к перекрученным на сто двадцать градусов дверям.

И все же кто-то пытался, если судить по кускам снега на ступенях. Продавленным и спрессованным в плоские плитки, словно те отваливались от подошв сапог.

Дракайнен осмотрелся на пустой улице, а потом взобрался по вывернутой арке и вынул из кармана ручной работы металлическую зажигалку, запроваженную драконовым маслом. Просто металлический флакончик с фитильком, прикрытый завинчивающейся крышечкой. Встряхнул емкость, чтобы напитать фитиль, снял крышечку, подождал, пока субстанция вступит в реакцию с воздухом, и приблизил огонек к щели между дверью и рамой. Язычок огонька затрепетал и слегка наклонился.

Двери и окна в крепости, прежде чем ими пользовались в первый раз, оставались сросшимися тонким слоем с каменным массивом. Если нужно было отворить дверь, ее следовало сначала простучать молотком по контуру, а потом крепко дернуть. Если не было каких-то неожиданностей, они должны были бы отвориться без проблем, однако до этого времени оставались приросшими, и ничего не могло оттуда выйти.

Перевернутый вход был с петлями, что выглядели совершенно нормально, и располагайся двери правильно, открылись бы без проблем. Обычно же дверные отверстия были пустыми, просто затянутыми базальтовой пленкой и половиной петель. Пленку разбивали и вешали нормальные деревянные двери с второй, кованой половиной петли: так было куда проще и дешевле. Но каменные двери вроде этих тоже случались.

Он пытался прикинуть, куда они могли вести, но не мог. Стена, в которой они открывались, отделяла эту улочку от охраняемых входов в Каверны, и наверняка там не было никакой перевернутой двери в стене в двух метрах над тротуаром. Потом стена вставала над колоннадой каверн и окружала высший уровень замка, по террасе, вырезанной на склоне. Разве что это был незаселенный квартал, но над ней находилась еще одна стена и еще одна терраса, и не понять было, где какая. Отдельные части замка, несмотря на лабиринт домов и путаницу переулков, были друг с другом похожи, и легко было потерять ориентацию. Перевернутые двери в стене с тем же успехом могли вести как внутрь горы, так и в любое другое место.

Он пристроился в зубатом от ступеней проеме, окруженном лестницей, уперся ногами, как в скальной трубе, и наклонился к дверям.

Ручки не было, только выдавленный в камень орнамент, напоминавший украшенную оковку и головки гвоздей.

– Пригодилась бы какая-нибудь бутылочка «выпей меня» или что-то вроде, – проворчал Вуко.

Дырки от ключа он тоже не нашел. А ведь эти двери открывали. Он видел петли, значит, открывались они наружу. Вернее сказать, откидывались горизонтально, как десантный люк. Наверняка удалось бы по ним войти внутрь, но сейчас у него не было желания этого делать. Он снова огляделся, но, кажется, на этой улочке он был один. Дома по другую сторону стояли без окон – просто два узких входа, окаймленных арками. Фонари тут не поставили, лишь небо и снег светились отраженным сиянием.

– Как подумаю, что где-то там, в горах, лежит мой швейцарский ножик, то аж кричать хочется. Посвети мне, Цифраль, – проворчал он, вытягивая нож. Универсальный клинок был толстоват, чтобы войти в щель двери, но в рукояти, кроме угольного обогревателя и резервного огнива, у него был еще пенал из набора мелких инструментов разведчика. Крючочки, иглы, шила, нити и маленький плоский керамический клинок, могущий служить как скальпель; плоская рукоять была изрезанной так, чтобы ее можно было использовать как плоский ключ, отвертку, пилу или миниатюрный разрезатель. Самое главное, что клинок был узким, словно лист, и почти не мог сломаться.

Драккайнен провел острием вдоль створки, там, где предполагал найти замок, – но ничего не обнаружилось. Осторожно он ощупал всю створку, пытаясь найти хотя бы что-то, что удалось бы нажать, передвинуть или повернуть, но без результата.

Он вылез из ниши, осторожно осмотрел пустую улочку, а потом отступил на шаг и критически осмотрел завернутый архитектурный хаос.

– Это должен быть какой-то типичный дешевый номер, Цифраль, – пробормотал Драккайнен. – «Что такое Канзас-Сити Шаффл? Это когда все смотрят направо, а ты идешь налево». У блондинчика времени на гимнастику не было. Вошел сразу. – Он повернул голову и взглянул еще раз. – Выровняем-ка. Предположим, что дверь стоит прямо. Колоннада тянулась бы в сторону, весь этот бардак ушел бы вверх и встал бы абсидой над аркой, в таком случае порог к тем дверям пришелся бы на эту точку...

Он снова вскарабкался внутрь ниши и старательно осмотрел последнюю ступеньку скрученной и изуродованной лестницы, что косо высывалась над его головой. Вынул свой керамический ланцет и обвел камень острием.

– Щель, кажется, есть, – пробормотал. – А если бы дверь стояла вертикально, нога становилась бы сюда...

Он прокрутился в тесной нише и толкнул ступеньку основанием ладони. Казалось, та легко поддалась, а за дверью что-то заскрежетало. Он уперся ногами, а потом легонько толкнул дверь. Тяжелая каменная створка вдруг уступила и опустилась наружу, чуть не ударив Драккайнена по голове. Он отпустил порог и заблокировал ее плечом, а потом осторожно толкнул на место. Внутри стены раздался каменный скрежет, а потом глухой стук. Перевернутая дверь вновь была заперта.

Драккайнен спрыгнул из ниши прямо в небольшой сугроб, а потом прижался спиной к стене, вынув мачете.

– Ты хочешь туда войти? – спросила Цифраль растерянно.

– Ну, я на голову не падал. С лету, без поддержки? Пока что наблюдаем. Увидим, кто туда входит и когда.

– Ты вдруг поумнел?

– Я не готов к радостным импровизациям. Многовато всего происходит.

Он перестал бормотать и замер с мачете в руке, но было тихо.

Спрятал клинок, смахнул плащом остатки снега вокруг двери и присыпал отпечатки сапогов в сугробе, а потом набросил капюшон и направился домой.

Они ждали сразу за углом, на Подгорной. Уже встреченный ранее Минотавр стоял на дороге, сложив руки на груди, в провоцирующей позе, с паром, вырывающимся из ноздрей, а его крокодилоподобный коллега вынырнул из закоулка за спиной Драккайнена.

– Хочу твой плащ, – загудел рогатый, дыша пивом и каким-то минеральным смрадом, похожим на карбид.

Не пойми откуда появилась неоновая птичка, закружилась вокруг головы Вуко, словно хотела его куда-то отвести. Похоже, сообщение от Фьольсфинна.

– Чудесно, – сказал Драккайнен устало. – Жаль, что нет мобилки. Наверняка бы как раз позвонила мама.

– Хочу твой плащ, – повторил с тупым упорством Минотавр. – И сапоги.

Чешуйчатый звякнул чем-то, что достал из-за пазухи. Держал в руках двухметровую цепь с ржавым шаром на конце, тяжело ударившим в мостовую. Это могло быть простое бандитское нападение. Гоп-стоп все более агрессивных обитателей Каверн.

Могло быть.

Он расстегнул плащ, сбросил его с плеч, сделав шаг в сторону и вытягивая руку с одеждой прямо в морду Минотавра. Сзади раздалось звяканье, а стоящий впереди быковатый расплел руки, показав два кривых клинка.

Разведчик уклонился, набрасывая Минотавру плащ на голову, а потом вдруг изменил направление, чтобы сократить дистанцию с рептилоидом с его цепью. Тот как раз раскрутил цепь на всю длину, и противник, вскакивающий под вращающееся оружие, совершенно поймал его врасплох. Драккайнен перехватил запястье крокодила, взяв его на рычаг, и крутанул навстречу рогатому приятелю, который, ревя, будто настоящий бык, кинулся вперед, сдирая с рогов плащ и размахивая клинками. На миг установился пат. Вуко крутился, заслоняясь рептилоидом, который все еще стискивал цепь: та гремела шаром по каменным плитам тротуара, а бык прыгал вокруг, ревел и пытался достать Драккайнена то одним, то вторым клинком. Проводил молниеносные косые уколы снизу-сверху, а Драккайнен дергал крокодилом, взятым на болевой, заслоняясь от клинков, но все равно один из ударов зацепил его щеку, а второй распорол плечо сантиметров на пять.

Бык внезапно зарычал и воткнул рептилоиду клинки в бока, провернул их и соединил, словно ножницы, выпуская тому кишки, а потом развел руки в стороны, рубанув приятеля с двух сторон по чешуйчатому горлу.

Вуко отскочил, потянувшись за спину и пихая крокодила Минотавру под ноги, а потом воткнул мачете под горло противнику. Тот поскользнулся на брусчатке, издав булькающий звук и, брызгая потоком пенной, темной крови, тяжело свалился на спину.

Драккайнен сполз по стене, дыша и выбрасывая изо рта клубы пара, и ждал, пока враг не умрет. Сгреб немного снега и прижал к рассеченному плечу.

Быкоподобный дышал хрипло и все слабее, всякий раз выбрасывая из раны ручеек распяленной крови, из его больших ореховых глаз ручьем стекали слезы, пока зрачки не расширились и не замерли неподвижно.

* * *

Ярко-желтая птица Фьольсфинна неподвижно сидела на карнизе, ожидая, пока я встану на ноги, подберу мачете и измазанный плащ. На миг взлетает, а потом снова садится на гримс, пока я обыскиваю труп.

– Твитти, я работаю, – поясняю я. – В чем бы ни было дело, оно может подождать.

– Как ты выглядишь? Что у тебя с рукой и лицом? – спрашивает Фьольсфинн, глядя на меня, словно на призрак, что с головой под мышкой готовится идти на школьный бал. – Ты весь в крови!

– У меня был разговор с обитателями твоей утопии, не до конца довольными тем, как живет в Ледяном Саду. В чем дело?

– Она просыпается.

– И?

– Я думал, что это важно.

– Важно, но тут я ничего не могу поделать. Думаю, она в безопасности, а мы решили, что не открываем ей всего. Зажги ей небольшую лампу, пусть не просыпается в темноте. Пусть видит, что ее окружает, что там неопасно и уютно. Я должен себя перевязать, умыться и переодеться в что-то не настолько окровавленное. Как быстро она проснется?

– Дежурная медсестра говорит, что начала шевелиться и открывать глаза.

– Ну, значит, еще немного подождет, – выношу я вердикт, брызгая кровью на камень. – Прикажи дать ей воды и что-нибудь от головной боли. Насколько помню, вода онемения вызывает жестокое похмелье.

* * *

Примерно через час я собираю всех в большом белом зале, который считаю командным центром. У нас тут стол и стулья, камин, в хрустальные окна днем вливается достаточно солнца, а теперь тут горят и тихо шипят газовые лампы.

На простом дубовом столе сейчас мой порванный плащ, покрытый брызгами и пятнами крови, а на нем – скромные трофеи с обоих несчастных мутантов. Я выкупан, переодет, на щеке и плече чувствую, как натягивается кожа, намазанная клеточным клеем, а в мягком свете на порванном сукне лежат ответы. Загадочные, словно пророчество, помещенное во внутренности черной овцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.